

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная
поэзия и проза

Серия
«КВАНТУМ САТИС – АПТЕКАРЬ»

ПОВОДЫРЬ

МОССАЛИТ

2022

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рус)6
П42

ISSN 2078-0230

Поводырь [Текст]. - М.: Новый современник,
2022. - 196 с.

Если принять за основу чувственное восприятие, то сколько и чего надо тому или иному индивидууму для любви, счастья, ненависти? Кто-то влюбляется в образ, кто-то в голос. «Квантум сатис» – так писал доктор в рецепте, а опытный провизор знал, сколько это. Например, для приготовления пилюль требуется и масло, и порошок. И вот чтобы пилюля, брошенная с высоты 10-15 см, отскакивала от доски, надо было взять крахмала – сколько потребуется. Опытный аптекарь знает...

А кто подсказывает нам, сколько и чего надо взять для полного удовлетворения, счастья или печали? Господь? Родители? Учитель? Разум?

Итак, поговорим о чувствах и об интуиции, которыми природа наделила человека!

© Издательство «Новый современник», 2022

© Московский салон литераторов, 2022

© Авторы сборника, 2022

Вместо предисловия

Книга «Поводырь» — это второй выпуск новой серии издательского проекта «Московский Дом» «КВАНТУМ САТИС — АПТЕКАРЬ», посвященный теме интуиции.

Давайте вместе с авторами выпуска поразмышляем, какую роль в нашей жизни играет интуиция — наш внутренний голос и поводырь.

Интуиция — способность человека понимать, формировать и проникать в смысл событий, ситуаций, объектов посредством озарения, единомоментного бессознательного вывода.

Что стоит за понятием интуиции? Чутье, проницательность? В чем она выражается, как рождается? Отличается ли женская интуиция от мужской? И вообще — облегчает интуиция жизнь или усложняет, помогает или приводит к недоразумениям?

Тема широкая и интригующая, напрямую связанная с нашей повседневной жизнью.

В сборник вошли поэтические и прозаические произведения, повествующие о том, как сработала или, наоборот, не сработала интуиция, что явилось триггером и к каким последствиям или событиям это привело.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Владимир Лаврентьев	6
Очередная попытка	7
В ожидании чуда	8
Вся прелесть перевода	10
Виктория Левина	12
В городе Каббалы	13
Михаил Эндин	14
Межсезонье	15

ПРОЗА

Ольга Панькина	16
Синяя птица	17
Откуда берутся дети	19
Сосулька	22
Ян Кауфман	26
Журавли возвращаются весной	27
Философия жизни	30
Баадур Чхатарашвили	38
Эскулап	39
Илья Криштул	44
Картинка на шкафчике	45
Борис Артемов	48
Баш на баш	49

Мари Веглинская	55
Встреча	56
Грабли	72
Ольга Грушевская	78
Томочка	79
«Метро» (две новеллы из цикла)	94
Алексей Казарновский	104
Подарок	105
Светлана Куликова	113
Колокол	114
Мария Сидлер	136
Дом с привидениями	137
Старый дом	151
Всеволод Круж	162
Слесарь	163

ПОЭЗИЯ

Владимир Лаврентьев

Родился и живет в Перми. По образованию юрист.

Первые публикации относятся к 80-м годам. Публиковался в альманахах «Пульс - 1991», «Пермь Третья», «Антологии современной уральской поэзии» (тт. 1-4).

Автор поэтических книг «Город» (1990), «Постоянство места» (2005), «В ожидании чуда» (2018), «Отражение горизонта» (2019), «Призрак трамвая» (2021).

Участник поэтических фестивалей «Слово/Ноча» и «Компрос» в Перми.

Лауреат литературной премии Пермского края имени Алексея Решетова за книгу стихов «Призрак трамвая» (2021).

Публикуемое стихотворение «В ожидании чуда» заняло 1-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Очередная попытка

Стережущие мир изнутри по периметру храма
лики взглядами делят пространство предела внахлѣст.
Рядом с ними — окна второпях побелѣнная рама,
в раме — девственный холст.

Прежде холст был стеклом, на котором узоры и знаки
сочетались в мозаику. Кто-то, включившись в игру,
поменял её правила, стѣкла замазал с изнанки.
В плохо сохнувший грунт
перешла перспектива, доселе привычная глазу;
отключился проектор, погас, и экран занесло;
очертания лишнего внешнего тают, и разум —
изобилие слов.

По всему суета. Оттого-то проѣмы оконных
на все стороны света когда-то глядевших бойниц
замурованы, вместо щитов в них — иконы,
пред которыми — ниц.

Свой шедевр художник, поди, никогда не подпишет,
мысли с красками врозь, и резцу не даѣтся скала.
Может, вместо доступных уму лакокрасочных пиршеств
разместить зеркала?

В глубине, как в пещере Платона, пройдут вереницей
отражения высшего света, читай — чудеса...
Я не знаю канонов и если случиться молиться —
как получится, сам.

А метель продолжает в припадке размахивать кистью,
внешний мир превращая уже не в сугроб, а в пробел.
Вновь художник побрѣл в никуда в вечном поиске истин,
не найдя их в себе.

В ожидании чуда

Памяти Леонарда Козна

Я ночами сплю прерывисто и чутко,
реагирую давно на каждый шорох,
просыпаюсь и раздёргиваю шторы.
Двадцать лет я — в ожидании чуда.

Я пока не представляю чётко
моё чудо, что оно такое?
Как обычно, внешне я спокоен
Вот стою, перебираю чётки;

в пыльном свете храма голос чтицы
нараспев бормочет. Ниоткуда
не могу надолго отлучиться:
двадцать лет я — в ожидании чуда.

Может, весть мне принесёт пичуга?
Может быть, в забитую вещами
на десятом этаже лачугу
принесут о чуде извещенье?

Ночью я по снам своим кочую;
маяком мне служит эхо мира.
Днём капканы расставляю чуду,
но добычей — мифы и химеры.

Да в чужих шкафах гремят скелеты
и сверчков семейка под комодом.
Этак можно целое столетье
бегать, как дурак, за покемоном!

Но, пардон, мне только что звонили.
Отвечаю и встаю на эскалатор.
Мимо разноцветные скелеты
машут мне приветливо. За ними

вход в туннель. Во мгле, чернее Чада,
эхо мира шлёт мне сквозь помехи
голоса живых, ушедших — всех их.
Дальний гул. Вот-вот прибудет...
Это моё...

Вся предельность перевода

Я посетил страну, я видел свет,
струящийся от моря и до окон
и к морю возвратившийся отскоком;
он ту страну, как паутину, свил.

Там — тополя, одетые во френч
пирамидальный. Мороки из специй.
Там речь острее наполненного шприца;
течёт река, гортанная, как речь.

Там славы пыль и мрамора столбы,
там неба разноцветные разломы.
И я пытался сделать слепок словом,
чтоб доказать себе, что я там был.

Но отраженье солнца в пене вод
на лист перенести нельзя без смеха.
И вышло всё иное, словно эхо
оригинала или перевод.

Переведи меня на свой язык,
не торопись, спокойно — торопиться
бессмысленно — так скалолаза пальцы
находят на поверхности пазы.

Ты соблюдай условность, не трепля
структуру текста, ритмику и формы.
И как в игре в «глухие телефоны»,
пускай другой переведёт тебя.

И вновь, и вновь всё будет чёрт-те как,
то и не то, со слепка — новый слепок.
Я обещаю: тот, кто будет следом,
свой вариант создаст, наверняка.

Лишь тысячный, швыряя камни в пыль,
надеясь лишь на фарт, на совпадение,
пробьёт мишень случайным попаданием,
войдёт в страну, ну, в ту, в какой я был.

И он узнает, что в её саду,
и прикоснётся к небу, если сможет.
А я на свой язык, процесс продолжив,
твой вариант страны переведу.

Виктория Левина

*Прозаик, поэт, журналист, переводчик.
Член Союза писателей Израиля и
международных союзов Болгарии, Англии,
Германии, России, Литвы, Канады.
Родилась в России, в Забайкальском крае.
Жила на Украине.
Окончила МГТУ им. Н. Э. Баумана.
Работала в авиационной промышленности.
С 1997 года проживает в Израиле.
Член жюри международных конкурсов;
Консультативного совета евразийской
творческой гильдии (Лондон), Академии
ЛИК.
Кавалер ордена «Кирилл и Мефодий»,
звезды «Наследие» (2019, 2020), за вклад
в литературу награждена медалью
им. Ивана Вазова (Болгария), медалями
Пушкина Есенина, Маяковского,
Ахматовой и др.
Печатается в журналах «Литературный
Иерусалим», «Литературный европеец»,
«Литературная газета», «Эмигрантская
лира» и др.
Публикуемое стихотворение «В городе
Каббалы» заняло 2-е место в номинации
«Поэзия» конкурса «Поводырь»,
организованного МОССАЛИТом в 2021 г.*

В городе Каббалы

Алхимиков приют и мистиков планета —
мой Цфат¹ вокруг горы обвился, как змея.
Здесь правит Каббала, и чтоб осмыслить это,
достаточно пройти по кромке бытия,

что составляют здесь ступени старых улиц
и синагог святых наивный синий взгляд,
и окон голубых, что к небесам взметнулись,
чтоб возвратить мессий в священный город Цфат.

Их ждут. Для них питьё здесь оставляют в узких
проходах меж домов. Здесь кофе или чай
на выбор для мессий — устали от нагрузки
брести по тыще лет — радушьем их встречай!

За этот город Цфат платили иудеи
тот неразменный, тот последний золотой!
Бреду по городку, что воздухом идеи
пришествия мессий прикинулся горой...

¹ Цфат, маленький провинциальный израильский городок, история которого насчитывает несколько тысячелетий. Это типичный восток: маленькие каменные дома, растущие вдоль узких и витиеватых улиц и словно слепившиеся между собой. Цфат — это архитектурный феномен Израиля: дело в том, что город находится на вершине горы, и его улицы расходятся от самой верхней точки концентрическими кругами — застройка Цфата словно опоясывает высокий холм. В прошлом веке в Цфате жила женщина по имени Мохевед, которая истово верила, что, когда придет Мессия — он начнет свое триумфальное возвращение именно с Цфата. И каждое утро она ставила на верхней ступеньке лестницы два стаканчика — один с чаем, второй с кофе. Когда горожане спросили у нее, зачем она это делает, Йохевед ответила: «Мессия же устанет, поднимаясь. Здесь он передохнет и усладится напитком». «Но зачем два стакана?» — резонно спросили горожане. «Ну кто же знает, что он любит — чай или кофе?» — пожала плечами Йохевед. Цфат — город мистиков, именно здесь появилась священная книга Каббала.

Михаил Эндин

Родился в Финляндии в городе Порккала-Удд. Позже семья переехала в Ленинград.
Окончил ЛФЭИ им. Н. А. Вознесенского.
С 2003 года живет в баварском городе Вюрцбурге.
Стихи пишет со школьных лет.
Участствует в сетевых конкурсах.
Финалист 3-го поэтического конкурса «45 калибр» на сайте «45 параллель» (2015) и 8-го Международного Грушинского интернет-конкурса (2018), дипломант 9-го Международного Грушинского интернет-конкурса (2019).
Публикуется в электронном литературном журнале «Сетевая словесность».
Публиковался в сборнике «О любви» (изд. «Новый современник», 2018), в литературно-художественном журнале «Южная звезда» № 2 (71) 2019.

Публикуемое стихотворение «Межсезонье» заняло 3-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Межсезонье

...о весне да о весне... мне увиделось во сне
или же спросонья
показалось, что весна для меня уже тесна
в это межсезонье.

Тучи по небу плывут, были там, а нынче тут,
чернотой пугая.
Покатился гром, грозя, и уже никак нельзя
убежать от края...

...края города, окна; за окном лежит страна,
вообще — планета.
У планеты нынче день... по земле крадётся тень
в ожиданьи лета.

Лето прячется ещё, укрывается плащом
тучным и дождливым.
Я заглядываю в даль, мне доступную едва ль,
взглядом торопливым —

вдруг увидятся в дали солнце, море, корабли,
пляжная истома?

...о весне да о весне... мне покажется во сне
и спросонья снова,

что весна уже тесна, что весной жизнь красна,
но краснее — летом.

Тучи по небу плывут, были там, а нынче тут —
не хочу об этом.

ПРОЗА

Ольга Панькина

Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Автор более 70 книг переводов со славянских языков на русский (поэзия, проза, драма, критика и эссеистика — около 300 авторов); нескольких стихотворных книг, участник ряда коллективных поэтических сборников.

Инициатор проектов «Библиотека литературы Македонии», «Македонский роман 21 века», «Читай Македонию!» и др.

Председатель РОО «Македонский культурный центр», основанной по ее инициативе в 2010 г.

Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, МГО Союза писателей России, группы «Соло» при Союзе художников России. Обладатель многих признаний и наград. Увлекается живописью.

Публикуемый рассказ «Синяя птица» занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Синяя птица

События разворачивались стремительно. В четверг вечером, после работы, мы отмечали день рождения одной сотрудницы. Домой я вернулся поздно и сразу лег спать. Мне снилась всякая чушь. Среди прочего во сне я долго, непонятно зачем, гонялся за какой-то огромной птицей. На миг показалось, что я почти схватил ее, но она легко вырвалась и взмыла в небо. В сердцах я заорал ей вслед: «Да кто ты есть, чтобы я за тобой бегал?!» Приятным женским голосом она тихо ответила: «Птица, синяя...»

Проснулся я разбитый и злой. На работе все было как обычно. В обеденный перерыв я пошел в кафе поблизости. Там между столиками ходила молодая девушка в ярко-синем платье и сладким голосом предлагала всем приобрести лотерейный билет: «Деньги от продажи билетов пойдут на защиту редких птиц»... Я, никогда не поддававшийся таким штучкам, вдруг изменил своим правилам: «Два билета, пожалуйста...» Дома навстречу радостно ринулась жена: «Я купила себе новое платье!» Сам удивившись своему вопросу, я спросил ее: «Синее?» — «Почему синее? Нет, зеленое... Сейчас покажу». Платье оказалось как у девушки в ресторане, только той оно шло гораздо больше, чем моей дорогой супруге. Но жене я об этом, разумеется, не сказал.

Вечером я включил телевизор. Без особого интереса посмотрел «Новости» и задремал на диване. В какой-то момент проснулся. В кресле рядом сидела дочь и смотрела на экран. «Что показывают?» — «"Синюю птицу", по Метерлинку, — сказала она. — Про птицу, что приносит счастье»... Меня словно молнией ударило: «Так вот за кем я гонялся всю ночь!» Усталость мгновенно сменилась предчувствием чего-то хорошего. Состояние радостно-

го возбуждения не покидало меня. Ну бывают же сны в руку!

И вот через несколько дней чудо случилось. Опять в обед, сидя все в том же ресторанчике за чашкой кофе, я открыл газету — вы не поверите! — именно на той странице, где были опубликованы выигрышные номера той злощастной — а в моем случае вернее было бы сказать счастливой — лотереи. Господи, я выиграл! Выиграл машину! Я чуть не задохнулся от счастья...

Моя синяя «мазда» была прекрасна — летала как птица. Прошел месяц. Я уже попривык к машине, как старуха к новому корыту в известной сказке, и стал замахиваться на большее. «Раз сны на пятницу вещие, почему бы мне не попытаться счастья еще раз?» — подумалось мне.

Я подготовился — в четверг плотно поужинал и лег пораньше. Спал, правда, плохо. Раз проснулся весь в поту. Снилось: я вроде в полиции... Кричу, требую, чтобы мне вернули какие-то жемчужины — четыре... А мне в ответ: «Иди отсюда, сам ищи в синем море...» Я пошел, нырял-нырял, одну нашел. Достал со дна морского. Кстати, видел золотую рыбку... До того доныряться, что чуть не утонул. В этот момент и проснулся. Встал, покурил, выпил водички, снова лег. Вижу: вроде как мой день рождения. Вокруг люди, приодетые, все мне улыбаются. И дарят — велосипед. Тут я снова открыл глаза. Лежал, да больше уже не заснул.

Лежал и все думал о снах, но, честно говоря, так ничего в них и не понял... Решил, что про велосипед сон еще ничего, обнадеживающий... Стараясь думать о хорошем, встал с постели. Пошел на кухню, поставил чайник. Вышел на балкон покурить. Взглянул вниз и обомлел — на месте, где я вчера сам лично припарковал свою «птичку», стоял... чужой мотоцикл! «Значит, все-таки в руку! Украли!» — пронеслось в мозгу. А скорее — в голове! В моей

дурной голове... И тут я задрал свою пусть дурную, но, как мне всегда казалось, красивую голову к небу — огромная синяя птица глядела на меня в упор. Она махнула мне крылом и исчезла. Через минуту среди белых облаков повисла синяя туча, напоминавшая лохматую собаку...

Вечером того же дня, ложась спать, я нашел на тумбочке маленькое птичье перышко светло-синего цвета...

Откуда берутся дети

Наш Буратина — именно так его называли дети, да и сам он себя так называл — жил в Москве. Родился-то он в другом городе, в Краснокамске. Это он точно знал. Оттуда его привез в Москву Леночкин папа, который был в Краснокамске в командировке. Он подарил его дочке на день рождения — ей исполнилось тогда четыре года.

О своей маме Буратина ничего не слышал, а вот о папе до него доходили слухи: что его зовут Карло и живет он где-то в Италии. Не один раз, видно, намекая на иностранные корни Буратины, его называли странным именем Пиноккио! А однажды, когда Леночка и Буратина делали в песочнице куличики, незнакомый мальчик лет семи вдруг заметил: «У Пиноккио должен быть нос длиннее!»

«При чем тут нос? — подумал тогда Буратина. — А может, меня путают с братом?.. Кто знает...» А вообще он не задумывался о своей внешности. Буратина ценил силу и ум. Поэтому он обожал плавать и, кстати, никогда не тонул; очень любил читать и писать — он прыгал от радости, когда девочка Леночка брала букварь, усаживала его и бурого мишку на диван и начинала урок.

«Смотри, Никита, — обращалась она к медведю, — Буратина вот выучил буквы, а ты опять нет! Я не дам тебе

меда!» И давала мед Буратине — в назидание Никите. А Буратина, правду сказать, больше всего любил макаронны. Их, называя почему-то пастой, готовила бабушка Леночки, когда приходила к ним — посидеть с внучкой.

Леночка была хорошей девочкой, и Буратина был счастлив, что попал именно в семью Леночки. Он жил здесь уже три года и всем был доволен. Только два раза в его жизни случались ЧП. Один раз, когда Леночка, дрессируя медведя, случайно оторвала ему лапу. Буратина очень переживал за друга. Хорошо, что на помощь пришла бабушка — пришила ее. А в другой раз — дело было на даче — Леночкин папа, вообще-то человек добрый, весьма ученый, вдруг так разгорячился, что чуть было не бросил Буратину в костер, который развел для шашлыка. Спасла тогда Буратину Леночка, вовремя заметив его в руке отца. «Ты хуже Карабаса Барабаса!» — кричала она в слезах. Папа же сослался на то, что перепутал Буратину с поленом...

Шло время. Леночка росла, вырослел и Буратина. Он стал засматриваться на кукол. Когда в доме появилась Барби, он потерял покой. Ее длинные ноги сразили его наповал, да и синих волос он до этого в жизни не видел. Буратина загорелся страстью, но Барби была к нему холодна. Она не сводила глаз с пластмассового супермена, а деревянный парень ее не интересовал вовсе.

Буратина затосковал. Да и Леночка уже почти не брала в руки свои игрушки, у нее было много взрослых забот — выпускной класс! Все разговоры в доме были о том, куда же пойти Леночке учиться, да о каком-то малыше, который «ожидался»... Буратина не очень понимал, что это означает, но ему стало ясно, что семья занята важным делом, и Леночке, а уж тем более взрослым, не до него.

Всю зиму он просидел на окошке, наблюдая за тем, что происходит во дворе. С какой завистью он глядел на маль-

чишек, играющих в снежки или скатывающихся с ледяной горки!

А весной Буратина совсем расклеился — можно сказать, заболел...

Но жизнь полна неожиданностей.

В одно прекрасное утро Буратина заметил на книжной полке незнакомку. Она была миленькая — с косой, в платочке, вся такая домашняя и кругленькая, ну прямо, как теперь Леночкина мама... Девушка улыбнулась Буратине. Они подружились. Он почувствовал, что они родственные души, как сказала бы бабушка Леночки, сделаны из одного теста. При этом Буратина знал, что он-то сделан из дерева...

У нее было чудесное, редкое нынче имя — Матрёна. Она виделась Буратине настоящей русской красавицей. Он смотрел на нее с восхищением и обожанием. К счастью, оказалось, что им есть о чем поговорить. Матрёна была знатоком русского фольклора — сколько новых сказок узнал от нее Буратина!

Жизнь снова показалась Буратине стоящей штукой. А тут еще в семье произошло радостное событие — появился маленький Данила. Буратина вновь почувствовал себя нужным. Когда малыш плакал, ему показывали Буратину, и ребенок успокаивался.

Глядя на счастливых родителей Данилы, Буратина вдруг осознал, что тоже хотел бы иметь детей... Ему привиделся веселый мальчик в колпачке, резво перепрыгивающий через... нет, храбро ступающий в лужу. Или дочка — с длинной косой, в ярком сарафане...

Вы думаете, что мечте Буратины не суждено было сбыться? Он и сам так думал, пока... не случилось, по его мнению, чудо.

Вернувшись с прогулки — он был на улице вместе с маленьким Данилой, — Буратина вошел в комнату и ах-

нул! Все на той же книжной полке стояла его Матрёна, а за ней — пять девчушек, одна другой меньше! А на самом краю полки сидел, свесив деревянные ножки, мальчик — ну вылитый Буратина!

Откуда взялись эти чудесные девочки, нам, конечно, понятно. Мы-то уже давно догадались, что возлюбленной Буратины была матрешка, а вот откуда взялся мальчик — не знаем и мы. Но кто же точно может сказать, откуда берутся дети...

Сосулька

Эта история началась в конце прошлой зимы. Ночами было еще холодно, а днем, когда пригревало солнце, уже пахло весной. За окном стучала капель...

Так вот, я, как обычно, сидел за компьютером, строча очередную газетную статью. Неожиданно раздался телефонный звонок, я встал из-за стола и подошел к телефону. Звонила моя жена. Мы поговорили совсем недолго, и я снова сел за компьютер. Поднял глаза на экран монитора и обомлел. Прямо посреди моего текста крупными буквами было написано: «Спаси меня! Я таю!» Я огляделся по сторонам. В комнате никого не было, но на своем письменном столе я увидел мокрые следы, а на большом толстом словаре иностранных слов — сосульку... Так у нас в доме появился Сосулька. Оказалось, сосульку принесла с улицы Катя, наша четырехгодовалая дочка.

Сосулька не доставлял нам особых хлопот — зимой он жил на балконе. Днем мы вообще о нем забывали. Напоминал он о себе обычно к вечеру, когда мы включали телевизор. Любил Сосулька смотреть телевизор. Пристрастился к нему, когда висел над окном одной молодой пары.

Телевизор у них работал практически круглые сутки. Не выключали они и компьютер. От них Сосулька научился читать и писать. Поэтому-то он и сумел написать фразу о помощи, благодаря которой остался жив. Так вот, вечерами своим тупым концом он стучал по стеклу. Его не надо было впускать в комнату, достаточно было отдернуть на окне занавеску, чтобы он мог смотреть телевизор.

В теплое же время года Сосулька жил в холодильнике: спал в морозильнике, а днем в основном стоял на верхней полке, в уголке слева. Когда кто-то открывал холодильник, он давал понять, что у него все в порядке, чуть-чуть покачиваясь из стороны в сторону. А иногда он ненадолго выходил из своего убежища на прогулку.

Надо сказать, Сосулька быстро освоился в доме. Больше всего ему нравились всякие длинные и тонкие предметы. Дочкины карандаши вызывали у него восторг — Сосулька, как часовой, навтыжку стоял чуть в стороне от листка бумаги — ну чтобы случайно на него не капнуть — и наблюдал, как Катя рисует. С подозрением он глядел на мои сигареты. Чтобы не было беды, ради Сосульки мне пришлось даже бросить курить.

Мы подшучивали над ним. Когда называли огурцом, он страшно обижался. А когда дразнили его морковкой, то нет. Мы долго не могли понять, чем морковка лучше огурца. Он объяснил нам: «Огурца я в глаза не видел, он созревает к осени. А вот морковку — знаю. Это нос у Снеговика. Он симпатичный».

А однажды случилось вот что. Сосулька увидел по телевизору свечку. По четвергам на канале «Культура» показывали короткометражные фильмы из серии «Русские поэты-романтики». На столе перед ведущим, видимо, для создания романтической атмосферы, лежали гусиное перо и толстенная старая книга, а чуть в стороне стояла зажженная свеча. Ничего не зная о свече, наш Сосулька в

нее влюбился! А дело было под Новый год. На праздники показ сериала о поэтах приостановили. Зрителей развлекали эстрадой и рекламными роликами типа «Подарите своей любимой на Новый год незабываемое путешествие на Канары!» и другой подобной ерундой. Сосулька зато сковал, стал часто плакать. Одним словом, буквально таял у нас на глазах. Мы показали ему детский мультфильм, в котором волшебница явилась к героине сказки с зажженной свечой в руке, но та свеча не произвела на него никакого впечатления. Видя, как мучается Сосулька, жена купила ему (вот и подарок на Новый год!) подсвечник с длинной белой свечой. Похожая была у телеведущего. Купить-то купила, но зажечь свечу мы так и не рискнули — жаркая любовь не для Сосульки! Мы не знали, что делать...

Вдруг меня осенило, как помочь Сосульке. Как только сериал возобновили, я сразу записал передачу на видео. И правильно сделал, так как до его окончания оставалось всего два фильма. Сосулька воспрянул духом. Он снова держался прямо, будто старался вытянуться в струнку. Все чаще гулял по комнате. Я заметил, что Сосулька проявляет особый интерес к моему компьютеру.

Однажды, в мое отсутствие, он решился и написал на нем — не удивляйтесь! — стихотворение для своей любимой! Я распечатал его и повесил на стенку, над письменным столом... Воистину любовь творит чудеса!..

Так пролетели три лета и две зимы. А в апреле к нам из деревни — погостить на недельку — приехала сестра жены. Когда все ушли на работу, она, не привыкшая сидеть без дела, решила сделать уборку на кухне. Чтобы помыть холодильник, она, предварительно освободив от содержимого, разморозила его... После этого наш Сосулька исчез... Осталось лишь это удивительное воспоминание о нем да листок с его пылким стихотворением о любви, написанным, кстати, по-русски:

*Я красив, умен и строен,
почему же я расстроен?
Отчего я весь пылаю
слезы лью и тихо таю?*

*Я не знаю, что со мною,
будто огненной волною
жжет и ранит душу льдинке
страсть к прекраснейшей блондинке.*

Ян Кауфман

Родился в Москве.

Окончил МИСИ, работал инженером широкого профиля.

О себе: «Всю жизнь строил коммунизм, выйдя на пенсию, уехал в США учиться строить капитализм. Набравшись опыта, вернулся в Москву для построения какого-то непонятного гибрида... От старческой тоски и скуки обратился к литературному творчеству. Что-то пишет, что-то печатает, постоянно ругается с критиками. Но упорно живет, любопытствуя, чем все это закончится».

*Член творческой мастерской
«Московский салон литераторов»
(МОССАЛИТ).*

Публикуемый рассказ «Журавли возвращаются весной» занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Журавли возвращаются весной

*Все года, и века, и эпохи подряд
Все стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?*

В. Высоцкий

Обаяние южного города Павла не обрадовало. Он бесцельно бродил по его узким улочкам с яркими развесистыми глициниями по обочинам, сутолокой отдыхающих и криками бойких уличных торговков.

Вдали, между кипарисами и платанами виднелась изумрудная гладь моря и над ней — белесая дымка.

В гостинице свободных мест не оказалось, и администратор посоветовала заглянуть утром. После утомительного перелета хотелось принять душ и выспаться, но все складывалось не так, как он предполагал. Только сейчас Павел осознал абсурдность своего поступка.

Да, в последнее время они с Мариной жили под одной крышей, занятые каждый своими проблемами, иногда не очень понимая друг друга. Она, в свои двадцать восемь, уже защитила кандидатскую степень и готовила докторскую, а он, в тридцать, был еще малоизвестным художником.

Это, несмотря на их теплые отношения, задевало его мужское самолюбие. Только почему у него внезапно возникло желание разорвать все, уволиться, уехать подальше, чтобы начать все сначала, он и сам не мог объяснить. Мужская гордость? Или это подсказало ему шестое чувство — увидеть что-то новое?

Почему именно в этот город? Может, в надежде, что мягкий климат и море, которого он никогда не видел, успокоят его расшатанные нервы и откроют новые ощущения.

Павел сдал вещи в камеру хранения, машинально зашел в небольшой, пустой ресторан, где заказал сто пятьдесят водки и бефстроганов. Водка оказалась теплой, а бефстроганов — холодным.

Пригубив налитое в рюмку, он поковырял вилкой в тарелке, отыскивая там хоть что-то съедобное. Аппетит пропал.

Глядя в окно, он вспомнил, как Марина, когда автобус уже трогался в аэропорт, опустив глаза, сказала:

— Надумаешь вернуться, я буду рада!

Слезинки предательски покатались по ее лицу. Он молча кивнул, а на душе стало горько...

Воспоминания прервала официантка, подавшая счет.

Павел расплатился и пошел к морю. Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, и прямо от берега по бесконечной, уже темнеющей массе воды тянулась ослепительная, до боли в глазах, яркая дорожка. Волны с шумом накатывали на берег, а затем, шурша прибрежной галькой, словно ворча, сползали обратно.

Невольнo вспомнилось: как-то друзья, рассматривая его подмосковные пейзажи и случайно наткнувшись среди них на портрет Марины, сострили:

— Так ты еще и маринист! А ты море-то хоть видел?

Павел бесцельно бродил по опустевшему пляжу.

Сумерки наступили как-то внезапно, и свод неба осторожно заиграл мириадами звезд. Их отражение в темной воде было завораживающим.

Постепенно серебристая луна окутала дремой пляж и бухту.

Он прошел по пирсу и, подняв воротник пиджака, сел на скамейку. Монотонный шум волны и теплый южный ветер убаюкивали... Стараясь ни о чем не думать, он уснул...

Снилось, будто они с Мариной летят, словно птицы, высоко-высоко в вечернем небе. Внизу, в излучине Мо-

сквы-реки, видны ярко освещенные золотые купола и кресты церковей Коломенской усадьбы. Голову Марины украшает венок из ромашек, лепестки которых, кружась, словно снег, падают вниз...

«Все в жизни проходит безвозвратно, — говорит он ей, — вот и твой венок осыпается».

Она только успевает ему возразить: «Нет, я сейчас поняла, что птицы — как люди...»

И в этот момент далекие сполохи молний и раскат грома внезапно будят его.

«Странный сон, — подумал он, подойдя к парапету пирса, — что хотела сказать Марина?»

Оглянувшись на спящий город, он вдруг громко в сердцах подытожил в ночную пустоту:

— Да пропади все пропадом. Все пройдет!

— Что, утопиться решили? Больно неудачное место выбрали. Мелковато здесь, можно только ноги поломать. Подождите хоть до утра! — раздался откуда-то из пред-рассветной темноты насмешливый женский голос.

Только сейчас он разглядел на самом конце пирса рыбачку со спиннингом в руках.

— А вы что, тут утопленников ловите? — поддержал он шутку.

— Да полное ведро уже наловила, — ответила она дружелюбно, — скумбрия с рассветом подходит.

Вдруг со стороны моря послышалось громкое курлыканье журавлей, и высоко в утреннем просыпающемся небе показался клин журавлиной стаи.

Павел, завороченный этой красотой, стоял, задрав голову.

— Ну, всего хорошего! Пора мне сматывать удочки, — сказала рыбачка, поднимаясь. — Вон и журавли полетели до дома.

— Да и мне пора! — ответил он, решительно, — дайте ведро, я помогу донести.

Они не спеша шли по еще спящим улочкам и говорили о всякой чепухе. Потом он вдруг сказал:

— Знаете, сегодня впервые увидел, как журавли летят к нам, на север. Всегда с грустью провожал их, летящих на юг.

— Чудной вы какой-то! Так журавли всегда весной возвращаются на север.

Около ее дома они расстались, так и не познакомившись.

— Смотрите весну не прозевайте! — пожелала рыбачка на прощанье.

Вспомнился недавний сон. Да, Марина была права: птицы всегда летят домой...

Спустя два часа Павел был уже в аэропорту.

* * *

На аукционе картин русских художников в Лондоне картина «Журавли возвращаются весной» была продана в первый же день работы.

Философия жизни

Джон проснулся, когда за окном уже темнело.

По стеклам нудно барабанил осенний дождь. Встать не хотелось, было холодно и противно. После очередного запоя жутко мутило, и в голове словно кто-то требовательно стучал молотом:

— Опохмелиться. О-пох-ме-лить-ся!

Проклиная все на свете, Джон спустил ноги с дивана и сел, опершись на стол локтями и поддерживая голову ладонями.

«Неужели ничего не осталось?»

Он взял стоящую поблизости на полу бутылку из-под водки и приложился к горлышку.

— Фак! Ни капли... Что за жизнь собачья! — выругался и бросил бутылку в угол. — Сдохнуть лучше! — и... неожиданно уронил голову на стол.

Не знаю, какие мысли бродили в его затуманенной голове, но спустя минут десять он, пошатываясь, подошел к телефону.

* * *

Энтони, святой отец, готовился ко сну. На столике покоились деревянный крест и четки. Рядом в кресле лежали черная сутана и кожаный пояс. Падре стоял, позевывая, полураздетый, в одной белой льняной камизе и в домашних тапках, когда неожиданно раздался звонок.

— Падре, вы должны меня выслушать! Моя покойная матушка была ревностной католичкой и всегда говорила мне: «Джонни! В трудную минуту иди в костел к святому отцу. Он поможет». Вот сегодня, падре, у меня как раз наступила эта трудная минута.

— Слушаю тебя, сын мой!

— Благодарю, падре! Вы в этом городе, наверное, единственный, кто меня любит и поможет.

— Да... я вообще люблю всех. Открой душу свою, сын мой!

— Падре! Грешен я, грешен! Конченный я человек! А потому, прежде чем уйти из жизни сей, решил причаститься и признаться во всех грехах своих. Безмерно неводержан я, падре, в алкоголе. Потому и душа моя горит сверх меры, и спасти меня может только милость ваша, отец святой, пожертвовав мне сейчас хотя бы долларов двадцать.

— Джон, сын мой! Да помилует нас Всемогущий Бог и, простив нам грехи наши, приведет нас к жизни вечной...

Не принимай еще один тяжкий грех на душу. Молись, сын мой, с усердием, и благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и общение Святого Духа не обойдут тебя стороной. А с утра я жду тебя на исповедь.

— Отец наш, Един Ты на Небе и на Земле, — услышал Энтони молитву Джона. — Сделай милость, подари мне сейчас двадцать долларов. Всего двадцать долларов, я же не прошу пятьдесят! Ну что тебе стоит, Господи! Ты же не желаешь, чтобы я сейчас же покончил с собой? Неужели ты не поможешь мне в эту трудную минуту?!

Святой отец, лежа в постели, терпеливо слушал странную молитву заблудшего. Перед тем как заснуть, Энтони вспомнилась пословица: «Give a fool rope enough, and he will hang himself».

— А ведь и правда повесится... — добавил он.

Джон еще долго в молитвах обращался к Всевышнему со своей просьбой, пока не услышал в телефонной трубке громкий храп падре.

— Господи, вы что там, все спите? — завопил он, глядя в темноту окна, за которым уже ковыляла никому не нужная ночь. А дождь все лил и лил, заглушая храп падре, стенания Джона и все земное...

— Где же ваше милосердие, если я не могу получить всего двадцать долларов или просто по-человечески повеситься?! — взывал Джон. — Как после этого жить?

Но небеса молчали.

Джон закрыл окно, задернул занавеску, включил свет и чайник. Закурил.

Ночь барабанила по стеклу, пытаюсь понять — почему же здесь еще не спят? Но и ей никто не отвечал. Только кукушка старинных часов, засыпая на ходу, лениво прокуковала два часа.

— Ку-ку, — грустно ответил Джон. — Уже ночь, а день прошел зазря... Да еще этот дождь!

Он уронил голову на стол и ненадолго забылся. Разбудил его чей-то робкий шорох, доносящийся из угла за кучей пустых бутылок. Джон стряхнул пепел, подошел, послушал. Ничего.

«С бодуна чего только не покажется!» — мелькнуло в больной голове.

Заварил чифирь — полпачки чая на кружку кипятка — и поставил настаиваться. Машинально отрезал кусок хлеба.

Опять зашуршало, и из-за бутылок появилась усатая крыса. Посмотрев по сторонам, она, волоча длинный хвост, прошла по грязному полу и уселась напротив Джона.

— Привет, висельник! — ощерясь, пропищала она. — Ты только не бойся меня. И все будет окей!

Джон с отвращением уставился на крысу.

— Вы... Вы кто? Что за тварь?! Может это обыкновенный глюк? — только и смог глухо отреагировать он, держась за край стола, чтобы не свалиться на пол.

Тварь усмехнулась, показав желтые зубы, и слегка пошевелила усами.

— Какой глюк? Надо же! Ну ты совсем плохой. А то не видишь, кто? Конь в пальто, Люцифер с крылышками, Папа Римский, в конце концов. Тебя это устраивает?

Джон, сияясь что-то понять, морщил лоб.

— Что вам от меня надо? — спросил он, облизывая побелевшие губы.

— Мне? Ни-че-го, — протянула крыса, доедая хлебную крошку. — Я же слышала, как ты клянчил у этих, — она показала лапкой на потолок, — двадцать долларов. А всякие материальные просьбы для них — что снотворное. Видишь, все враз заснуло. Или притворяются, что спят. Каждый думает о себе, такова философия жизни. Одна я не могла заснуть и вот, принесла тебе завалившиеся у меня в подвале эти несчастные доллары.

Она протянула зеленую купюру.

— Возьми их себе — на память, хотя вряд ли они тебе теперь пригодятся. Хочу тебя обрадовать: там, в Риме, — крыса опять показала лапкой наверх, — кардиналы единогласно поддержали твое намерение повеситься по-человечески. Они посчитали, что это избавит тебя от нечеловеческих страданий и заодно оградит их от твоих постоянных просьб и стенаний. Тебе больше не придется мучиться и клянчить эти доллары. Ты повесишься, и они превратят тебя во что-нибудь стоящее и полезное. Ну например, в пустую бутылку из-под водки, которая в жизни может еще пригодиться, или в камень, на который кто-нибудь наступит и сломает себе ногу, или даже в красивую крысу, такую как я, например.

Крыса кокетливо ощерилась и крутанулась вокруг себя.

— Кстати! Если тебе и вправду повезет и ты превратишься в крысу — приму как самого дорогого гостя!

«Нет, кажется, я схожу с ума, — у Джона перехватило дыхание и лоб покрылся холодной испариной. — Зачем меня превращать в кого-то, тем более в крысу?»

С опаской поглядывая издали на злосчастную банкноту, он на всякий случай подвинулся ближе к двери.

— К вашему сведению, вешаться я и не собираюсь, я ж просто так, пошутил.

— Смотрите на этого шутника! Это он с Богом запросто шутит. Нет уж, изволь выполнять то, что обещал. Это, кстати, прежде всего в твоих же интересах. Да все будут в выгоде! Даже я. Постарайся понять это, пока ты еще гомо сапиенс! Во-первых, ты получил редкую возможность повеситься по-человечески, как настоящий венец природы, а не какая-то шелупонь. Во-вторых, в рай ты не попадешь при всем желании, потому что взгляни сам, — крыса широко развела передние лапки и обвела глазами-бусинками всю комнату, — в какой грязи живешь! Оборванные

обои, кругом пустые бутылки, окурки, рваное белье и грязные носки и тряпки. Таких грязнуль туда не пускают. Вы же там единственный сад испоганите.

— Какое ваше собачье дело? — огрызнулся Джон. — Вы что, санинспектор?

— Ну не собачье, положим. Я пришла проститься с тобой по-дружески. Мы же как-никак пока соседи, в одном доме живем. Ну так слушай дальше. В-третьих, в ад тебя, конечно, примут с удовольствием. Ведь ты — лентяй, каких я не видывала. Пальцем о палец не ударил за всю жизнь. Ни работы, ни семьи, ни детей. Но ты и сам туда, в ад, вероятно, не шибко рвешься. Да и какому идиоту захочется бесконечно жариться на адском огне! Ты же не совсем идиот? И теперь основное, четвертое: лучший исход для тебя как ни крути — безболезненная реинкарнация. Живи себе припеваючи и в ус не дуй. Благодать!

Крыса для убедительности повела усами и добавила:

— Ну и я не останусь внакладе. Каждый же думает о себе. Философия! Знаешь, надоело жить в сыром подвале. Твоя комната останется за мной — кто еще на такую грязь позарится?!

От услышанного крыша у Джона съехала напрочь. Смешалось все: ад, рай, сад да еще какая-то реинкарнация. «С ума сойти можно от всего этого. Тем более что я ж еще и не повесился. Да и зачем мне вешаться?» — крутилось у него в голове, вызывая ужас.

— Джон, а как ты думаешь, что лучше — сойти с ума или повеситься? — вопрошала ехидно крыса, шерясь. — Ито и то хорошо. Но сумасшедших кругом полно, и это уже стандарт. А ты будешь единственный повешенный по-человечески.

И крыса изобразила повешенного человека:

— Вот такой!

Джон судорожно икнул.

— Вы что, совсем ненормальная? — от страха он совсем ослаб, голос сделался сиплым и беспомощным. — С какой стати я должен вешаться?

Он глотнул уже остывший чифирь. В голове чуть прояснилось.

«Ах! Ё-моё! Ей же мою комнату захотелось!» — дошло до него.

Крыса молча глядела на стрелки часов, словно ожидая чего-то.

— Я тебе покажу философию жизни, — раздался голос Джона. И пустая бутылка с силой полетела в крысу...

Внезапно сердито закричали дверцы часов, и кукушка прокуковала шесть утра, завершая этот ночной кошмар. Куда-то сразу исчезла усатая крыса со своей жизненной философией. Джон облегченно вздохнул. Однако внимание его привлекла неисчезнувшая двадцатидолларовая купюра.

«Ага, — подумалось ему, — значит, мне все это не приснилось, значит, это был не глюк! Кажется, доллары настоящие, и день будет превосходный!»

Настроение улучшилось...

Не веря своим глазам, он как бы случайно прижал купюру ногой к полу. Затем быстро засунул ее в карман штанов.

Вспомнив про падре, Джон допил чифирь и надел костюм. Хотелось выглядеть перед священником как-то попристойнее. Он давно не посещал костел, с тех самых пор, как не стало матушки. Но помнил, как ходил туда исповедоваться, как каялся в грехах своих пред Богом и людьми, как выслушивал епитимью и обещал непременно исправиться. Только все понапрасну.

«Нет! Сегодня все расскажу святому отцу. Обо всем, что ночью привиделось. А это чудо с появлением двадцати долларов!»

Джон достал купюру из кармана штанов, зачем-то посмотрел ее на просвет и, осторожно сложив пополам, положил в карман пиджака.

Погода уже окончательно разгулялась, светило солнце, и щебетали воробьи. Правой рукой Джон держал в кармане сложенную вдвое купюру, словно боясь ее потерять. Но уже другие мысли начали беспокоить его.

«Если чудо с появлением этих долларов произошло, значит оно произошло с ведома самого Всевышнего или, в крайнем случае, нашего пастора. Значит, они оба меня слышали и были не против, чтобы я просто, по-человечески выпил, но не повесился. Так зачем мне сейчас идти в костел исповедоваться? Какие грехи я буду замаливать, если я трезв, как... как никогда? Святой отец же сочтет меня за ненормального».

Джон остановился, соображая далее.

«Не думаю, чтобы Господь или пастор стали бы возражать, если бы узнали, что я сегодня выпью за их здоровье, за здоровье всех католиков, за это неожиданное чудо — двадцать долларов, — свалившееся на меня (пусть оно повторяется хоть ежедневно!). Я даже за крысу выпью!» — решил он под конец.

Мысли враз встали на свои места.

— Вот она, жизненная философия, прости меня Господи, — пробормотал Джон и с нетерпением открыл входную дверь винного супермаркета «RED and WHITE».

Баадур Чхатарашвили

Родился и живет в Тбилиси.

О себе: «Строитель, лекарь-травник, с некоторых пор — прозаик.

...не привлекался, не состоял, не участвовал, не сочувствовал, тем не менее дослужился до “красного директора”, в каком-то звании и пребывал вплоть до деструкции Самой Лучшей Страны на планете.

Первые литературные штудии в пятидесятилетнем возрасте. Рано это или поздно? Оказалось — в самый раз: опыта и наглости примерно поровну.

Пишет много, планов творческих, как говаривали известные товарищи — громадьё, поглядим, чем еще порадует...»

С 2008 года публиковался в журналах «На любителя» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «День и ночь», «Южная звезда», «Дагестан», «Кольцо А» (Россия).

Публикуемый рассказ «Эскулап» занял 2-е место в номинации «Проза» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Эскулап

«Вот передо мною больной; он лихорадит и жалуется на боли в боку; я выстукиваю бок: притупление звука показывает, что в этом месте грудной клетки легочный воздух заменен болезненным выделением; но где именно находится это выделение, — в легком или в полости плевры? Я прикладываю руку к боку больного и заставляю его громко произнести: «раз, два, три!» Голосовая вибрация грудной клетки на больной стороне оказывается ослабленною; это обстоятельство с такой же верностью, как если б я видел все собственными глазами, говорит мне, что выпот находится не в легких, а в полости плевры. Какая громадная, многовековая подготовительная работа была нужна для того, чтобы выработать такие на вид простые приемы исследования...»

В. В. Вересаев, 1895 г.

Илларион Иорданович, или батано Илико, — лекарь, как он на старый лад величал себя сам, классический чеховский тип состоявшегося доктора: выдавшая виды трость орехового дерева, массивный брегет, пузатый саквояж; зимой башмаки на пуговках (в дурную погоду обувка пряталась в штучные калоши, трость заменял аглицкого фасона остроносый зонт), бутыльно-зеленая федора с траурной лентой, пальто бурнастого тяжелого драпа; в летнюю пору парусиновые туфли, свободная чесучовая пиджачная пара, золотистой соломки короткополая шляпа; внимательные добрые глаза за стеклами в металлической оправе, щеточка усов, седой ежик по крутлобому черепу, дикий волос в ноздрях и неторопливый, деликатный говор — этакий старичок-боровичок. Однако в войну руководил полевым подвижным госпиталем, дошел с ним до Потсдама, вперемешку с нашими бойцами лечил там горожан, страдавших после бомбежек психопатологическими рецидивами, вернулся с фронта в сорок седьмом и незамедлительно был назна-

чен заведующим детским отделением Железнодорожной больницы.

В пятьдесят пятом Иллариона с почестями проводили на пенсию, и он, проживавший в самой середине нашего околотка, принял его обитателей под свою опеку.

Илларион безошибочно ставил диагноз. У вдовой прокурорши, которой в городской онкологичке намеревались удалить опухоль кишечника, определил вульгарный протозойный колит и в трехнедельный срок избавил от него страдальцу при помощи копеечного энтеросептола вкупе с травяными клистирами. Был старомоден, но неизменно добивался успеха во врачевании даже самых запущенных больных. Призванный к страждущему, прежде чем приступить, тщательно мыл руки, после извлекал из саквояжа архаичную слуховую трубку, выслушивал сердце и легкие, заслышав приглушенный тон, выстукивал сомнительное место; завершив аускультацию с перкуссией, вставлял в уши оливы фонендоскопа и измерял кровяное давление трофейным тонометром (предмет вожделения завистливых коллег). После манипуляций на некоторое время впадал в задумчивость, далее, пальпировав утробу болящего, рассмотрев его язык, садился к столу выписывать рецепт, что означало: можно задавать вопросы.

На протяжении долгих лет Илларион брал под заботливое крыло всех новорожденных в пределах досягаемости и принимал последний вздох покидавших этот мир праведников. Даже врачи обеих наших поликлиник, а надо сказать, в те времена представители низового медперсонала отличались весьма высокой квалификацией, нет-нет да и консультировались с ветераном...

Илларион без усталости вправлял вывихи, вскрывал нарывы, залечивал незаживающие раны, сбивал жар у горячечных, ставил на ноги анемичных, усмирлял тяжкие

приливы у климактеричек. Его приглашали консультировать особо тяжелых в городской тубдиспансер, он незамедлительно возвращался в строй при вспышках детских инфекций.

С утра и до позднего вечера, в любую погоду, наш целитель передвигался от дома к дому, от парадного к парадному, названивая от очередного больного на домашний номер — справиться, не поступало ли новых вызовов. И еще — во многих семьях настаивал день, когда Илларион переставал брать деньги.

— Хватит, — коротко говорил он при очередном визите, что означало: дальнейшая опека будет продолжена на безвозмездной основе.

Особые отношения сложились у Иллариона с матушкой, ибо давно уже они приятельствовали, матушке даже дозволялось вступать в полемику с непререкаемым обычно лекарем, к примеру: облопавшись добытой в набеге на верийские сады незрелой черешней, валяюсь я с желудочной коликой. Илларион слушает мою урчащую утробу.

— Тамар, давай попробуем норсульфазол...

— Ой, батано Илико, может, не надо норсульфазол? Слишком уж сильный препарат...

— Ну, тогда назначим сульгин...

— Ой, батано Илико, у сульгина столько побочных...

— Хорошо, не будем сульгин, — кротко отвечает Илларион, присаживается к столу, свинчивает колпачок с вечного пера и, посапывая мохнатыми ноздрями, принимается за составление прописи: *Flores Chamomillae officinalis* — 30...

Отпустив меня в большую жизнь, Илларион занялся моими дочурками, явление которых миру стало возможным опять-таки благодаря сметливости доброго доктора. А дело было так. За неделю до собственной

свадьбы я вдруг опух. Вернее — опухла моя шея, спереди, до чудовищных размеров. Вечор отошел ко сну вполне себе симпатичным юношей без признаков какой-либо хвори, а пробудился от того, что не мог ворочать головой — мешал тугой лиловый зоб размером с небольшой арбуз. В доме сделалась тихая паника: батюшка помчался по городу собирать консилиум, матушка свалилась с давлением, без толку суетились соседи... Заглянула возвращавшаяся с примерки невеста, сообщить, что свадебный наряд почти готов, осталось чуть укоротить подол и подогнать вытачки... Ее увели в лоджию отпаивать валерьянкой...

Батюшка привез троицу именитых профессоров, расселись полукругом у одра, рассматривали, крайний справа потыкал пальцем.

— Гландула тиреоидеа, бесспорно, и фолликулярная карцинома при ней. Что скажете, коллеги? — изрек первый.

— Учитывая некоторый сдвиг влево — подчелюстная саливаре glandem, и, судя по тому, что опухоль плотная — плоскоклеточная форма, — возразил второй.

— Саркома! — отрезал третий. — Синюшность, характерный отблеск эпителия...

— Ошибаетесь, коллега, прощупываются железисто-подобные структуры...

Хоть и окончательно смущенный разумом, но различил я сквозь их речения знакомое посапывание — появился Илларион; чуть склонив голову в сторону почтенной троицы, приподнял шляпу, придвинулся к кровати, глянул пристально.

— Чем бреешься, безопаской? Переходи на электробритву... — подсел к ночному столику, достал вечное перо. Помахивая рецептом, дабы просохли чернила, обратился к именитым: — При всем уважении, колле-

ги, смею заверить: за полувековую практику я еще не имел случая, чтобы саркома величиной с дыню выросла за одну ночь. Тамар, — повернулся к матушке, — в аптеку: димедрол по ноль ноль пять утром и вечером, кальций хлоратий и аскорбинку. Отек Квинке это — порезался, когда брился, и инфекцию в железки вогнал, через день-другой спадет. Так что готовьтесь к свадьбе и счастья молодым!..

Мир праху твоему, добрый доктор Илико!

Илья Криштул

Илья Криштул живет в Москве. По образованию — учитель, но долгое время работал в кино и на телевидении. Автор двух книг юмористической прозы, лауреат нескольких литературных конкурсов.

Публикуемый рассказ «Картинка на шкафчике» занял 3-е место в номинации «Проза» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Картинка на шкафчике

Жизнь Лепешкина была predetermined картинкой на его шкафчике в детском саду.

Что бы он ни делал, куда бы он ни стремился — всегда утыкался в этот яркий наклеенный рисунок. На занятиях по мелкой моторике дети лепили из пластилина то, что было нарисовано на их шкафчиках, и Лепешкин с ненавистью ваял свой дурацкий овощ, который воспитательница потом отдавала умиленным родителям. Сок из него он с отвращением пил дома и на поддник, на детсадовских грядках маленькому Лепешкину всегда доставалась грядочка с ним, а про праздники и говорить нечего — на всех маскарадах и Новых годах Лепешкин красовался в уже очень поддержанном костюмчике картинки со шкафчика. Лепешкин пытался бунтовать — там, в садике, он еще не знал, что с судьбой спорить бесполезно. Однажды перед прогулкой он подошел к шкафчику с наклеенным фиником, где лежали вещи Леночки Кругловой и нагло надел на себя ее платье, колготки и туфельки. Был скандал, стояние в углу, и потом Лепешкина еще долго водили к детскому психологу, опасаясь за его ориентацию. Психолог отклонений не нашел, но посоветовал развесить дома такие же картинки, как и на шкафчике — «что б мальчик не путался в овощах и фруктах». И Лепешкин смирился...

Все школьные годы он сидел на задней парте, в учебники не заглядывал, с одноклассниками не дружил, а постоянно и задумчиво глядел в окно на «Гастроном» по соседству со школой. «Куда ты все смотришь, Лепешкин?» — иногда спрашивали учителя, и Лепешкин отвечал: «Вон, в “Гастроном” овощи привезли, разгружают...». «Хоть бы книжку какую прочитал, так и вы-

растешь овощем...» — пророчили учителя, ставя ему тройку. И прозвище в школе у Лепешкина было соответствующее.

После школы Лепешкин не стал никуда поступать, отслужил в армии и, вернувшись, устроился в «Гастроном» грузчиком. Там он познакомился с будущей женой, продавщицей из овощного отдела Наташей. Искра между ними пробежала за бутылочкой вина, когда оказалось, что Наташа ходила в тот же садик, что и Лепешкин. И шкафчик у нее был тот же, с овощем. Они поженились, Лепешкин даже предпринял попытку вырваться из овощного круга и решил пойти учиться на какого-нибудь машиниста, но проспал собеседование. Он не расстроился, он уже знал, что все в его жизни предопределено.

Иногда, после смены, они с женой брали семечки, пару бутылок недорого вина, приходили к своему детскому садику и садились на лавочку неподалеку. Им нравилось мечтать, что бы было, если бы картинка на их шкафчике была другой. «Вот у Ленки Кругловой был финик нарисован, и она в Израиль уехала, к евреям и пальмам... Вот дура... Был бы у меня на шкафчике финик, я бы тоже у евреев жил...» — говорил Лепешкин. «А у нас у Ольги у Ивановой две дыни были нарисованы, и у нее грудь пятого размера выросла. Ее депутат замуж взял, сучку такую. Я так хотела с ней шкафчиками помяться, как чувствовала!» — отвечала Наташа. И Лепешкин наливал вина.

А потом «Гастроном» превратился в сетевой супермаркет, в него пришли грузчики из далеких стран, а Наташу повысили до менеджера торгового зала. Но Лепешкина не выгнали. Ему выдали костюм овоща и он еще долго раздавал в этом костюме всякие бумажки про акции.

Он и умер там, внутри этого костюма.

Так что это был за овощ?

«Сидит девица в темнице, а коса на улице, что это, дети?» — спрашивала воспитательница. «Морковка!» — хором кричали дети, и на сцену выходил трехлетний Ванечка Лепешкин в костюме морковки. С этой сцены, не снимая костюма, он и шагнул в свою длинную сумрачную жизнь...

Интересно, а какая картинка была на моем шкафчике в садике? Мама говорит, что белоснежный морской парусник с полными веселого ветра парусами, а теща — что серое и унылое здание Бутырской тюрьмы.

Я больше верю маме...

Борис Артемов

Живет в Запорожье, работал школьным учителем.

Журналист, автор книг «Эффект 2000», «Фалафель», «Ададжо», «Герои смутных времен», «Вера, чудо и... кошелек».

Публикуемый рассказ «Баи на баи» занял 3-е место в номинации «Проза» конкурса «Поводырь», организованного МОССАЛИТом в 2021 г.

Баш на баш

Когда он окончательно разуверился в эффективности предшествующей договоренности с Богом, то растерялся. И даже заплакал. Прямо в денерной «Дамаск», на глазах у низкорослых фиолетово-смуглых индусов, которых тамошнее экваториальное солнце, безжалостное, совсем не похожее на местное, изжарило едва не до черноты. Эта шумная компания иностранных студентов у стойки неподдалеку запивала луково-пряный люля-кебаб кока-колой. Чтобы его столь явное огорчение не стало предметом пересудов и нездорового интереса, он сделал вид, что в заказанной турецкой лепешке с мясом курицы слишком много горчицы. Думаете, это было просто? Тем более что всем известно: в соус для турецкой лепешки кладут лишь кетчуп, сметану, густой чесночный йогурт, специи — и никакой горчицы.

Но индусы оказались либо очень деликатными, либо очень невнимательными — они невозмутимо продолжали пить и жевать. Лишь неаккуратно сплевывали мясные кусочки, когда весело смеялись над своими непонятными индийскими шутками и похлопывали друг друга по плечам фиолетово-сизыми, почему-то слегка искрящимися в вечернем полумраке сухонькими ладошками. Поэтому он совершенно незаметно для всех окружающих вытер салфеткой слезы, ею же смахнул крошки и следы кетчупа вокруг рта и стал решать, как жить дальше. Можно было просто сделать вид, что ничего не произошло. Или признать, как и тот всеильный, что всегда прячется за облаками, его случай безнадежным. Но он решил воспользоваться последним шансом и обратиться за помощью к... тому, чье имя в приличном обществе произносить не принято.

Только люди несведущие полагают, что ударить по рукам с тем самым, чье имя под запретом, — плевое дело. Бюрократии и проволочек в этом занятии не меньше, чем при получении государственной субсидии на оплату коммунальных платежей. Надо уже с вечера записаться в длинные списки, которые составляют общественные активисты у дверей районного отделения соответствующей канцелярии. Всю ночь не спать, оберегая небрежно выведенное черным маркером на тыльной стороне ладони заветное трехзначное число. А с раннего утра расталкивать набежавшую без очереди толпу у еще наглухо закрытых дверей офиса. Только для того, чтобы попасть внутрь, к неработающему эскалатору, ведущему куда-то вниз, и пробиться через турникет мимо поигрывающих дубинками мрачных бойцов военизированной охраны в тесный холл, к автомату, который выдает билетик с номером. Потом несколько часов кряду ждать в медленно продвигающейся потной очереди, переминаться с ноги на ногу или упираться плечом в стену длинного и неопрятного коридора, которая, как обычно и бывает у стен в таких коридорах, окрашена то ли грязно-зеленым и серым, то ли черным. Стоять придется долго. В лучшем случае, за все время ожидания лишь на десяток минут удастся примоститься на краешек неудобного пластикового стульчика с подламывающимися ножками. Как раз перед тем, как кто-нибудь, как правило, сидящий на таком же стульчике далеко позади, потребует немедленно уступить место одной из удивительно многочисленных здесь беременных женщин, жертвенно несущих к цели шарообразные животы, падающих в обморок старух или истеричных мамочек с хныкающими детьми на руках. А когда ты наконец вежливо постучишь в едва приоткрытую тяжелую дверную створку, что обшита черненой медью и украшена эмалевой, черной с белым, табличкой: «Ответственный Секре-

тарь», и неуклюже попытаешься протиснуться в кабинет, в нем, совершенно неожиданно, тебя встретит неудержимо режущий глаза пряный запах карри, лука, горчицы и давешнего люля-кебаба.

В кабинете кто-то есть. Но кто — понять невозможно. Так же как и внимательно разглядеть хозяина, фиолетово-сизого, едва различимого, сидящего за огромным черным столом, на который этот кто-то беспорядочно вывалил гору устаревших картонных канцелярских папок-дел с веревочными завязками, безобразно распухших от собранных в них документов. За спиной сидящего — окно с черными же бархатными шторами и кроваво-красным мрачным закатом, мешающее увидеть что-либо, кроме теряющегося в полумраке кабинета силуэта. Этот кто-то, словно безуспешно молодящаяся, впавшая в маразм провинциальная прима, забывшая посередине любовной сцены текст пьесы, до бесконечности держит паузу, которая в конце концов становится неприличной, а затем начинает суетливо перебирать канцелярские папки, потирая время от времени сухонькие искрящиеся ладошки и гаденько бесполо подхихикивая:

— Мы на рынке услуг не первый день. Не извольте сомневаться в результате. И документик соответствующий найдем, и дело мигом порешаем! — Этот кто-то небрежно выпотрашивает на стол содержимое папки с именем визитера на обложке и бегло, скользя взглядом по диагонали рукописных и печатных текстов, перебирает подшитые друг к другу или просто небрежно скрепленные то ржавыми, то блестящими скрепками желтые от времени странички. — Так. Что у нас!? Развод. Непрошедшая страсть. Ревность. Тоска. Депрессия. Плевое дело, одним словом. Это — мы быстро. Это для нас — семечки. Вы нам — будущее, мы вам — прошлое! Баш на баш. Вот только сперва договорчик составим. Честь по чести, по всем правилам.

Небось, не всякие там... порхающие — солидная устоявшаяся структура.

— На крови, что ли, клясться?

— Типун вам на язык, простите за моветон! Откуда эти глупости!/? Много лет уже не практикуем. Да и раньше... исключительно редко, в особых, так сказать, случаях. Теперь все на устной договоренности и безусловном взаимном доверии. От вас в данный момент лишь предварительное принципиальное согласие — и сразу же начинаем обсуждать детали.

— Я согласен.

— Прекрасно! И премного благодарен за обращение к нашим специалистам! — Этот кто-то достает из ящика стола лист пергамента, древние бухгалтерские счета и начинает что-то подсчитывать, щелкать костяшками, передвигать их слева направо и яростно черкать давно вышедшим из моды вечным пером по пергаментному бланку договора. — Я так понимаю, что ради сомнительного прошлого от неизведанного душой и телом грядущего отказаться желаете. От открытой и драгоценной, в некотором роде, перспективы?

— Какая же перспектива в одинокой старости?

— Не скажите. Еще не факт, что она будет одинокой. Да и, поверьте опыту, когда есть ясное осознание неизбежности одиночества, вместе с оным приходит умиротворение. Все, согласитесь, лучше, нежели судорожное, беспорядочное и практически животное в своей низменной бездуховности шараханье от заблуждения к заблуждению. Или того хуже — иллюзорное единение в слиянии с изначально антагонистически-чуждым! — Этот кто-то вновь бесполо хихикнул и посучил, словно подыскивая подходящие слова, искрящимися ладошками. — Как говорится, если в браке ощущаешь себя менее счастливым, чем до него, значит брак — дисфунк-

ционален. Да-с! — и с трескучим росчерком поставил в нижней части пергамента витиеватую подпись, аккуратно промокнув чернила массивным эбенового дерева пресс-папье. — Гальванизировать любой труп, однозначно, возможно. Проще простого. Сделаем! При, разумеется, вашем посильном вкладе и участии. Но вот — стоит ли?! Может, на сии экзерсисы вашей барышне отвлекаться уже и недосуг вовсе?! — Хозяин кабинета, словно сомневаясь, взвесил в руках составленный текст договора и, заискрив, перебросил его из одной ладони в другую. — Впрочем, любое оплаченное требование клиента — закон! — и протянул не глядя ожидаемо пахнувший горчицей пергаментный лист: — Подписывайте! Хотите брак, будет вам брак!..

А затем проводил посетителя до тускло поблескивающей входной двери с манерными, совершенно неискренними высокопарными уверениями в произведенном неизгладимом впечатлении и высочайшем уважении. И еще с печальным, полным сочувствия взглядом. Впрочем, вполне возможно, что этот кто-то, источающий аромат лука и горчицы, так и не сходил со своего места, не поднимался из-за стола, а за его сочувственный взгляд визитер принял свое отражение в полированной черноте меди.

...Сначала он услышал ее легкие шаги на лестнице. Затем — короткий звонок в дверь. В прошлой, бесконечно давно забытой жизни, каждый раз к вечеру, когда он ожидал ее возвращения с работы, у него привычно начинала кружиться голова, сбивался и рос ишемический ком за грудиной, сжимала душащая боль, которая ширилась, поднималась к горлу, срывала дыхание, царапала левую ключицу, предплечье и лопатку. В той жизни он совал под язык очередную таблетку нитроглицерина и шел открывать двери, почему-то уже зная, что она обязатель-

но скажет, что так дальше продолжаться не может, что она устала, что очень долго думала, что решение далось ей нелегко и что она подает на развод. Теперь боли не было. Теперь ему казалось, он знает все, что она сейчас скажет, и знает, как вести себя дальше. И может быть, на этот раз он сумеет все изменить к лучшему. По крайней мере, должен попытаться. Он заплатил за это будущим, в котором наверняка было бы комфортнее и удобнее, но в котором не было бы ее! А ведь у него с ней не всегда все было плохо. У них было потрясающе красивое прошлое. И он уже, кажется, вернулся в него. Вместе с ней. Навсегда. Это того стоило!

...Если бы только не внезапно возникшее и стремительно нарастающее чувство тревоги. И еще заполнившие квартиру с ее приходом густые и пряные ароматы горчицы и лука, которые она в прошлой жизни терпеть не могла...

Мари Веглинская

Для меня интуиция – это голос Вселенной, доступный каждому с рождения. Надо только научиться слышать.

Писатель, прозаик, журналист, член творческой мастерской «МОССАЛИТ», член Международного союза писателей «Новый Современник».

Мари Веглинская – литературный псевдоним Светланы Судариковой, главного редактора литературно-просветительского журнала «Московский BAZAR».

Встреча

Все, кто бывал у Сергея дома, неизменно обращали внимание на удивительную «картину», висящую в рамке над его рабочим столом среди бесчисленных фотографий дикой природы, сделанных практически во всех уголках мира. На этой странной картине на белом паспарту под стеклом в центре размещался небольшой клочок то ли серой шерсти, то ли тонких травинок, и больше ничего. На вопрос, что это, Сергей отшучивался: «Так, послание от самого себя». Эту историю он никогда никому не рассказывал. Не потому, что боялся, что не поверят или примут за сумасшедшего, а просто и сам не знал, что тогда произошло на самом деле.

Альпинизмом Сергей увлекся еще подростком. Как только в Доме пионеров открылся кружок, мама, на свою беду, записала туда сына, даже не понимая, что с этого момента уже никогда не сможет спать спокойно. Но это было и спасением.

Отец погиб, когда Сереже не исполнилось и двух лет, погиб на зимней трассе в одном из рейсов — автобус, которым он управлял, вылетел с дороги. Погиб не только он, но и пассажиры. Отца посмертно обвинили, сказали, уснул за рулем, хотя все знали, что у автобуса отказали тормоза. Для матери это стало страшным ударом. Пережить одновременно смерть любимого человека, несправедливость и позор оказалось невероятно трудно. Соседи говорили про нее: «Танька умом помутилась», а она просто ушла в себя, ни с кем не желала общаться, отдалилась от всех родственников, включая собственного сына. Все время проводила на работе, и Сережа почти не видел ее. Когда она уходила, он еще спал, когда возвращалась — уже спал. И только завтраки, обеды и ужины, приготовленные и аккуратно разложенные по кастрюлькам и сковородкам, неизменно сто-

яли на плите — оставалось только разогреть. Когда мать успевала их приготовить, Сережа не знал.

В результате мальчик был предоставлен самому себе. Это оказалось и хорошо и плохо. Хорошо — потому что никто не ругал за плохие оценки, не поучал, не требовал убирать за собой кровать и пылесосить. Как-то так вышло, что Сережа стал это делать сам, он рос вполне самостоятельным и по-своему ответственным. Да и учился хорошо. Хорошие оценки стали для мальчика своеобразным способом выделиться среди товарищей, стать лучшим. Ощущение некой неполноценности и даже ущербности из-за истории с отцом преследовало его с детства, и он постоянно доказывал окружающим, что он не хуже, а даже лучше. Хотя эту историю с аварией уже давно никто не помнил, внутренние демоны не оставляли мальчика в покое. А это отражалось и на дисциплине. Из-за плохого поведения мать постоянно вызвали в школу. А она просто не приходила.

Плохо — потому что в трудный подростковый период рядом оказались товарищи, готовые заменить и отца, и мать. Вовсе не такие, которых желают родители своим детям.

Это была странная компания из семерых парней, уже отслуживших в армии, но так и не устроившихся в жизни. А тут еще накатили девяностые, появились так называемые предприниматели, у которых водились «нечестные», естественно, денежки, которыми те просто обязаны поделиться с «честными» пацанами. В общем, сам не заметив как, Сережа оказался на грани закона и беззакония.

Однажды, накануне 7 Ноября, ребята предложили «взять» ларек, принадлежащий местному предпринимателю Радикю Азаряну. У Радика была «крыша», что уже являлось отяжеляющим фактором, но подвыпившую компанию это не испугало. Собственно, всех интересовало только спиртное, которого в тот холодный и промозглый

вечер очень не хватало. Посоветовавшись, решили, что если разбить стекло, через которое продавец выдает товар, и взять пару бутылок, то Радик выступать не будет. Да и как он узнает, что ларек взяли именно они. Сергею, как самому маленькому и юркому, поручили пролезть в разбитое окно и вытащить пару бутылок модного коньяка с потешным названием «Самусь», а также закуску. Но, охваченные азартом, парни уже не могли остановиться и забрали все спиртное, продукты и какие-то мелкие безделушки, назначения многих из которых они даже не знали.

На всю жизнь запомнил Сергей смесь ощущений: страха, когда он протискивался в окно, восторга, когда передавал бутылки, и гордости, когда старшие, откупоривая очередную «Самусь», снисходительно трепали его по затылку и говорили: «Молоток!», а еще стыда — тайного, омерзительного, в котором он не мог признаться никому. Именно тогда он вдруг понял, что вся эта криминальная жизнь не для него, ему совершенно не нравится воровать, а потом за старыми гаражами, у костра, из замусоленной кружки пить спиртное, затягиваться общей сигаретой и строить планы будущих налетов. Именно тогда, в тот день, он осознал, насколько омерзительна ему эта жизнь и как глубоко он в ней погряз. Но Рубикон был уже перейден.

Налетчиков нашли довольно быстро. И все бы закончилось колонией для несовершеннолетних или не самыми приятными разборками с «крышей», если б коньяк не оказался паленым. Трое из налетчиков умерли, а Сергея откачала мать — отпоила молоком. Радик благодушно не стал давать делу хода. И вот тогда мать поняла, что из-за собственных душевных переживаний почти потеряла сына. Поняла и испугалась. А тут объявили набор в кружок юных альпинистов, и недолго думая она притащила туда упирающегося Сережу, изменив тем самым всю дальнейшую жизнь сына, да и свою тоже.

Поначалу кружок Сереже не нравился, там было скучно, постоянно требовали подчинения правилам и законам, а быть послушным и дисциплинированным он не умел. Но когда в летние каникулы вместе с группой он впервые поднялся на гору, то ощутил такой восторг, такую эйфорию, что сразу же сказал себе: это мое навсегда! И нет ничего прекраснее, чем пейзаж из прозрачно-голубых горных вершин, на которые ты смотришь не снизу, как все, — ты с ними наравне. Вот они перед тобой, твои исполинские товарищи, впусившие тебя в свои горные лабиринты, открывшие неведомые другим тайны. «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...»²

И альпинизм превратился в неотъемлемую часть жизни. Бóльшую часть. Сначала он ходил в горы с группой, но постепенно понял, уже став профессионалом, что он не командный игрок и ему гораздо интереснее прокладывать маршруты в одиночку. Одному проходить все участки, вбивать в расщелины швеллеры, карабкаться по скалам, надеясь только на собственную страховку, одному разбивать палатку и встречать рассветы, такие одинаковые и в то же время всегда разные.

Особенно любил ночью сидеть у костра, смотреть на плывущие над головой созвездия, слушать, как его костер разговаривает в духами гор, то эмоционально вспыхивая снопами искр, то тихо посмеиваясь... А утром любил вылезти из теплой палатки на морозный предрассветный воздух и, кутаясь в плед, смотреть, как над вершиной, к которой он идет, появляется слепящий край солнечного диска, и влажная трава или первый снег вспыхивают миллионами искр, тонкие прозрачные облака скользят по склонам и стекают куда-то в долину, а над чашкой с только что сваренным на костре кофе поднимается пар. Пожа-

² Слова из песни В. Высоцкого.

луй, это были лучшие моменты в его жизни, когда он мог сказать себе: я абсолютно счастлив!

Еще одним увлечением была фотография. Его снимки дикой природы, временами уникальные, неоднократно становились победителями престижных международных конкурсов, и постепенно оба эти увлечения слились в одну профессию. Теперь он работал с лучшими мировыми журналами и телевизионными каналами, делал по заказу фото- и видеосъемку дикой природы, чем неплохо зарабатывал. Несколько лет назад Сергей открыл и свой ютуб-канал, на котором публиковал уникальные съемки восхождений и просто жизни дикой природы. Канал имел огромное количество подписчиков, что тоже приносило неплохой доход. Сергей вполне заслуженно считал себя независимым ни от чего и ни от кого, и это стало идеологией, жизненным лозунгом: я один — и я абсолютно свободен.

Это касалось и женщин. Женщины появлялись и исчезали, они хотели семьи, а он предпочитал оставаться свободным. Одна из них подарила ему сына, которого он безгранично любил, с удовольствием проводил с ним время и даже стал брать с собой в горы, но семьи не получилось. Так и жил в большой квартире с панорамными окнами с видом на городские кварталы, ставшей неким причалом, к которому он ненадолго пришвартовывался, чтобы обработать фото- и видеоматериал, связаться с заказчиками, получить гонорар и снова уйти в горы.

В тот день он так же выполнял заказ одного престижного географического канала. Предстояло отснять небольшой видеоматериал горного ландшафта и хищных птиц. Работа в этот раз была несложной, основные съемки он уже сделал, оставалось лишь кое-что доснять. Подъем совсем небольшой, скорее прогулка в горы, лишь один скалистый участок, метров пять, не выше. Для профес-

сионала его уровня — детская игрушка. Этот склон давно облюбовали любители скалолазания, он не представлял сложности, но позволял хорошо поупражняться, поэтому там всегда кто-то болтался. Весь склон был утыкан скальными якорями, так что тащить тяжелое снаряжение не было нужды. Маршрут Сергей знал хорошо, проходил его неоднократно, пару лет назад снимал там беркутов.

Стояла поздняя осень, в горах почти зима, и Сергей надеялся, что не встретит бесчисленных любителей ползать по скале. Он планировал обернуться одним днем, но палатку, как обычно, взял и маршрут со спасателями согласовал заранее. Ребята предупредили, что в этих местах опять появилась стая волков, так что надо быть осторожным. Вот уже год циркулировали слухи о невесте откуда взявшемся огромном волке-одиночке. Как рассказывали очевидцы, волк неожиданно появлялся в поле зрения, словно возникал из ниоткуда, и производил настолько страшное впечатление, что буквально ввергал людей в оцепенение, и будто бы у волка глаза светились красным огнем, его даже прозвали Демоном.

Над всеми этими историями Сергей искренне смеялся. Напуганным волками городским туристам могло привидеться и не такое. А волки в этих местах водились всегда, и даже бывали случаи нападения на людей. Их регулярно при необходимости отстреливали, но Демона опытные охотники ни разу не встречали, так что никто точно не знал, существовал он на самом деле, или это был очередной миф местного руководства, желающего привлечь как можно больше туристов.

Однако Сергей допускал, что нет дыма без огня, вполне возможно, что волк-одиночка, пугающий туристов, действительно существует. Эта мысль скорее радовала, чем пугала. Сергей подумал, что если удастся сделать снимки этого Демона, да в придачу с мистической историей о све-

тящихся красных глазах, то редактор наконец-то получит недостающий материал к альбому о волках, который Сергей уже давно задумал, но все никак не мог осуществить. Сергей уже представлял себе небольшой фильм, который он выложит на своем канале, с соответствующей музыкой и пугающими подробностями.

Машины оставил на парковке, с которой начиналась дорога к скале, через три часа поднялся на место и разбил палатку, где положил рюкзак с пледом, фонариком и любимой кофеваркой, чтобы по окончании работы с удовольствием посидеть у костра. Ночевка не предполагалась, планировал все сделать часов за восемь и вернуться к машине до захода солнца. Во всяком случае, выйти на основную дорогу, по которой до машины не более трех километров. В горах в это время года темнеет рано, а ночью уже морозно. Задерживаться не стал, выпил из термоса чаю, съел бутерброд взял с собой только оборудование для съемки и приступил к подъему.

Было непросительной ошибкой воспользоваться чужим вбитым крюком. Он никогда так не делал, но в этот раз хотелось поскорее выполнить работу. Он еще с утра почувствовал себя неважно, побаливали голова и горло, видимо, все-таки подхватил где-то заразу, но работа есть работа. Да и участок этот знал как свои пять пальцев, считал его детским садом, поэтому особо не готовился. И где-то на высоте метров двух крюк вылетел, и Сергей сорвался.

Сначала даже не понял, что случилось. Он лежал на земле и видел перед собой не скалу, а небо. Небо было предательски высоким и недосягаемым. Попытался встать и тут же рухнул от нестерпимой боли, на мгновение потеряв сознание. Когда пришел в себя, попробовал пошевелить пальцами — главное, чтобы не позвоночник. Пальцы на руках и на правой ноге двигались отлично, а вот левой ноги словно не существовало. Он подумал, что в общем-то

неплохо отделался — сказала армейская подготовка, и в последний момент он сумел сгруппироваться. Попытался сесть, чтобы достать рацию, и вспомнил, что рация осталась в палатке. Еще одна оплошность, непростительная для профессионала. И снова резкая боль — очевидно, что левая нога сломана. В голове мгновенно сложился план действий: первое — доползти до палатки, второе — сообщить по рации спасателям о травме, спуститься вниз сам он не сможет. И сделать это надо максимально быстро, до наступления сумерек.

Очень аккуратно Сергей перевернулся на правый бок, чтобы освободить сломанную ногу от тяжести тела, затем медленно сел, подтянул лежавшую поблизости палку и осторожно приложил к ноге. Нужно сделать что-то вроде шины, зафиксировать перелом, тогда двигаться станет немного легче, и, возможно, не без помощи другой палки он даже сможет встать и доковылять до палатки. Страховочным тросом, который и подвел его, он попытался привязать палку к ноге. От боли Сергей несколько раз почти отключался и лишь усилием воли удерживал равновесие, чтобы не упасть. Процесс затянулся, и когда наконец дело было сделано, сил почти не осталось. При помощи лежавшего рядом отломанного сука Сергей попытался встать, но не смог. Палатка стояла совсем недалеко, метрах в пятнадцати, не больше, но эти пятнадцать метров нужно как-то преодолеть. В какой-то злобе на самого себя он лег на землю, раскинул руки и долго смотрел на небо, собираясь с силами. До палатки нужно обязательно доползти, там плед и рация, а это единственная возможность выжить.

Впоследствии Сергей часто вспоминал эти несколько метров, ставшие бесконечно длинными, почти непреодолимыми, когда каждый сантиметр имеет значение... И то ощущение сродни эйфории, когда он наконец заполз в палатку. К этому моменту почти стемнело, но силуэты

гор еще проглядывали, а луна, яркая и сочная, уже висела над миром. Боль притупилась и стала частью тела, такой же неотъемлемой, как руки и ноги, еще одним органом. А может, он к ней просто привык. Зато эта боль стирала мысли, а с ними страх. Страх смерти, неведомый ему ранее. Он много раз ходил в горы, и срывался, и получал ушибы, но почему-то никогда не думал о смерти, и даже бравировал своим бесстрашием, считая себя чуть ли не заговоренным. А вот оказалось, что это не так. И теперь этот страх впервые стал явным и четким, как эта висящая над миром луна, и снежная вершина напротив, и палатка, до которой он все-таки дополз.

Первые минут десять Сергей просто лежал без движения, чтобы унять боль. Потом подтянул к себе рюкзак и достал рацию. Рация не работала, все время шли помехи. И тут он расхохотался. Потому что так не бывает, чтобы все сразу — и крюк, и рация, и сломанная нога. И чтобы ни одного человека в этих популярных у скалолазов местах. Но ведь случилось! Почему-то именно сейчас вспомнил, что ровно два месяца назад ему исполнилось сорок, и мать говорила, что отмечать нельзя — примета плохая, а друзья все равно пришли, и посидели тогда весело и уютно, даже на гитаре побренчали. Вот она, плохая примета! Подумал, что не следовало сегодня идти в горы, потому что с утра нездоровилось, ну чем не причина отложить поход! А он пошел. И тут неожиданно для себя подумал о Боге. В которого никогда не верил. «Наверное, в такие минуты все вспоминают Бога, потому что обратиться больше не к кому», — думал он. Богу нужно было что-то сказать. Но что именно, Сергей не знал. Как не знал ни одной молитвы. «Господи, помоги мне пройти этот путь, прости, что не верил в тебя» — это все, что пришло в голову. Вдруг вспомнил, что бабушка в детстве всегда читала одну и ту же молитву, называла ее «Живые помощи», и слова как-то

сами собой возникли в сознании: «Огради меня, Господи, силой честного и животворящего твоего креста...» И больше ничего.

И вот тут он четко понял, что эту ночь ему не пережить, потому что, кроме пледа, нет никаких теплых вещей, костер не разжечь, хворост он заранее не приготовил, а ночью будет минус, и он попросту замерзнет.

Только теперь он стал осознавать, что произошло, и ему стало по-настоящему страшно. Это был почти такой же страх как тогда, в детстве, когда он лез сквозь разбитое стекло в палатку, и в то же время какой-то иной. Он даже вспомнил всю эту историю почти до мелочей, она сама собой всплыла в сознании. Но в том, детском страхе не было безнадежности. А в этом появилась.

«Нет, нет. Я не сдамся! Я буду сражаться!» — мысленно прокричал Сергей и попытался вспомнить все прочитанные когда-то книги и просмотренные фильмы, где люди попадали в, казалось бы, безвыходные ситуации и выжили. Они просто не хотели сдаваться. Только это были всего лишь придуманные истории, а реальность на проверку оказалась другой. В рюкзаке лежит сигнальная ракета, от которой нет никакого толка, ее все равно не увидят, у него начинается жар, и он почти обездвижен, правая нога сломана и причиняет невыносимую боль, близится ночь, холод уже проникает в палатку. А это конец.

Постепенно он успокоился и смирился. В конце концов, он мужчина, да, собственно, это и неважно, мужчина или женщина, нужно просто принять действительность. Если ничего невозможно сделать, то и беспокоиться не стоит. «По крайней мере, смерть не будет мучительной, просто сон», — думал он, вслушиваясь в ночные звуки. Но умирать все равно не хотелось, и появилась мысль о чуде, которому всегда есть место в жизни. Только что это за чудо? Что именно может его спасти? Ни одной логически

обоснованной мысли в голову не приходило. Если спасатели и пойдут его искать, то только завтра утром. И мысль о чуде превратилась в призрачную мечту.

Он стал думать о прожитой жизни. Наверное, так положено: подвести итоги. Вспомнил, что давно не звонил матери, а она плохо себя чувствовала, хоть и скрывала от него, но он это знал. А все равно звонил нечасто. Просто работы было много. Но разве это оправдание? А теперь уже поздно.

Вспомнил каждую из своих женщин — их, оказывается, было не так уж и много, — подумал, что они его любили, а вот он их почему-то нет. Почему? Не встретил свою единственную? Да, наверное, ему не повезло.

Вспомнил сына. Давно обещал свозить его на рыбалку под Тверь, целый год обещал. Как-то все не получалось. У мальчишки сейчас самый сложный возраст, и смерть отца станет сильным ударом.

Вспомнил друзей, мысленно попрощался с каждым и попросил прощения. Подумал, что жизнь на поверку оказалась какой-то бессмысленной. Что он сделал? Что оставит после себя? Только сына. Пожалуй, это главное. Все вдруг оказалось банальной суетой, за которой ничего не стояло.

Стемнело, и Сергей больше не различал в палатке никаких предметов, только мрак. Его знобило, то ли от болезненного жара, то ли наоборот от холода. «Интересно, — думал он, — из-за повышенной температуры тело будет остывать медленнее или нет?» Эта мысль почему-то показалась смешной. Он хорошо знал, что будет происходить дальше, когда температура тела опустится ниже тридцати шести: мышцы шеи и плеч начнут сжиматься, потом капилляры под кожей сузятся, переставая питать кровью конечности, руки и ноги станут ломить от холода, его начнет бить дрожь — так тело борется за жизнь, час, не

более, затем замедлится метаболизм и Сергей постепенно потеряет способность ясно мыслить, появятся галлюцинации, неотличимые от действительности, настолько реальными они будут.

Сколько прошло времени, Сергей не знал. Время перестало существовать. То есть, возможно, оно существовало, просто не имело никакого значения. Пространства тоже не существовало — его поглотил непроницаемый мрак. А сознание болталось где-то между этими несуществующими измерениями. Дрожь больше не была, и как-то даже потеплело. Но что еще более удивительно — исчезла боль. «Странно, — думал Сергей, — совсем нет боли. Наверное, я уже умер. Если да, то смерть совсем не такая страшная».

На всякий случай он попытался открыть глаза. И тут он увидел в небе две огромные луны, и вокруг каждой из них плавали цепи созвездий, они меняли конфигурацию, сливались, сцеплялись и снова разбегались. Они жили какой-то своей таинственной вселенской жизнью, и это было завораживающе красиво! «Однако этого не может быть, я же лежу в палатке и не могу видеть небо, — подумал он, — значит, я все-таки умер». Но небо он все-таки видел, и две огромные луны тоже.

Потом в палатку вошла тоненькая девочка-подросток, улыбнулась и стала внимательно смотреть на лежащего Сергея сверху вниз. Сергей попытался приподнять голову, чтобы лучше рассмотреть ее, откуда-то он знал, что это его мама, но почему она такая юная? Мама села рядом, и ее лицо как-то само собой стало к нему приближаться, наплывать на него; ее рот, нос, брови становились все больше, пока не остались только глаза, потом всего один глаз. Он видел черный зрачок, который оказался туннелем. И вот он прошел сквозь этот туннель и вышел к морю.

Море слегка волновалось, тяжелые волны набегали на песок и вновь откатывались, оставляя на песке следы бе-

лой пены. Он мог разглядеть этот песок с удивительной четкостью, каждую раковинку и каждую песчинку. Все эти чудные метаморфозы нисколько не удивляли Сергея. Наконец он заметил, что в воде стоит обнаженная женщина и волны омывают ее колени. Точь-в-точь Афродита. Эту женщину он никогда не видел при жизни, но тоже узнал. Да, это именно его женщина, та самая, которую он так и не встретил. Женщина обернулась, улыбнулась и махнула рукой, словно приглашая к себе, поплыла, нырнула и исчезла. «Какая красивая!» — думал Сергей, пытаясь разглядеть ее в море. Но она так и не вынырнула, и ему стало скучно.

Вдруг все исчезло, и вот он опять лежит в палатке, но уже не видит ни лун, ни созвездий, а только мрак. И где-то на краешке сознания проступает ощущение боли. Едва уловимое. Но все же это именно боль, а значит и жизнь.

И вот тогда Сергей увидел два ярких красных огонька, они неподвижно висели в пространстве и как фонарики светили в сторону Сергея. «Демон», — подумал Сергей и почувствовал запах мокрой шерсти, а еще запах крови и тысячи пройденных километров, запах голода и разорванной добычи, запах падали и страха. Зверь стоял над ним и не отрываясь смотрел на человека красными глазами, точь-в-точь такими, как Сергей и представлял себе по рассказам туристов. Он попытался подняться, но тело не повиновалось, его словно не было вовсе. Нависший над человеком зверь был огромен, гораздо больше своих сородичей, а может, так только казалось.

Этот зверь давно почуял запах смерти и шел, влекомый этим запахом, шел долго, то и дело останавливаясь и пригнувшись, потому что иногда ветер срывал запах и уносил куда-то в сторону, и тогда приходилось ждать, пока он вновь не возвратится и не определит направление, откуда пахнет кровью. И вот теперь перед ним лежала законная

добыча. Его вечный враг — человек. Из тех, кто долгие месяцы шел по его следу, чтобы убить. Волк сел рядом, совсем как собака, наклонился, почти вплотную приблизил морду к лицу Сергея и стал обнюхивать. Сергей ясно ощутил тяжелое дыхание зверя. А с волком стали происходить странные метаморфозы: он вдруг увеличился до невероятных размеров, и тогда стало ясно, что его глаза — это те самые две луны. Но потом волк опять уменьшился и превратился в обычную собаку. Принюхавшись, волк шершавым языком облизал Сергею лоб и лицо, словно попробовал добычу на вкус. И вдруг лег рядом. Теперь Сергей чувствовал идущее от зверя тепло. Это было тепло жизни. Он не боялся зверя, страх давно ушел, он даже был рад этой встрече, которой, возможно, и не существовало в реальности.

И тут неожиданно понял, скорее осознал каким-то неведомым ему ранее чувством, что этот волк-одиночка — это и есть он сам, а вовсе не Демон, они — одно целое, две части общей души; оба они одиночки, этот волк тоже не командный игрок, он не признает стаю, у него нет любимой волчицы, и это он, Сергей, все это время шел к самому себе по запаху крови и смерти. Шел давно, много-много лет. И вот наконец они встретились, две части одной души. Волк лежал рядом и дышал так, словно долго бежал и теперь устал. Из пасти валил прозрачный белый пар и капала теплая слюна. Сергей скорее ощущал это, нежели видел. Это ведь он сам бежал куда-то, к какой-то неведомой цели, и теперь слышал свое собственное частое дыхание и ощущал на губах влагу. С этим зверем они были сиамскими близнецами, только сросшимися не телами, а душами.

— Почему ты все время куда-то бежал? — с любопытством спросил волк. — Я не успевал за тобой.

— Я не знаю, — ответил Сергей. Он и правда не знал.

- Ну и что ты нашел?
- Ничего.
- Тогда зачем спешил?
- Не знаю...

Так они лежали в холодной палатке, прижавшись друг к другу, как единое целое, и даже биение сердец слилось в ритм одного большого сердца. Волк пах чем-то глубоким и темным, инстинктами, спрятанными в каждой душе, чем-то древним и страшным, но в то же время совершенно естественным, что давным-давно потерял Сергей в пустой суете лет. Им было хорошо вдвоем, они оба устали, и теперь оба нуждались в отдыхе. Постепенно дыхание волка стало спокойнее, луны исчезли, над головой больше не плавали созвездия, пропала девочка-мама, а вместе с ней море и песок, и женщина, которую он так и не встретил...

Сергей больше не нуждался в чуде, где-то далеко-далеко, на другом краю вселенной, осталась его прежняя жизнь, уже не имевшая никакой ценности. Он отпускал ее, как воздушный шарик. Он даже видел это шарик, похожий на мыльный пузырь. И чем выше этот шарик поднимался в небо, тем спокойнее становилось Сергею, пока шарик не превратился в маленькую точку. Тогда он еще крепче прижался к зверю, обнял его и, согриваемый теплой шерстью, ощутил блаженство, о котором и не догадывался раньше. Это блаженство имело вселенские размеры и уже заслонило собой всю прежнюю действительность, бок о бок с огромным зверем он уходил в иную реальность, может быть, более прекрасную, чем все известные ему. И только где-то на краешке сознания почему-то вдруг снова появилась боль...

- Жив?
- Жив. Нога сломана, а так вроде цел. Носилки несите.

Эти странные голоса откуда-то издали вливались в сознание. Сергей почувствовал, как кто-то бьет его по ще-

кам, открыл глаза и увидел чье-то знакомое лицо. Это был спасатель Вадик, с которым они были знакомы уже лет двадцать.

— Ну что, Серега. С днем рождения!

— Какое рождение? — Сергей не узнавал собственный голос.

— День рождения у тебя сегодня. Это чудо, что выжил. Этого просто не может быть, понимаешь, Серега? Такого не бывает.

— Почему не бывает? — Сергей постепенно приходил в себя.

— Потому что при такой температуре с такой травмой не выживают. Ночью было минус двенадцать.

Только теперь Сергей ощутил, что сильно замерз, но жив, и это действительно чудо.

Ему вкололи обезболивающее, вытащили из палатки и положили на носилки. Ночью, оказывается, выпал снег, и теперь все вокруг стало ослепительно белым, будто вчера он жил в одном мире, а сегодня уже в другом. Пока Сергея несли к вездеходу спасателей, он все смотрел на небо, на облака и думал о том, что, может быть, на самом деле он умер и находится уже в другом мире, потому что не чувствовал ни тела, ни боли. А может, его и нет больше — тела?

— Расслабь руки, Серега! — засмеялся Вадим. — А то ты кулаки сжал, словно к драке готовишься.

Вадим знал, что сжатые кулаки — это рефлекс, так сжимают их от боли, и хотел как-то подбодрить товарища.

Сергей расслабил руки и вдруг увидел, что к левой ладони прилип клочок серой шерсти. И все видения ночи мгновенно встали перед глазами: и девочка-подросток — мама, и странная женщина, и волк... Огромный серый зверь, всю ночь согревавший Сергея своим телом и не давший ему умереть.

Габли

Сегодня можно было не торопиться и не участвовать в общей утренней суматохе. Андрей специально не стал вставать, пока дети умывались, носились по квартире, на ходу завтракали. Санька отказывалась есть сырники, а Наташка сердилась и говорила, что нельзя идти в университет голодной, Никита опять потерял какую-то тетрадь и вместе с Фальком, который с радостью участвовал в общем переполохе, искал ее по всей квартире. Фальк лаял, тетрадь не находилась, а время все ускорялось, все быстрее передвигало стрелки стенных часов, которые нервно роняли секунды и минуты, поторапливая домоладцев. И домашняя суета тоже ускорялась: дети бегали быстрее, Фальк лаял громче, Наташка ругалась сильнее, время летело...

Наконец дети ушли и в доме стало непривычно тихо. Андрей подумал, что они уже давно не маленькие, Санька оканчивает университет, у Никиты в этом году, наоборот, ЕГЭ и поступление, а они с Наташкой по-прежнему называют их детьми. Дверь легонько скрипнула, и на пороге спальни появилась Наташа. В синем спортивном костюме с небрежно убранными волосами, она была какой-то особенно домашней. И Андрей отметил, что за все эти годы она не набрала ни одного лишнего килограмма и находится в такой же превосходной форме, как и много лет назад, когда он впервые встретил ее на дискотеке.

— Все ушли, — сказала Наташа, села на край кровати и поцеловала Андрея. — Тебе тоже пора собираться.

Ему показалось, что жена чем-то встревожена или растеряна. А может, просто устала от утренних сборов, когда все носятся по квартире, Санька подшучивает над Никитой, Никита злится, Фальк мешается под ногами, а Наташ-

ка пытается всех накормить, собрать, найти потерянные вещи. Так было каждый день, но именно сегодня Наташка была какая-то не такая.

— Наташ, что случилось? У Никиты проблемы?

— Нет, все в порядке. Никитка молодец, на олимпиаде по физике куда-то там вышел, не знаю куда, не разбираюсь, но сказал, это здорово поможет для поступления в университет.

— Да, Никита голова. Весь в твоего отца.

Наташка засмеялась:

— Папа тоже говорит, будет, как я, академиком. Ладно, вставай давай, тебе уже ехать пора, а то город скоро в пробки встанет, не выберешься.

Каждый год в апреле Андрей уезжал на дачу, чтобы запустить водопровод, проверить, как работает канализация, убрать сад от прошлогодних листьев, в общем, подготовить к открытию сезона, к майским, когда они приезжают туда всей семьей. Он брал на работе несколько дней, оставшихся от прошлогоднего отпуска, и уезжал дней на пять на дачу, прихватив мольберт и краски — увлечение, оставшееся с детства, когда он посещал изостудию. Пожалуй, именно эти несколько апрельских дней он любил больше всего на свете: больше поездок с семьей на море, больше туров по городам мира, шашлыков в теплые летние вечера, и даже спуска на байдарках в августе с друзьями.

На даче он вставал рано, сначала шел на речку порыбачить, затем работал в саду, где-то около пяти, когда солнце становилось особенно мягким и приятным, вставал за мольберт, а вечером разжигал камин, включал скачанную заранее аудиокнигу и ощущал себя самым счастливым на свете.

— Это котлеты, тут на все время тебе хватит, — говорила Наташка, складывая вкусно пахнущие котлеты в пла-

стикový контейнер, — в банке борщ, тут два литра, убирай в холодильник, а то испортится, и картошка отварная, сам ведь ни за что варить не будешь! Остальное купишь по дороге. Я тебе список написала, что купить.

Андрей не удержался и поцеловал жену. И опять почувствовал какое-то напряжение, словно она чего-то недоговаривала, чего-то, что ее беспокоило.

— Наташ, что все-таки случилось? Я же вижу, ты какая-то грустная.

— Тебе кажется, — улыбнулась Наташа. — Все в порядке, честное слово. Ты там с Петровичем особо не переусердствуй, он, как тебя увидит, сразу на рюмочку прибежит! Открой, пожалуйста, мои розы, а то они сопреют. Вообще освободи все от лапника. Листья сгреби и в компост брось. Рыба мне твоя не нужна, сам ешь, не вздумай привозить, у меня с прошлого года в морозилке эта мелочь лежит.

— Наташка, а уха? Ты давно обещала сварить уху!

— Вот и свари себе уху сам, с Петровичем попируйте. Корм Фальку тоже купишь, там в списке есть, и оставь на даче. Все равно скоро сезон.

Наташа проводила Андрея до машины, еще раз повторила все ценные указания, подробно объяснила, в какой пакет класть грязные рубашки, а в какой грязные носки, ни в коем случае не смешивать, обязательно подмести полы, посуду предварительно помыть, с Петровичем не переборщить. А то он от долгой зимы уже одичал, наверное. Послала воздушный поцелуй и исчезла в подъезде.

По дороге на дачу Андрей заехал в «Глобус», выпил кофе, купил точно все по списку плюс две бутылочки водки — одну Петровичу, другая пусть стоит на всякий случай. «Что хочет Петрович? Петрович хочет водочки!» — вспомнил он Наташкину шутку и вдруг поймал себя на мысли, что Наташкина тревожность передалась и ему, и теперь и

ему казалось, что он забыл что-то важное, а что именно — вспомнить не мог. Он даже остановился на обочине, открыл багажник и проверил. Все было на месте: мольберт, краски, кисти, ключи от дачи, Фальк тоже был на месте и с интересом наблюдал, как хозяин возится в багажнике, но чего-то все-таки не хватало. Вот только чего?

На даче было здорово. Первым из машины вылетел Фальк и с радостным лаем стал носиться по участку. День выдался солнечным и непривычно теплым для этого времени года. Облепив куст черноплодки, чирикали воробьи, снег совсем сошел, и кое-где уже пробивалась молодая травка. На клумбе Андрей увидел первый синий крокус, сфотографировал и отправил по ватсапу Наташке. В доме было холодно, даже холоднее, чем на улице. Андрей включил обогреватели, запустил водопровод, проверил все краны, чтобы не текли, представил, как к вечеру дом нагреется, он разожжет камин, поставит аудиозапись «Полковнику никто не пишет», сделает себе грог и сядет в старое кресло; рядом будет лежать Фальк, и в его преданных собачьих глазах отразятся каминные всполохи.

Однако в этот раз к приятным мыслям примешивалось тревожное, то самое, что он забыл и никак не мог вспомнить. Эта мысль теперь не давала покоя и портила настроение. Андрей достал из сумки вещи, поставил в холодильник котлеты и борщ, рисовальные принадлежности отнес на веранду и положил на стол, подумал, что займется этим завтра. А сегодня надо еще убрать сухие листья, открыть розы, посмотреть, как перезимовала теплица, посеять в теплице укроп и салат. В общем, дел было много, а времени мало. И эта проклятая тревожная мысль никак не давала расслабиться и получить удовольствие.

После зимы дверь в сарай никак не хотела открываться. Так было всегда. Сарай по весне «гулял», и Андрей в сотый раз отругал себя, что к строительству фундамента

отнесся слишком легкомысленно. Но к лету земля высохнет, все придет в норму. Наконец дверь поддалась и открылась. В сарае было темно. Нужно было включить на щитке рубильник, а он забыл. Чертыхаясь, Андрей вошел и остановился. Постепенно глаза привыкли к полумраку. Садовый инвентарь, тщательно вымытый и высушенный, стоял в самом дальнем углу. Аккуратно ступая, чтобы ничего не задеть и не свалить, Андрей подошел к лопатам, вилам, граблям и прочему садовому инструменту, как вдруг что-то с силой шарахнуло по лбу. Так шарахнуло, что от полетевших из глаз искр, казалось, в сарае стало светлее!

— Наташка! — сердито крикнул он. Сколько раз говорил жене, что грабли так ставить нельзя, уже не раз на них наступали и набивали шишки, а она всегда забывала и прислоняла к стене деревянным черенком как лопаты. Он потер ушибленное место ладонью и вдруг все вспомнил. То важное, что он забыл и что тревожило его весь день.

«И этот день подошел к концу». Наташа с грустью посмотрела в окно. С четырнадцатого этажа был хорошо виден горизонт и заходящее солнце. Ей нравилась их квартира в спальном районе с видом на лесопарк, она вспоминала, как много лет назад они сюда заезжали. Дети были маленькие, а они молодые. Кажется, прошла уже целая жизнь. Санька оканчивает университет, а Никите через год будет восемнадцать.

Она достала из холодильника бутылку вина, откупирила и налила в бокал. Это был ее любимый бокал, единственный оставшийся от сервиза, подаренного двадцать пять лет назад в этот самый день им на свадьбу Наташиными родителями, все остальные разбились. День свадьбы они давно не отмечали. Если первые года три Андрей еще вспоминал, то теперь, уже много лет этот день не значился

в списке домашних праздников. Наташа о нем помнила, а Андрей почему-то нет. Вот и сегодня опять забыл. Хотя сегодня у них серебряная свадьба, двадцать пять лет вместе. Плюс еще пять лет, пока они встречались.

Она вспомнила, как на первом свидании он подарил ей огромный букет белых роз. Где он их раздобыл в те непростые времена, так и осталось для нее загадкой. Наташа подумала о том, что семья у них все-таки хорошая, и Андрей ее любит, а она его, и что подруги ей завидуют, так что огорчаться и обижаться в общем-то не на что. Но почему-то было обидно. Так обидно, что весь день на глаза наворачивались слезы. Она посмотрела на часы: без пяти семь. С минуты на минуту придет Санька, она уже отзвонилась, а у Никитки допоздна в универе курсы. Дверь хлопнула, и Наташа, оставив бокал с вином, привычно подошла к плите, чтобы положить Саньке горячий плов и салат.

— Санька, что будешь пить, кефир или чай? — крикнула Наташа.

— Шампанское, конечно!

Наташа обернулась и замерла. В дверном кухонном проеме с огромным букетом белых роз стояла Андрей.

Ольга Грушевская

*Родилась и живет в Москве. Окончила факультет английского языка и литературы МГПИ им. В. И. Ленина
Прозаик, публицист, общественный деятель, награждена медалью им. Достоевского.
Издавалась в России, Израиле, США, Австралии, Армении.*

Член МГО Союза писателей России, руководитель творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ), издательского проекта «Московский Дом», интернет-издания «Московский BAZAR».

Томочка

— Нет, — решительно сказала моя дочь Ксюша и, вытащив упаковку бледного зефира из тележки с продуктами, заменила ее на коробку конфет. — Томочка просила «Вдохновение», это же для Илюши! — Ксю посмотрела на меня с укоризной. Ей было десять.

Спорить не было смысла: по гамбургскому счету, они с Томочкой — моей мамой и Ксюшиной бабушкой — были правы. А я нет. И мы купили «Вдохновение».

Илья появился в нашей семье год назад. И его я ожидала меньше всего.

В тот день я, как обычно, приехала к маме к обеду. Сиделка Гуля смотрела в телевизор и на чужом языке болтала по телефону. Мама лежала под красным пледом, обиженно отвернувшись к стене. Перенеся микроинсульт, она, слава богу, быстро восстанавливалась, хотя врачи, ссылаясь на преклонный возраст, давали противоречивые прогнозы. Мы с Ксю старались об этом не думать, вернее, старалась я, а юная Ксю, естественно, думала вообще о другом.

А мама уже сама садилась и даже с поддержкой перемещалась по комнате, к ней вернулась память и, увы, ее непростой характер — обидчивый и требовательный, хотя об этом, наверное, не следует упоминать. Говорят, под старость обостряются некоторые черты характера: щедрый становится транжирой; расчетливый превращается в скрягу; впечатлительный тонет в тревогах и страхах, а подозрительный и капризный... Словом, не стоит ко всему относиться всерьез и принимать близко к сердцу. Наверное, кто-то это умеет.

Так вот, когда Гуля радостно схватила рюкзачок и выпорхнула из квартиры, я устроила маму в кресле на балконе, а сама занялась покупками.

Стоял теплый май, и в воздухе — под щебетанье птиц и при свежем запахе молодой листвы — царило предвкушение новой жизни. Большое окно с балконом как раз выходило в сквер со старыми раскидистыми вязами. Когда-то наш район считался новостройкой, теперь же, по прошествии сорока лет, новостройка превратилась в добротный московский район, не такой уж далекий от центра, а дом посolidнел от времени и приобрел значимость.

Разобрав сумки, я вернулась в комнату и нашла маму на балконе. Она стояла в неловкой позе, напряженно схватившись за перила, и пристально вглядывалась во что-то в глубине сквера.

— Все нормально? — я коснулась ее локтя, невольно желая вернуть маму в безопасное кресло.

Мама ответила не сразу, повернулась, взглянула отстраненно.

— Конечно, — наконец сказала она и, нахмурившись, отвернулась. — Что может быть со мной ненормального?

— Давай потихоньку сядем, — снова попыталась я, но мать со свойственной ей категоричностью оттолкнула мою руку: «Сама!» — и тяжело опустилась в кресло.

Через день все повторилось. И потом еще — через неделю, и еще. Каждый раз, независимо от того, сидела ли мать на балконе или, когда шел дождь, просто смотрела в окно, она с удивительным упорством что-то внимательно высматривала в сквере. Нет, это не был спокойный рассеянный или задумчивый взгляд больного человека, нет. В ее взгляде была какая-то чрезвычайная заинтересованность, граничащая с удивлением и восторгом от того, что она видела что-то особенное. Иногда она даже что-то приговаривала, похожее на «Странно» и «Не может быть», а иногда «Наконец-то».

Неутомонная Ксю, всякий раз во время наших визитов крутившаяся рядом с больной бабушкой, никаких во-

просов ей не задавала, просто сидела тихонечко рядом и с точно таким же огромным интересом наблюдала за тем, за чем наблюдала и моя мать. Я пыталась понять, куда же они смотрят, но там, куда они смотрели, я не видела ничего привлекающего внимание: полупустынный сквер, усталые мамы с колясками, старые вязы, гравийные дорожки, лавочки, голуби — ровным счетом ничего интересного. На все мои расспросы и попытки разглядеть то же, что и они, мама всякий раз отмахивалась, кривясь в знакомой усмешке: «Тебе ли меня понять!», а Ксю хмурилась: «Не мешай!», становясь в эти минуты очень похожей на молодую Томочку. Казалось, в силу родственной общности, Ксю с Томочкой видели то, чего не видела я, они были заодно, но делиться своими наблюдениями не собирались. Мне было обидно.

— Слушайте, девушки, — наконец не выдержала я, — это просто нечестно! Давайте рассказывайте, что вы там разглядываете.

И они сдались. В мою сторону повернулись две головы, старая и юная, и неожиданно Ксю сказала:

— Посмотри вон на ту лавочку, прямо, что на солнышке. Никого там не видишь?

Я прищурилась и посмотрела. Лавочка показалась мне пустой.

— Нет, — сказала я, — не вижу.

— Я же говорила, — мама с досадой хмыкнула.

— Смотри внимательно! — приказала Ксю и, как полководец, выбросила вперед маленькую руку с прямым указательным пальчиком.

Я не поленилась надеть очки и даже чуть подалась вперед через балконные перила, но увидела только все ту же лавку и старую парковую урну. Урна внушительных размеров, сохранившаяся еще с советских времен и потемневшая от времени, была бетонной, со сколотой, а потому еле заметной цветочной лепниной. Лавка из тех же времен, в

стиле ампир, крепкая, добротная, с чугунными боковинами — таких много в московских парках и скверах; такая же, как те, мимо которых мы с Ксю каждый раз проходили по дороге от метро к маминому дому.

— Это бесполезно, — вынесла вердикт мама. — Он черт-те сколько уже сидит там, а она его не видит.

Под «она» подразумевалась я, а вот кто подразумевался под «он», сказать было сложно, поскольку я, очевидно, не обладала особыми зрительными способностями, присущими моим родственникам.

— Надо что-то делать, — мама решительно взялась за подлокотники кресла и попыталась встать.

Я рассердилась:

— Что за глупости? Там никого нет. Это просто тени.

— Мама, — вмешалась Ксю безапелляционным голосом Томочки, — этот старый человек очень милый и сидит там уже давно — и в солнце, и в дождь — и смотрит в нашу сторону. А мы даже не знаем, кто он. А может быть, ему нужна помощь, или он голоден, или...

— Или он просто хочет со мной повидаться, — тихо закончила моя мама.

Их благие намерения почему-то раздражали. Похоже, они просто решили пошутить.

— И все же я не понимаю, почему вы его видите, а я нет, — возмутилась я через пару дней, когда все в точности повторилось и уже не казалось смешным. А для себя решила: галлюцинации, и запланировала позвонить маминому врачу. Смущало лишь участие Ксю во всей этой выдумке.

— Я на минутку! — воскликнула моя дочь и выбежала в коридор, за дверь и вниз по лестнице.

— Ксю! — только и успела я крикнуть ей в след и с возмущением посмотрела на мать. — Опять этот твой эгоизм! Вот куда она побежала?

— Пусть бежит. А бежит она куда надо. Пусть у него все узнает и пригласит к нам. Может быть, ему негде жить!

Я только всплеснула руками:

— Бомж! Еще этого не хватало! Таких бомжей повсюду полно, не всех же к себе звать! А вдруг он вор или маньяк! Высматривает, кто живет в этой квартире, — предположила я, но осеклась, поймав на себе пронизывающий Томочкин взгляд. Надо же! Значит, я все же допустила, что на лавочке кто-то был?

Я растерянно посмотрела в окно — туда, где должен был сидеть незнакомец. Но лавочка, увы, по-прежнему была пуста, хотя на долю секунды мне показалось, что на ней что-то шевельнулось, качнулось и даже встало во весь рост. Солнце скрылось, и очертания лавки проявились, стали четкими. Высокий широкоплечий прохожий приостановился, чтобы выбросить что-то в урну.

Под балконом мелькнуло белое платье моей дочери, скрывшейся в подъезде. А через пару минут, влетая в комнату, запыхавшаяся Ксю радостно сообщила:

— Томочка! Его зовут Илья!

К семи Гуля вернулась. Мы шли через сквер к метро. Было еще светло, гравий приятно шуршал под ногами, а впереди было... лето! Поравнявшись с массивной лавкой — именно той, на которой якобы обитал Томочкин и Ксюшин «друг», — я достала из кармана и выбросила в ампирную урну скомканную салфетку, почему-то испытыв при этом предательское чувство удовлетворения.

— Послушай, Ксю, — сказала я, — вот зачем ты нашей Томочке голову морочишь? Ей и так нелегко приходится. Врачи предупредили, что могут быть провалы в памяти, временные смещения, путаница и галлюцинации, а ты еще какого-то Илью придумала. Зачем?

— Мам, ты не понимаешь. Это же действительно был Илья. Дядя Илюша... И передавал Томочке привет, — и Ксю заговорщически добавила: — Но к нам он прийти не может. Будет сидеть там и смотреть в нашу сторону.

«Точно маньяк!» — решила я и с досадой махнула рукой: эх, что старый, что малый.

День закрутил в суете и делах — на работе начался новый проект, нужны были свежие решения, — и утренняя история ушла на второй план. Но к вечеру я вспомнила нелепую Ксюшину выходку и задумалась. А ведь удивительное совпадение: почему именно это имя пришло моей Ксю в голову?

Илья Николаевич, Илюша, был маминым однокурсником. Учились оба в МАИ на факультете материаловедения и технологий материалов и питали друг к другу сильную юношескую симпатию. История банальная, почти хрестоматийная. Познакомились на вступительных экзаменах, попали в один поток, Илья сразу влюбился в белокурую Тамару, начал за ней ухаживать — после занятий провожал домой, помогал готовиться к сложным экзаменам, читал стихи, дарил цветы, конфеты, покупал билеты в кино. А хохотушка Томочка с радостью принимала его ухаживания, да и кто устоял бы, Илья — парень хоть куда: умный, веселый, член институтской сборной по волейболу. И все, может быть, сложилось бы у Илюши с Томочкой, если бы после пятого курса Илюшу не направили по распределению в Туркмению — инженером на завод. Томочка вслед за Илюшей в Туркмению не поехала, да и распределили Томочку, после отцовского визита к декану, на предприятие в Московской области. Илюша, конечно, писал письма, звонил, звал к себе, Томочка радовалась, даже однажды, вопреки правилам (в то время после института надо было отработать три года

на одном предприятии), решила уволиться и собрала чемодан, но потом плакала, чемодан распаковывала и писала Илюше письма с объяснениями и разными обещаниями. Так длилось полгода, а потом Томочка вышла замуж за красавца-сына родительских друзей, который очень быстро получил позицию в торгпредстве одной из стран социалистического содружества и увез ее за границу, положив конец всем Томочкиным метаниям и Илюшиным надеждам.

Этим представителем торгпредства и был мой отец, а мама получилась женой представителя, вкусив постепенно все прелести заграничной жизни. В какой-то момент жизнь эта коснулась и меня: при торгпредстве я ходила в детский сад, а позже — в начальную и среднюю школу. Конечно, вернувшись в Москву, мы жили хорошо — имели многое из того, чего у других тогда не было. Папа ездил на большой машине с водителем, носил дорогие очки и хорошие костюмы. У мамы были свои портниха и стоматолог, к которым она устраивала по знакомству немногочисленных подруг. А я ходила в лучшую в столице спецшколу и носила модные шмотки... Эх, голубые «левисы», болгарская дубленка были тогда предметами особой гордости. Все было замечательно... или мне так казалось, пока однажды не случилось непоправимое. Папа завел молодую и приткую любовницу. Она умела говорить вкрадчивым голосом и обещала неземные сексуальные наслаждения, поэтому папа безоговорочно капитулировал и оставил семью, то есть нас с мамой, одним махом лишив всех уверенности в завтрашнем дне. Квартиру разменяли, мама переехала в однушку в новостройке, а я... Мне тогда было уже двадцать три, и я успела побывать чуть-чуть замужем и развестись, приобретая в качестве бонуса маленькую Ксю, о чем сейчас не жалею, а тогда такой уверенности не было. В разменянной квар-

тире я жить не стала, а решила снимать крохотную комнату — все лучше, чем тесниться в однушке с ребенком и моей матерью.

Папа нам помогал. Сначала активно, а потом все реже и реже, и маме в конце концов пришлось выйти на работу. Это обстоятельно ее доконало. Представьте женщину, которая большую часть жизни прожила в роли блаженной жены, занимаясь только представительскими вопросами, и вдруг жизнь заставила ее думать о земных, бытовых проблемах. Думать у нее получалось плохо, так как работать по специальности она уже не могла — знания, полученные на факультете материаловедения были безвозвратно утеряны, и мама устроилась в регистратуру районной поликлиники, где могла отыгаться за свою покалеченную жизнь на безликих посетителях, требующих свои постоянно теряющиеся медицинские карточки. К тому времени я уже работала, перебралась из съемной комнаты в съемную квартиру, таскала Ксю в детсад, как-то помогала маме, хотя всегда думала, что помогать будут мне. Ошиблась.

Папина жизнь сложилась тоже на удивление несладко: его надежды на сказку не оправдались, и, наверное, как следствие, он начал пить. Думаю, и надежды его новой жены на роскошную жизнь тоже быстро рухнули: женщиной она оказалась требовательной и нетерпеливой.

О папиной жизни мы знали не понаслышке. Он к нам частенько наведывался, пьяный, неухоженный, в несвежей куртке и грязной обуви. Делился своими горестями, рассказывал про скандалы и клянчил у мамы деньги, чтобы покрыть бесконечные долги. Однажды он умудрился стащить мамино дорогое кольцо, в котором она в лучшие времена дефилировала на приемах, а позже спрятала на черный день. Мама была так потрясена папиным поступ-

ком, что неделю лежала под одеялом и делала вид, что еще спит и все это сон.

Вот такая неприглядная история... Говорят, бывает и хуже.

Но папа приходил и после этой истории и снова что-то просил, но теперь мать уже его в дом не пускала. Но он все равно стоял за дверью и что-то бормотал, а она его гнала и после его ухода еще долго ругалась, громко переставляя дрожащими руками посуду, а в финале всегда зачем-то язвительно выкрикивала:

— И все это, доченька, из-за тебя. Вот если бы ты не вышла без нашего с отцом согласия замуж... Вот если бы без нашего ведома не развелась... Вот если бы не завела ребенка... Если бы была умной и успешной... Вот если бы не трепала отцу нервы и не портила ему репутацию со своим непутевым музыкантом... Вот если бы упала на колени и молила его не бросать нас, то он бы нас не бросил... и жили бы мы...

Короче, во всех бедах почему-то оказалась виноватая, наверное, это и было мое предназначение. Поначалу я возражала и пыталась спорить, но потом перестала, так как часть правды в маминых словах была, и постепенно чувство вины, как осиновый кол, было накрепко вбито мне в самое сердце. Я понимала, что теперь никогда не смогу эту вину искупить и получить материнское прощение. Да и ладно. Я ее все равно любила.

А потом появился Илья Николаевич, Илюша, тот самый однокурсник из прошлого. Свалился как снег на голову — точь-в-точь, как в советских радужных фильмах: «Эх, Тома, нам ли быть в печали!» Илья Николаевич пришел в поликлинику проверить зрение, а там в регистратуре его встретила Томочка, в белом халате, но уже не такая веселая и не такая молодая, как раньше. Но он ее все равно узнал, несмотря на плохое зрение.

Постаревшая Томочка тоже его узнала — Илья мало изменился, был по-прежнему хоть куда, оптимистичен и весел, улыбочив и настойчив, но Томочка сделала вид, что не узнала:

— Гражданин, ваша карточка утеряна. Пройдите к пятому окошку, не задерживайте очередь! — рывкнула она, но Илью Николаевича это не испугало.

Радостно, с цветами, встретил он свою долгожданную Томочку после работы, рассказал о себе, что, оказывается, живет неподалеку — в ведомственном доме, в котором получил квартиру после возвращения в Москву в перестроечные восьмидесятые. Сказал, что все это время проходил в холостяках и завидных женихах, менял женщин, таких и сяких, но такой, как Томочка, не встретил, а потому не женился. Так бывает. По книжному.

Собственно, вот и вся история. Казалось бы, счастливый конец обеспечен: хватай, Тамара-Томочка, волшебную карту, исправляй ошибку юности и радуйся жизни — счастливая старость, любимый человек, самостоятельные, ненавязчивые дочка и внучка...

Но Томочка решила иначе. Решила, что Илья Петрович появился рядом с ней с недобрым умыслом и зловещим планом — завладеть ее имуществом, в особенности ее однушкой, чтобы там жить не для счастья с Томочкой, а чтобы в своей квартире встречаться с молодыми любовницами и дарить им украденные у Томочки остатки чешских украшений. Вот такие стали мучить Томочку-Тамару страхи и подозрения, вот насколько сильно, наверное, покалечил ее сознание мой отец.

На самом деле, думаю, Томочка, конечно, мечтала о счастье и любви, как все нормальные женщины, но внутри нее жила неукротимая разрушительная сила, которая мешала ей быть счастливой, не позволяла любить. Может

быть, она так и не простила себя за то, что когда-то бросила Илюшу, и теперь доказывала самой себе, что все сделала правильно. А может — «...я другому отдана и буду век ему верна», — ждала, что вернется папа и она опять станет женой сотрудника торгпредства. Не знаю. Разве мысли Томочки угадаешь?

Мы с Ильей Петровичем пытались ее переубедить, я доставала им билеты в театр, Илья приглашал Томочку в ресторан, возил на дачу к друзьям, дарил трогательные подарки, покупал продукты, собственными руками сделал ремонт в ее квартире. Он действительно хотел жить со своей Томочкой и поскорее наверстать упущенное время, хотел, чтобы мы с Ксю не ютились в чужой квартире, не считали копейки, а переехали в освободившуюся квартиру и жили — им на радость — рядом. Именно последнее обстоятельство особенно пугало маму: со свойственной ей подозрительностью она считала, что и я в стоворе с бедным Ильей Петровичем, имея свой козырный интерес. Логично.

Все усилия Ильи Петровича были тщетны. От расстройств у него скакало давление и окончательно село зрение, а потом он умер. Неожиданно. Наверное, сердце, что еще говорят в таких случаях? Его нашли утром прохожие на лавочке в нашем сквере, а о случившемся рассказали соседи, когда уже спустя неделю я не выдержала и пошла к нему домой, чтобы узнать, куда он пропал и почему не отвечает на Томочкины звонки.

«Не смей ходить к нему, предательница! Хитрецы! Манипуляторы! Думаете, я поддамся на ваши уловки? Сам придет, когда потребуется!» — кричала мне вдогонку мама, но я ее уже почему-то не слушала.

Вернувшись с плохой новостью, я некоторое время мялась, а потом подошла неуклюже, словно идя по зыбкой топи, и попробовала начать:

— Мам... тут такое случилось... Он умер... соседи сказали... — и зачем-то пожала плечами, типа «Я тут ни при чем».

Мать внимательно на меня посмотрела, и, как актриса в театре, выдержав паузу, вдруг рассмеялась:

— Вот! — воскликнула она с какой-то отчаянной победоносностью в голосе. — Вот! Значит, правильно я думала! Ах каким хитрым оказался наш Илья Петрович! Какую историю о себе придумал, чтобы мы его пожалели! Соседей подговорил!

Я растерялась, моргнула и неожиданно для себя затараторила, что, да, действительно, я пошутила, что Томочка права-права-права, и что Илью Петровича срочно вызвали обратно в... Туркмению, восстанавливать старый завод... — ничего лучше я тогда не придумала. И еще: что он не хотел ее расстраивать, что обязательно будет звонить и писать ей, короче, строить планы.

— Ах как я была права! — кричала Томочка. — Чувствовала, что он мне голову морочит, тебе жилье обещал! Обманщик! Предатель! — мать просто кипела от возмущения. Наконец она скрылась на кухне и оттуда начала яростно греметь посудой. — Даже не попрощался! Не позвонил! Говорила тебе, глупая, он себе на уме! Не зря в холостяках всю жизнь проходил!

Мне хотелось, чтобы она разрыдалась, закричала от горя и боли, чтобы запричитала по-бабски, размазывая по щекам жгучие слезы, чтобы эти кастрюли и тарелки выскользнули из ее рук и разлетелись-разбились вдребезги, и тогда бы я смогла ее обнять и утешить, и сказала бы, что ее Илья Петрович никуда не уехал, что он всегда любил ее, и что такая жизнь... А потом мы бы сели и взяли за руки и я, ее дочь, наконец смогла бы поговорить с ней о нас самих.

Но этого не случилось, поэтому я просто вышла и закрыла за собой дверь.

Мама стремительно шла на поправку, хотя выходить на улицу врачи еще не разрешали. С Гулей мы расстались — мама уже сама по утрам уверенно вставала, завтракала и устраивалась у окна.

Наступила осень, и пожелтевшие листья старых вязов покорно сыпались на землю. Улыбаясь какой-то новой, мне незнакомой улыбкой, Томочка смотрела сквозь оголенные ветки деревьев туда, где рядом со скамейкой темнела амбирная урна, отдаленно напоминая ссутулившийся силуэт человека в темном пальто. Постепенно я привыкла к этому чудачеству, которое стало неотъемлемой частью нашей жизни, а потому с порога, не успев поставить сумки и размотать шарф, обычно спрашивала:

— Ну как сегодня твои дела? Что у Ильи нового?

— А, — по-юношески кокетливо махала рукой мама, — что может быть у него нового, одна работа на уме, чертежи, графики. Вот, слава богу, сегодня мне успел помахать, пробегая, и помчался дальше. Но обещал к вечеру появиться.

— Что ж, хорошо, — говорила я и вешала пальто на вешалку.

Раз в неделю, по просьбе мамы, мы с Ксю покупали для Ильи что-то сладкое. Мама внимательно, оценивающе рассматривала покупки:

— А, это... это хорошо, он это любит, передайте на обратной дороге — вон он сидит, ждет. Скажите, от меня, пусть порадуетя.

А иногда говорила:

— Нет, это не годится, он это не любит! Только расстраивать человека! Себе заберите!

Однажды она передала для Ильи сборник стихов Роберта Рождественского, сказала, что он очень любит его поэзию и даже подражает его манере писать. Затем — не-

сколько институтских фотографий, где молодые Томочка с Илюшей на картошке в Тульской области.

Вечером мы шли с подарками и чуть задерживались у лавочки. Ксю протягивала в сторону урны мамины подарки, как бы говорила: «Вот, дядя Илья, это от Томочки!» А как иначе? Ведь наша Томочка стояла в ярко светящемся окне и зорко следила, чтобы мы все сделали правильно и ее подарки не попали чужим людям... А затем она изо всех сил махала нам «троим». И мы тоже махали ей руками и неловко прятали подарки в карманы пальто.

Наступила зима. Весь сквер стоял белый — и дорожки, и лавочки, и урны, коммунальные службы еле-еле успевали убирать снег. Томочка грустила, ей казалось, что Илья стал приходить реже.

— Что-то Илья не приходит, — жаловалась она и устало включала «Пусть говорят» на Первом канале.

А я ее успокаивала:

— Холодно же. На лавке не посидишь при минус пятнадцати.

И тогда Ксю сказала:

— Свяжи ему свитер, Томочка! Тогда он сможет сидеть на лавке и не мерзнуть!

Так придумала моя дочь, и Ксюшина мысль маме очень понравилась. Она тут же полезла в старый югославский комод, достала клубки разноцветной шерсти, привезенные из зарубежных поездок и странным образом уцелевшие за все эти годы, и принялась за дело.

А иногда дворники чистили снег... Или случались оттепели... И тогда лавочка появлялась вместе со своей бетонной напарницей и мама опять махала в их сторону рукой, но потом опять падал снег и Томочка с еще большим усердием работала спицами.

Наконец свитер был готов. Большой и цветастый.

— Вот, — сказала Томочка, аккуратно расправляя его на коленях, — все готово. Теперь можно и Илюшу к нам пригласить, не стыдно будет, подарим ему серьезный подарок, чтоб не мерз.

Мы с Ксю переглянулись.

— Отлично! — сказала моя дочь. — Так и сделаем. Я ему передам, хочешь?

— Конечно, — ответила мама и посмотрела на нас, словно приход Ильи был естественным делом. — Обязательно! И пусть приходит обязательно завтра. И обязательно утром. А то ждать целый день очень волнительно.

— Нас утром не будет, — встряла я, — может, к обеду?

— А зачем вы мне? — мама дернула плечами. — Это же мой гость.

Обсуждать было нечего — ситуация была виртуальной, а потому мы опять махали руками у заснеженной лавочки, а Томочкин силуэт в сияющем окне нам тоже махал, а после мы долго ехали домой и каждый думал о своем. Я — о зависшем и бесконечном проекте, а Ксю... не знаю. Давно забыла, о чем думают десятилетние девочки. Наверное, о предстоящих зимних каникулах.

Когда на следующий день мы приехали, комната была освещена косыми лучами холодного зимнего солнца, а Томочка тихо спала в своем кресле с улыбкой на лице. Как потом оказалось, она умерла во сне за час до нашего прихода. На столике рядом с креслом лежала записка:

«Все хорошо. Илья приходил. Свитер забрал. Мама».

*Две новеллы из цикла «Метро»***Софья Ивановна Кардупель
и ее Живой человек**

Напротив меня в вагоне метро сидела улыбчивая женщина с пухлыми красными губами и полными руками. Привалившись своим крупным телом, она держала под руку сидевшего рядом худощавого мужчину. На груди у мужчины висел фотоаппарат.

Этой женщиной была Софья Ивановна Кардупель, почтмейстерша — так ее называли знакомые. Действительно, самая что ни на есть настоящая почтмейстерша, и не потому, что работала на почте, а потому, что в свое время, когда еще на почте не работала, была женой почтмейстера, а проще сказать, почтальона, разносившего телеграммы по району Сокол. Муж был отличным работником — телеграммы доставлял вовремя, и двери ему открывали без страха, поэтому после его смерти Софью Ивановну с радостью приняли на его место, а позже перевели на позицию поспокойнее и потеплее — в отдел выдачи бандеролей и заказных писем. Там она последние годы и работала.

Ехала Софья Ивановна в метро со своим вторым мужем, Эдиком, возвращались они из большого торгового центра «Метрополис», где покупали Эдику зимнюю куртку. Стояла осень, зима ожидалась холодная, а готовить сани рекомендовалось летом.

Эдик был на десять лет младше Софьи Ивановны, но возраст, как известно, понятие относительное. Познакомились они при вручении телеграммы: пухлым пальчиком нажала почтальонша на звонок у двери с табличкой: «"Огни города". Редакция», и судьба открыла ей вход в новое, неизведанное будущее.

— Вот, получите и распишитесь, — обратилась Софья Ивановна, одетая в форменную куртку Почты России, к открывшему ей высокому мужчине и протянула телеграмму и ведомость.

— Вот, пожалуйста, — расписавшись, отвечал симпатичный мужчина, сразу же прочитал сообщение, занервничал, а потом обрадовался и громко сказал:

— Информация для меня. Хорошо, что я оказался в офисе.

— Да, хорошо, — согласилась Софья Ивановна и улыбнулась. — Надеюсь, добрые новости.

— Чрезвычайно. Я свободен! Вот, развелся с ревнивой женой! — он, помахивая телеграммой, взглянул на сотрудницу почты благодарным взглядом: — Я — живой человек!

— Вижу, — ответила Софья Ивановна.

— А вы — источник моей радости! — ликовал мужчина. — Свидетель моей свободы! Кто вы? — поинтересовался он скорее от переполнявших чувств, чем из любопытства.

И Софья Ивановна представилась:

— Я — почтальон Кардупель.

А мужчина сказал:

— Хорошо. А я — Эдуард.

С того дня Эдуард, словно не веря в свершившееся, стал каждую неделю отсылать себе телеграммы со словами: «Я — живой человек!», а иногда: «Я — свободен!», а почтальон Кардупель методично их ему доставляла в редакцию, которая располагалась в районе Сокол. Каждый раз Эдуард радовался депешам, словно впервые, и каждый раз смотрел на почтальоншу, как на соучастника и освободителя. Софья Ивановна ничего не знала о свободе Эдуарда, да и не задумывалась над этим. Слово «свобода» было для нее словом без особого значения, чем-то телевизионным или какой-то составляющей. «Свобода, равенство и брат-

ство» например, или вот «Радио "Свобода"», или «Свобода» — косметическая фабрика, а еще: «Свобода — это то, что у меня внутри» — так пела группа «Ленинград».

Со временем почтальон и адресат так друг к другу привыкли, что для удобства поженились и стали жить вместе у Софьи Ивановны в центре города. И Эдику уже не было смысла слать себе телеграммы, а Софье Ивановне их ему доставлять. Он просто кричал из комнаты: «Я свободен!» или «Я — живой человек!», а Софья Ивановна приходила из кухни и соглашалась: «Хорошо. Добрые новости».

Софье Ивановне нравилось жить с Эдиком — тот был хорош собой, статен, часто рассказывал жене веселые истории, над которыми сам же и смеялся, готовил ужины, а после работы встречал Софью Ивановну около почтового отделения. Правда, злые языки над почтмейстершей посмеивались, говорили, мол, с Эдиком она еще заплачется, но верить им повода не было, так как молодой муж в дурных делах замечен не был, да и личностью был самодостаточной. Во-первых, Эдуард был фотографом и работал в сетевом издании «Огни города», для которого делал фотографии с городскими сюжетами. За работу платили не много, зато она была творческой. А во-вторых, на окраине города, на третьем этаже в новостройке, у Эдички была своя квартирка — с кухней в нише, которая сдавалась молоденькой первокурснице без детей и животных. Вырученные деньги откладывались на отпуск, в который Эдик ездил вместе с Софьей Ивановной. Путешествия были как глоток свежего воздуха — Эдик заплывал в море, далеко-далеко, а Софья Ивановна, в отдельном купальнике, подчеркивающим ее внушительные прелести, загорала на берегу с книжками. Нет, не было у Софьи Ивановны повода плохо думать об Эдичке.

И Эдику нравилось жить с Софьей Ивановной, добросердечной и понимающей, игривой и большой выдум-

щицей. Правда, почтмейстерша могла в сердцах и тумака дать, если что-то ей не нравилось. Но все же она была незлобива и отходчива.

Вечерами Софья Ивановна любила разглядывать мужнины фотографии для «Огней города»: спешащие по делам люди, мокрые осенние улицы, пронсящиеся в вихре дорожных брызг тяжелые грузовики, влюбленные парочки, глупые голуби и гирлянды ночных огней, коммунальные служащие с лопатами и улетевшие в небо воздушные шары — что ни фотография, то городская история. Правда, были и другие фотографии — с изображениями женщин, их Эдик обычно не показывал. Но у Софьи Ивановны был большой опыт работы на почте, поэтому она умела в разных кучах и папках все легко отыскивать. «Что за женщина?» — спрашивала Софья Ивановна, а Эдик тут же: «Какая?», а жена тыкала пальцем: «Эта», а Эдик отвечал: «Мариночка», Софья Ивановна снова тыкала пальцем: «А эта?» — «Леночка». — «А эта?» — «А это ж Верочка!» — «А эта?» — «Так это ж вы, Сонечка!» — «А почему все на "чка" получаются, почему никакой разницы не делаете?», а Эдик отвечал: «Это ж от угодливости и доброжелательности», а Софья Ивановна: «От какой такой угодливости? Вы ж меня любите!», а Эдик ей: «Я — живой человек, — и, через паузу, — а это красивые женщины!» Интересно, думала Софья Ивановна, а был ли живым человеком мой покойный муж? А вслух продолжала: «Удалите из памяти», а Эдик говорил: «Хорошо». Софья Ивановна хмурилась и смотрелась в зеркало и думала: «Что есть любовь?», а через неделю находила у Эдика новые фотографии «леночек» — анфас и в профиль; в платье, в пальто и в купальнике; в парке, на лавке, под зонтиком; идущие, бегущие, стоящие — по сути ничего страшного, но не для «Огней города».

Верность Эдика не вызывала сомнения, но по долгу службы Софье Ивановне приходилось быть внимательной,

а потому она не раз замечала, как в повседневной жизни муж смотрит на окружающий женский пол, — это был тот же взгляд, что и у женщин на его фотографиях. Иногда Эдик улыбался, как будто мысленно с ними разговаривал, и не ради того, чтобы познакомиться, а словно бы делал для себя какое-то важное открытие и от этого получал удовольствие. «Ты о чем сейчас думаешь?» — настороженно спрашивала Софья Ивановна в такие минуты, а Эдик отвечал: «Ни о чем». — «Ты о чем сейчас думаешь?» — «Я не думаю». — «Ты о чем сейчас думаешь?» — «А, отстань, просто смотрю. Что, смотреть нельзя?» — «Ты о чем сейчас думаешь?» — «Я ж — живой человек!» И тогда Софья Ивановна, на которую Эдик никогда вот так не смотрел, не выдерживала своей мучительной ревности и давала Эдикке тумака, и он говорил: «Хорошо, не буду смотреть». И укладывалась Софья Ивановна с книжкой на морском берегу, а сама подглядывала, куда смотрит Эдикка. А он смотрел на девушек в купальниках и, как живой человек, наверняка сразу забывал про Софью Ивановну, хоть и была она добросердечной и в отдельном купальнике.

Однажды поделилась она своим наблюдением с подругой из окна номер пять, где принимали ценные отправления в их отделении. Та сразу отрезала: «То есть мужская натура! Некоторые сходят налево и успокоятся. А некоторые, кстати, самые верные, всю жизнь на баб пялятся!» — и поставила штамп на заказном письме.

«Что есть любовь?» — вновь в тревоге думала почтмейстерша и вспоминала одного из своих посетителей. Из-за него, кстати, Эдикка ей в отместку тоже устраивал сцены ревности.

А сцены имели основания быть: на почту к Софье Ивановне, в отдел выдачи заказных писем и бандеролей, повадился ходить неприметный мужичок среднего возраста и благонаправной наружности. Приходил он, конечно же,

не к Софье Ивановне, а по делу — за ценными бандеролями, которые получал еженедельно и очень им радовался. Приходил он так часто, что Эдику это показалось подозрительным, и он даже проследил за ним: шагал чудной мужичок всегда взволнованно, не замечая никого, и что-то под нос говорил и улыбался, как бы в предвкушении удовольствия. «И чему это он так радуется? — думал Эдик в раздражении. — Уж не идет ли он к Софье Ивановне?» А мужичок тем временем торопливо заходил в отделение, проводил там какое-то время, а потом, еще более радостный, выскакивал на улицу и торопился в обратную сторону. «Ну раз бы зашел, ну другой, — думал Эдик, — а то все шастает и шастает! И что он так часто на почту шастает?» И в эти дни, как казалось Эдику, Софья Ивановна была особенно игривой выдумщицей, и не ругала его за фотографии «леночек», и в благодарность Эдик брал фотоаппарат и фотографировал в живописных позах свою кустодиевскую жену.

Но однажды Эдик все же спросил: «А что это за мужик к вам, Софья Ивановна, все шастает?» «Да на почту многие шатают!» — ответила Софья Ивановна. «Этот вроде как не в себе» — пояснил Эдичка. «Ну так это ж Давид Федорович, я ему выдаю бандероли по уведомлениям», — объяснила Софья Ивановна, как будто весь район знал ее посетителя, а на это Эдичка сказал: «Он дошастается!», а Софья Ивановна ответила: «Не дошастается, я все официально делаю», а Эдичка тогда: «Он мне не нравится», а Софья Ивановна: «А мне нравится», а Эдик свое: «А мне не нравится», и Софья Ивановна не выдерживала и со словами: «А он тоже — живой человек!» — опять давала Эдику тумака, и тогда тот успокаивался и шел фотографировать для «Огней города».

Софья Ивановна и ее Эдичка мирно ехали из торгового центра с большим пакетом. Но хоть и сидел муж с ней под

руку, Софье Ивановне казалось, что он все смотрел и смотрел куда то в неопределенном направлении, и широким пятном расплывалась улыбка по его лицу. Потом он вдруг поднял фотоаппарат и быстро сделал несколько снимков. Там, в конце вагона, стояла рыжеволосая красавица и тоже улыбалась Эдику.

— Что ты делаешь? — встревожилась Софья Ивановна.

— Освещение очень удачное, — деловито ответил Эдик и получившиеся кадры стал сосредоточенно просматривать. — И вообще, я ж живой человек... И вообще, у меня задание...

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция "Театральная", переход на станции "Охотный ряд" и "Площадь Революции"».

Очевидно, «Театральная» была их станция, потому что Эдик встал, но направился не к ближнему выходу, а к дальнему — туда, где сидела рыжеволосая женщина, а Софья Ивановна за ним послушно последовала. Рыжеволосая пассажирка Виктория давно обратила на фотографа внимание, но, не предполагая продолжения, сидела на освободившемся месте, уткнувшись в телефон и не замечая, что тот оказался рядом.

Софья Ивановна и ее молодой муж молча стояли и ждали выхода, при этом Эдик по прежнему разглядывал фотографии. И вдруг, когда поезд уже въехал на станцию, он встрепенулся, поднял голову и восторженно, на весь вагон, обратился к рыжеволосой Виктории:

— Вот, выбрал! Шикарный портрет! Я пришлю вам — только дайте адрес и телефон!

Рыжеволосая пассажирка в изумлении подняла голову и уставилась на фотографа, а потом на большую и грозную почтмейстершу и уже готова была что-то смущенно пролепетать в ответ, но тут двери вагона открылись и поток пассажиров, не дожидаясь, пока фотограф и его потрясен-

ная жена выйдут из замешательства, хлынул в вагон.

Недолго думая Софья Ивановна, словно спасая утопающего из водоворота, большой рукой мертво ухватила за нашейный фоторемень крамольного Эдика и, чертыхаясь и расталкивая локтями толпу, выволокла его из вагона в мирную жизнь. «Я свободный, живой человек!» — кричал Эдичка, тщетно пытаясь вырваться из крепких рук Софьи Ивановны, но куда уж там.

«Осторожно двери закрываются! Следующая станция "Театральная"».

Женщина с мальчиком, слова которого не слышаны

— Извините, не подскажете... — обратилась ко мне невысокая и очень полная женщина. Она держала за руку восьмилетнего мальчика, на худеньком плече у него висел рюкзачок. У мальчика были оленьи глаза, задумчиво-отрешенные, он смотрел по сторонам с каким-то рассеянным интересом. Оглядываю круглую женщину и так непохожего на нее мальчика. Женщина выглядит по-провинциальному — пестрая юбка, длинный жакет, гладко зачесанные и собранные в узел густые волосы.

— ...не подскажете, как проехать до Знаменки?

— Куда? — в шумном поезде я не расслышала.

— До Знаменки... — смутилась женщина.

Разглядывая в суетящемся вагоне скромную парочку, я совершенно забыла, как добраться до Знаменки, и мысленно представила карту Москвы, Моховую...

— Нас папа неправильно сориентировал, а нам надо в Гнесинку, — извиняющимся голосом объяснила женщина.

— Ах, Гнесинка! Тогда вам — на «Арбатскую», — опомнилась я. — До «Театральной», а там пересадка на «Площадь Революции». Я подскажу вам.

Женщина обрадовалась:

— Спасибо. А можно мы постоим рядом? — и, покрепче сжав руку мальчика, смешно по-утиному, переступила с ноги на ногу. — Вот еще колготки порвала, — она неуклюже приподняла мысок ноги в стоптанной балетке, демонстрируя стрелку на черном чулке. — Надо успеть купить... мы же на конкурс едем. Представляете, конкурс юных исполнителей!

Я взглянула на мальчика более внимательно. Казалось, он что-то за окном рассматривал, и прозрачная чернота, мелькающая красными вспышками, была подобна нотному листу, на котором вот-вот запишется мелодия. Он слушал не нас, а прислушивался к людскому дыханию и неровному гулу голосов и мыслей, задающих сбивчивый трехсложный ритм. Без всякого к тому усилия он, словно дельфин, улавливал волны, неподвластные человеческому восприятию, вырывающиеся из недр московской подземки, которые, смешиваясь с глухим стуком колес, превращались в гармонию. Кто знает, что слышал мальчик, к чему прислушивался?

— Вам выходить — «Театральная», — сказала я и пожелаала: — Удачи! — сказала так искренне, что сама удивилась внезапно нахлынувшим чувствам.

— Спасибо! — заулыбалась собеседница — ей были приятны мои слова, ведь волнение порой ищет выход в спонтанном общении.

Женщина заторопилась к выходу, а выйдя из вагона, обернулась и помахала мне рукой — тепло, по-родственному. И мальчик вдруг обернулся тоже и посмотрел на меня ясным, пронзительным взглядом, настолько глубоким, что я поежилась, он будто увидел в глубине меня

что-то потаенное. А потом, поправив тонкими пальцами лямку рюкзака, что-то сказал — неслышно, одними губами, но явно мне адресованное, — что-то для меня очень важное!

— Что? — не поняла я. — Что ты сказал? — я готова была за ним броситься, но в следующее мгновение толпа поглотила чудную парочку, словно их и не было.

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция...»

Алексей Казарновский

О себе: «Автор нижеследующего произведения – житель подмосковной Балашихи, инженер-связист по образованию и преподаватель по роду занятий, старый участник творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ) и Международного союза писателей «Новый Современник».

О прочих его заслугах и достоинствах было неоднократно сообщено в предыдущих выпусках «Московского Дома», в связи с чем не будем повторяться, ведь суть не в них, а в тексте, который предлагается читателю...»

Подарок

В этот день Багыт (второй сторож ГСК «Урвалово») пришел на дежурство радостный. Собственно, обычно приходит ему было незачем, так как проживал он здесь же, в служебной каморке в гаражах. Просто Багыт вылезал из своей конуры и заходил в офис охраны (другую такую же конуру). Сегодня, однако, он появился откуда-то снаружи и предстал перед сидящими в печали Кондратьичем (первым сторожем — пенсионером) и его неразлучным приятелем Кагорычем (электриком свободного полета). Грусть друзей происходила от экзистенциальной безнадежности существования и была поэтому безысходной. Денег на исправления ситуации у них не было. Верная собака Плюха лежала тут же на полу, изображая вселенскую тоску.

— Ты чего такой довольный? — мрачно и с подозрением спросил Кондратьич, увидев сияющую физиономию Багыта.

— Брат приехал! Подарки привез! — объявил второй сторож.

— А-а-а... — вяло отреагировал Кондратьич, снова погружаясь в отрешенное состояние.

— Подарки? — вдруг оживился Кагорыч. — Какие?

— Много! Разный! — радостно заговорил Багыт. — Баран привез, рис привез, еще привез! Сейчас плов делать будем!

— Плов — это хорошо! — пробормотал Кондратьич, продолжая думать о своем.

— Дрова надо! — озабоченно засуетился Кагорыч. — Где подарки-то?

— Да вон, за дверью стоит! — деловито откликнулся Багыт, распахивая дверь на улицу и показывая на две здоровенные сумки. — Все есть! Баран, рис, зира, хлопковый

масло! Казан принес. Морковка принес. Давай дрова! Костер давай! Будем плов варить! Есть и еще большой подарок, но это потом! — интригуяще заключил второй сторож.

Через пять минут Кагорыч уже прилаживал казан над небольшим, но жарким костерком. Огонь развели в закутке под открытым небом среди лабиринта гаражей, подальше от случайных глаз. Вскоре в казане забурлило масло, а потом Багыт отправил в него куски баранины. Потом в ход пошел рис с морковкой и приправами. Восточный человек священнодействовал над алтарем, отгоняя периодически совавших нос не в свое дело профанов. Особенно волновалась Плюха. Бросать роскошную свежую баранину в кипящее масло?! Они что, совсем идиоты? Однако и собаку Багыт тоже близко не подпускал.

Время тянулось ужасно медленно. Кагорыч весь извелся и извел Кондратьича, постоянно задавая ему беспокоящие вопросы типа: «Не подгорит рис, а? Когда готово-то будет?» и, наконец, самый бестактный: «А выпить-то что?»

Выпить явно было нечего, ибо Багыт славился своей паталогической трезвостью. Кондратьич аж зарычал в ответ...

Кагорыч тяжело вздохнул и отвернулся, но долго спокойно не просидел, разразившись очередным вопросом:

— Ну как?

— Все хорошо! — важно отвечал Багыт, ковыряя ложкой в плове. Он попробовал рис и добавил: — Все! Готова! Давайте кушать! Плов кушают руками, — поучал Багыт, — но руки надо вытирать о халат, а халат у нас нет, поэтому кушать будем ложкой!

Компания принялась за плов. Некоторое время все молчали, интенсивно поглощая блюдо. Потом Кагорыч вдруг вспомнил, обращаясь к Багыту:

— А где, ты говорил, большой подарок?

— А вон за углом стоит, — небрежно бросил творец плова. Он доел свою порцию и, оставив в сторону алюминиевую миску, направился за подарком.

Через минуту второй сторож появился из-за угла с большим белым верблюдом.

— Вот! — гордо сказал Багыт. — Брат подарил!

Он торжествующе посмотрел на обалдевших товарищей по плову. Верблюд спокойно и безразлично жевал жвачку, глядя на мужиков большими красивыми глазами. Несколько секунд продолжалась немая сцена.

— Ой, блин... — наконец выдавил из себя Кагорыч.

Плюха попятилась к воротам ближайшего гаража, поджав хвост, и робко сказала: «Гав...».

— Чем же ты его кормить будешь? — деловито поинтересовался Кондратьич.

— А он все ест! — беззаботно ответил Багыт. — Травка ест, листик ест. Он в пустыня живет, там еда мало. Все ест!

— Н-да? — иронично хмыкнул Кондратьич. — Ты на его посмотри! Скотина здоровенная! Сколько ему надо «травка-листик»? Все лето косить сено будешь, чтобы его зиму прокормить!

— А у него горб есть! — с легкой издевкой заявил Багыт. — Его лето можно много-много кормить, он все в горб положит, а зима совсем кушать не надо. Он горб свой кушать будет.

Помолчали.

— А может, его... того... — Кагорыч провел торцом ладони по шее. — Мясо все-таки...

— Не, что ты! — обиделся Багыт. — Подарок! Брат подарил! На, говорит, тебе. Такой тут ни у кого нет!

— Да... — пробурчал Кондратьич и передразнил Багыта. — Такой здесь только у тебя будет.

— А как же твой брат его сюда притащил? — недоуменно спросил Кагорыч.

— А он его в фура привез, — объяснил счастливый обладатель верблюда. — Брат шофером работает на фура. Фура сюда полупустой шел за товаром...

— Держать его где будешь? — мрачно перебил Кондратьич.

— Как где? Здесь, в гаражах! Навес вон в углу построим. Пусть стоит!

— Да тебя Эсмеральдыч вместе с ним выгонит в момент! — начал заводиться Кондратьич. — С ним надо что-то делать!

— В зоопарк пристроить, — робко посоветовал Кагорыч.

Повисла затяжная пауза.

— Нет, — наконец решительно сказал Кондратьич. — Его надо к делу пристроить. Что он может делать?

— На нем можно за вином в магазин ездить, — оживился Кагорыч.

Плюха, услышав знакомое сочетание слов, наострила уши и завилыла хвостом, демонстрируя готовность немедленно отправиться по знакомому маршруту.

— Да, — задумчиво отреагировал главный сторож, — на нем можно много привезти за раз. Было бы на что купить.

— Во-во! — подхватил электрик свободного полета, — надо его приспособить деньги зарабатывать. Тогда и Эсмеральдыч будет не против, особенно если с ним поделимся.

— В общем, нужны бизнес-план и бизнес-идея! — подытожил Кондратьич.

Кагорыч почесал затылок и произнес:

— Слышал, верблюжье молоко ценится... Может, его того, доить?

— Какой доить! — возмутился вдруг Багыт. — Самец! Понимаешь?

— Гы, — вдруг развеселился Кондатыч. — Вот ты и пойдешь его доить! А мы полюбуемся.

— Да ну вас! Все бы зубоскалить, — обиделся Кагорыч. Снова замолчали, сосредоточенно размышляя.

— Эй, мужики! — вдруг раздался чей-то голос. — Помогите машину толкнуть! Опять застрял в этой грязище на выезде! Когда только Эсмемальдыч починит дорогу!

Из-за угла появился мелкий мужичонка, хорошо знакомый аборигенам владелец гаража по прозвищу Гнутый.

— Не-е, у меня спина, — начал было Кагорыч, но вдруг осекся.

Мужики переглянулись, а потом одновременно посмотрели на верблюда.

— О! — воскликнул Кагорыч. — Есть бизнес-идея!

И продолжил, обращаясь к Гнутому:

— Без дополнительной тягловой силы тебя не вытаскать! Там грязища-то какая!

— Ну? — не понял Гнутый.

— Вот! — Кагорыч торжественно указал на верблюда.

— Ух ты! — выдохнул Гнутый не то с восторгом, не то с удивлением. — Так пошли!

— Пошли-то пошли, но животное большое и кушать хочет! — хитро ослабилась электрик свободного полета.

Гнутый открыл было рот, но тут вмешался Кондатыч:

— А как ты его запряжешь? Удавку на шею накинешь? Тут сбруя нужна. Специальная, верблюжья!

Все погрустнели. Постояв несколько секунд, Гнутый махнул рукой и пошел прочь, пробурчав:

— А ну вас... Пойду буксир искать...

Долго молчали, потом Кагорыч выдвинул очередную бизнес-идею:

— А как у него навоз? Ценное удобрение? Опять же на нем же и развозить по дачным товариществам можно!

— Хм... — засомневался Кондратич. — Какой с него навоз, когда он жрет раз в две недели?

— Это он когда нечего жрать, а если кормить, то будет и навоз! — возразил автор идеи.

— Ты хочешь сказать, что навоз будет дороже корма, который он сожрет? — мрачно ухмыльнулся главный сторож. — Это вроде как вторсырье: новая чистая бумага всегда дороже макулатуры...

Кагорыч погрустнел и замолчал. Так они ничего и не придумали в этот день. Вечером разбрелись по своим углам и домам (у кого был дом), а наутро Кондратич пришел веселый с каким-то рулоном подмышкой.

— Есть решение! — гордо объявил он, собрав участников вчерашнего форума, и развернул рулон.

Оказалось, это был плакат, на котором крупно и неровно черным фломастером было написано: «Спасите верблюдов Центральной Азии! Краснокнижные животные на грани исчезновения! Сбор средств в фонд восстановления популяции среднеазиатских верблюдов при ЮНЕСКО. Фото с диким центрально-азиатским верблюдом Пржевальского — 100 руб.».

— Значит так! — комментировал автор очередной бизнес-идеи, — один из нас с верблюдом и плакатом идет в людное место и сидит, собирая пожертвования.

— Ты пойдешь? — поинтересовался Кагорыч.

— Нет. Мне нельзя, я при должности, равно как и Багыт. Мы должны быть на рабочем месте. Хотя жаль. Багыт смотрелся бы аутентично и убедительно. Пойдешь ты, Кагорыч. Ты у нас человек вольный. За тобой увяжется Плюха, и это хорошо. Ее присутствие будет наводить на мысль о многообразии дикой природы, которую человек должен защищать. Наденешь костюм!

— Чего? — не понял электрик.

— С галстуком! Ты представитель питомника диких верблюдов Пржевальского при ЮНЕСКО, а не пьющий хрен

из гаражей! — Кондратич бы категоричен. — Для сбора денег возьмешь какую-нибудь приличную шкатулку.

— Есть такая! — радостно прокомментировал представитель ЮНЕСКО с несколько мстительной интонацией. — У Вальки стащу из-под цацков!

И вдруг засомневался:

— А если расспрашивать начнут, что, да где, да как?

— Отвечай: верблюд из питомника. Подобрали в пустыне маленьким верблюжонком. Мать браконьеры убили. Самого еле выходили, ночи не спали, зато теперь вон какой красавец.

— А спросят, где питомник? — не унимался товарищ из ЮНЕСКО.

— Отвечай, ну... в Мутятино.

— Это где?

— Какая разница! — возмутился Кондратич. — Пусть будет под Коломной! Там, кажется, еще и зубров разводят. Ежели что — пришьешь за мной Плюху. Я сам разберусь с особо любопытными. Буду директором питомника.

— Слушай! — вдруг оживился Кагорыч. — А может, еще и билеты на экскурсии продавать?

— Куда? — не понял руководитель питомника.

— Как куда! В Мутятино! В питомник!

— Нельзя! — отрезал Кондратич. — Побьют. Можешь вместо этого верблюжье молоко продавать.

— Откуда? — не понял Кагорыч.

— Купишь разливного в магазине.

— Коровьего? — удивился верблюдовод-электрик.

— Нет! Верблюжьего! — с издевкой отрезал Кондратич.

На том и порешили. Кагорыч с верблюдом и Плюхой отбыл на пост возле винного магазина.

Вечером Кондратич увидел добытчиков, возвращающихся с работы. Он долго тупо смотрел на приближаю-

щуюся процессию, не понимая, что происходит. В голове мелькнула мысль: «Говорили тебе! Завязывать надо! Возраст уже не тот. Допрыгался...» Дело в том, что помимо веселой (как всегда) Плюхи и совершенно обескураженного Кагорыча, там было... два верблюда...

— Это что? Это... как? — растерянно спросил он у приятеля.

— Отдали в питомник... Говорят: девать некуда... Самка... Беспородня, правда... — виновато пробормотал Кагорыч.

— В какой питомник? Ты что? — взревел Кондратьич.

— В наш, в Мутятино...

Последовавшая немая сцена затянулась до утра. Собщим трауром дисгармонировали только счастливая пара верблюдов и веселая (как всегда) Плюха.

Утром Кондратьич появился в костюме с галстуком на шее и кожаным портфелем в руках.

Кагорыч, терзаемый чувством вины, озвучить возникший вопрос не решился, но старший сторож и так все понял. Садясь в свой «москвич», он бросил приятелю:

— Я сегодня в отгуле. Еду в Мутятино. Надо решить с местной администрацией вопрос о создании питомника... Кстати! — добавил он, подумав. — Можешь продавать билеты на экскурсии.

Светлана Куликова

Родилась на Урале. Окончила архитектурный институт в Свердловске. По распределению уехала в Хабаровск, где начала сотрудничать с молодежной газетой. Впоследствии сменила профессию архитектора на журналиста. Работала на радио, в газетах, журналах, на телевидении в разных городах страны. В 2000 г. переехала в Подмоскowie, где закончила трудовую деятельность в должности ответственного секретаря муниципальной газеты и начала писать рассказы.

Имеет награды и дипломы литературных конкурсов. За серию публикаций о поэте К. Р. награждена Императорской Медалью «Юбилей Всенародного подвига 1613-2013» (к 400-летию преодоления Смуты и восстановления российской государственности»). Автор четырех сборников рассказов и книги миниатюр. Номинант на звание «Писатель года -2021» и «Писатель года -2022» по версии портала proza.ru.

*Член Союза журналистов РФ и МГО
Союза писателей России.*

*Член творческой мастерской
«Московский салон литераторов»
(МОССАЛИТ).*

Колокол

...Осень монотонно хлюпала дождем. Ранний вечер, такой же мутно-серый, как поздний рассвет, быстро превратился в ночь. Одно за другим гасли окна в домах просторного села; словно засыпая, оно закрывало свои многочисленные желтые глаза.

По пустым слякотным улицам скорым шагом шел старый худой бомж. Печные дымы над крышами пахли уютом, обещали тепло, но бродяге и в голову не приходило постучаться в какой-нибудь дом, попроситься на ночлег. По опыту знал: никто не отзовется на стук, хорошо, если собаку не спустят — вон, за каждой калиткой барбос лаем заходится. Надо к лесу идти, там можно наскоро смастерить шалашик, костерок развести...

У кромки леса, на берегу реки старик увидел белеющие в темноте стены полуразрушенной церкви. Обрадовался — надежнее шалаша укрытие будет. Подошел, подергал дверь — заперто. На окнах решетки кованые крепко держатся — не пробраться.

Уныло походил вокруг, чудом усмотрел за голыми кустами, под стеной дырку — малоприметный узкий лаз. Струдом протиснулся в него и оказался в сухом, пахнущем пылью подземелье. Достал из-за пазухи свечу, спички, осветил вокруг, огляделся, выбирая, куда куртешку постелить, и — нате вам, нашел тачку с аккуратно сложенной в нее кучей добра: железяки какие-то, а среди них церковный колокол — красивый, не большой, но даже на вид тяжелый. Когда и кто это добро собрал, да не вывез? Некому ответить, ни души вокруг — только темень да пыль... Значит, мое будет, решил старик, сдам в металлолом, денежку выручу, еще чуток человеком поживу. Вот только как тяжелую тачку наружу вытолкать? Осмотрелся: ход из-под земли, похоже, был лишь тот, через который он сам еле-еле протолкнул свои тощие телеса. Вдох-

нул досадливо, примостился на скинутой куртке и дунул на свечку.

Уснуть не смог: мучил голод — с утра не ел, влажная одежда не грела, а по полу непонятно откуда тянуло сквозняком. Встал, постучал себя по бокам, прошелся... Темнотища-то какая... Живу, словно нечистый дух, во мраке да холоде... Откуда дует-то? Словно отвечая ему, мелькнул над головой слабый свет. Едва заметный, он тут же исчез и снова возник... Шаг, еще шаг — старик шел в направлении мерцающего даже не луча, а намека на него...

Отверстие в цельной на первый взгляд стене обнаружилось почти под сводчатым потолком. Бомж подкатил тяжелую тачку, взобрался на колокол, торчащий над прочим хламом, сунул в узкую щель ладонь, зацепил край, потянул. На лицо посыпалось пыльное крошево. Соскочил, порылся в тачке, выбрал подходящую железяку...

На рассвете узкий проем, бутафорски заделанный заподлицо с капитальной стеной, был разобран до пола. В сумерках хмурого утра бомж увидел реку и освещенную набережную. Ветер раскачивал лампу старого фонаря — это ее свет мелькнул в подвальной дырке манящим лучом. Из последних сил бродяга протиснул в проем тяжелую тачку, упал в мокрые палые листья и выдохнул, глядя в холодную высь: «Слава Тебе, Господи!»

I

Серый потолок во всех направлениях расчерчен трещинами, словно карта — линиями государственных границ и рек. Вера Андреевна водит по ним взглядом: одна трещинка своими извилами похожа на речку Морочку, что протекает через село. Рядом — почти точный контур Волги, хотя в натуре между реками тысячи километров... Ох, как затекла спина! Вера Андреевна чуть

поерзала на жесткой кровати — сломанная ключица отозвалась болью. Открылась и закрылась дверь. Знакомый женский голос протянул: «Зра-а-авствуйте! Христо-о-ос воскрес!»

Нарядной «бабой на чайник» в палату вплыла Елена Степановна. Проговорила-пропела, выкладывая на тумбочку какие-то свертки:

— Как вы тут, милая? Простите, что раньше не приходила. Каждый день в район ездила, объяснения давала... Вот я вам маслица принесла, от мощей освященного, яблочки из своего сада.

Вера Андреевна поморщилась: слащаво-ласковый говорок старосты стал раздражать ее после происшествия на церковном дворе...

Они подружились в тот год, когда всю страну, а с ней и село Морокино, затрясли события, названные перестройкой. Что на что переставалось, морокинцы не понимали, но процесс на собственной шкуре ощущали остро.

В середине сентября внезапно отключили отопление, и за ночь температура в школе почти сравнялась с уличной. Учительница начальных классов Вера Андреевна Шляпкина распустила ребятишек по домам, а сама отправилась в сельский совет, где и узнала, что главное морокинское предприятие — лесопилку — еще летом по-тихому купил и сразу же обанкротил некий московский бизнесмен. Движимое имущество столичные братки вывезли в неизвестном направлении, а недвижимую котельную остановили и опечатали. Сельчане, занятые огородной страдой, не сразу осознали, что морокинские мужики остались без работы, а школа и больница — без тепла.

В ответ на возмущение Веры Андреевны председатель лишь руками развел: от этой единственной в Морокине котельной и контора сельсовета грелась, теперь тоже

мерзнет, только порядки нынче новые, частным добром государство не распоряжается, ждите, говорит, когда район ошибочно проданную котельную через суд обратно вернет.

Смотреть спокойно на замерзающих ребятишек учительница не могла, снова отменила в своем классе уроки и утренним автобусом поехала в Буйск решать проблему с властью повыше сельской. В приемной главы района она встретила известную морокинскую активистку — старосту церковной общины Елену Степановну Кушову.

Когда в XVIII веке богатый купец, владелец литейного завода в Буйске, задумал построить храм, место он выбрал не в центре Морокина, а там, где лес подступал вплотную к крутому берегу реки. Чтобы, значит, его работникам, сопровождающим баржи с грузом, было удобно помолиться Богу, не заезжая в село. Приткнутую к лесу церковь революционеры не тронули, только сняли колокола да реквизировали золотую утварь. До войны тихо-мирно службы шли, а в сорок первом здание храма отдали буйскому заводу под цех метизов. В перестройку православные морокинцы затеяли возвращение храма общине. Староста Кушова это дело и возглавила. Подолгу томясь в начальственных приемных, она мысленно просила помощи у Бога.

Учительница Шляпкина считала вредной саму идею упования на некую внешнюю силу как отрицающую власть человека над своей судьбой. Учись, трудись, соблюдай нормы морали, чти статьи закона, и все у тебя будет хорошо — внушала детям Вера Андреевна, однако не могла не видеть: даже следуя ее установкам, далеко не все ученики становились людьми успешными. Самым ярким примером педагогических неудач Веры Андреевны был ее сын Николай Шляпкин — пьяница и дебошир.

Обсуждать единственное чадо мать не любила, но чувства растерянности и бессилия с каждым годом все боль-

нее мучали ее, и росло желание разделить их с понимающим человеком.

Елена Степановна первой узнала семейную сагу учительницы. Слушала она, не перебивая, лишь вздыхала да шептала «Господи, помилуй!»

Вера Андреевна про свою жизнь рассказывала тихо, глядя в пол, как будто сама с собой разговаривала.

— Я первой на курсе замуж вышла. У нас в педучилище всего-то трое парней было, мой Гена — самый красивый, на него все девчонки заглядывались...

Высокий, чернокудрый, с веселыми карими глазами, Гена Шляпкин действительно был кумиром будущих учительниц. Многие из них удивились и расстроились, когда он вдруг стал открыто ухаживать за невзрачной, как городской воробушек, Верой и вскоре женился на ней.

— Она меня уравнивает, я — балбес, Вера — образец правильной женщины, в сумме получается идеальная пара, — смеялся Гена, объясняя друзьям свою поспешную женитьбу.

Друзья понимающе усмехались: вряд ли какая-нибудь жизнерадостная красотка стала бы делать то, что до самого выпуска делала Верочка. Она писала за мужа курсовые, прикрывала его прогулы — Гена любил поспать в свое удовольствие, — по вечерам кормила на общей кухне свежеприготовленными ужинами.

Семейным студентам в общежитии мест не полагалось, и юные супруги продолжали жить отдельно: Верочка — с девчонками, Гена — с парнями. Изредка две Верины соседки благосклонно уходили куда-нибудь вместе на весь вечер, и тогда происходило то, что Гена называл «варяжский набег с захватом добычи». Комически изображая жадного варвара, он сначала «захватывал жратву и выпивку», то есть, преувеличенно громко чавкая, ел и пил

чай, после чего «насиловал пленницу». Верочка смущенно смеялась, хотя ей, неискушенной в любовных играх, театральное «варварство» мужа было не очень-то по душе, хотелось больше романтики и нежности, однако нравилась роль послушной и заботливой жены первого красавца училища.

При распределении супруги Шляпкины по своему желанию выбрали село Морокино, где учителям сразу давали жилье — хороший дом с участком. Вот только вместе они в том доме жили недолго. Вера вскоре забеременела и почти весь срок пролежала в районной больнице на сохранении. В то же самое время Геннадий получил направление на партийную учебу, в Москву.

Мальчик родился чуть раньше срока, но крепким, здоровым.

— Я, Елена Степановна, так тяжело рожала, что чуть не умерла. Мне Коленку лишь на третий день кормить принесли. Смотрела я на него и плакала: моя частичка! Моя! Не выдержала, развернула одеялко... Мамочкам этого делать не разрешали, но я ослушалась и прямо захлебнулась от счастья, когда увидела, какой у меня сынок ладный, красивый! Сразу поняла: на отца похож, обрадовалась... Зря, как потом оказалось...

Из роддома Веру забрали, отвезли домой и поздравили с первенцем коллеги.

Геннадий из столицы не вернулся. Вместо него пришло покаянное письмо с просьбой отпустить с миром, поскольку он полюбил другую женщину. Вера Андреевна ответила двумя словами: «Забудь нас».

От короткого брака у нее остались лишь фамилия да чернокудрый, кареглазый мальчик Коля, который, к великому огорчению матери, так и не стал уважаемым Николаем Геннадиевичем.

II

В селе Шляпкина-младшего прозвали Николка-матрос. Не потому, что бесконечно «матросил» с девицами и бросал их, а потому что был единственным в Морокине парнем, отслужившим срочную на флоте.

— Вот что я скажу вам, Елена Степановна, Коленьку служба испортила. До армии это был идеальный мальчик. Начитанный, послушный, воспитанный...

До армии сын бодро шагал в будущее по колее, проложенной заботливой матерью. Вера Андреевна готовила его к поступлению в педагогический институт, где мужчин мало и карьера им обеспечена более успешная, чем женщинам. Геннадий Шляпкин был тому наглядным подтверждением. Коля, правда, этого не знал — Вера резко и навсегда пресекала попытки блудного отца встретиться с сыном. Но после выпускного вечера, на котором впервые крепко выпил, Коля неожиданно заявил: «Хочу в армию, хочу на флот!»

— Тут я сама виновата, — покаялась учительница старосте. — Носила ему из библиотеки Жюль Верна, Станюковича. В кино водила на фильм «Поэма о море»... Вот он, дурачок романтичный, и загорелся.

Когда Николая Шляпкина увез военкоматовский пазик, Вера Андреевна заболела. Почти месяц она пролежала в стационаре.

Возвращаться из больницы сразу в опустевший дом было невыразимо тяжело, и впервые в жизни учительница обратилась за посторонней помощью: попросила в профкоме путевку в санаторий. Лучшему педагогу школы не отказали. О том, как у нее едва не случилось второе замужество, Вера Андреевна рассказала Елене Степановне предельно кратко:

— Я там с хорошим человеком познакомилась. Он меня в жены звал. Только разве могла я сына предать?

Сын — главный мужчина в моей жизни, другого не будет.

Срок службы Николая уже заканчивался, когда Вера Андреевна получила с Балтики необычайно длинное письмо. Коля сообщал, что ему как отличнику боевой и политической подготовки предложили остаться на флоте, и он дал согласие. Поэтому после дембеля поедет не в Морокино, а в военно-морское училище. Потом его направят в какой-нибудь город на море, где дадут квартиру, и тогда он заберет маму к себе. Не исключено, что к тому времени у него уже будет своя семья. Есть девушка на примете. И — Коля уверен — мама станет хорошей свекровью и счастливой бабушкой...

Холодея душой, Вера Андреевна осознала: жизнь перевернулась с ног на голову, ее ребенок распланировал на много лет вперед судьбу не только свою, но и матери.

— Даже не спросил моего совета, моего согласия! — сокрушалась она. — У меня едва сердце не остановилось. Соседка вызвала скорую.

Врачи диагностировали предынфарктное состояние, известили сына. Николай примчался прощаться с умирающей матерью.

Но Вера Андреевна не умерла. Она выздоровела и вернулась в школу, а Коля — в свою часть. От училища он отказался и о «невесте на примете» больше не вспоминал. Дослужив, возвратился к матери.

III

После дембеля Коля долго нигде не работал, часто выпивал с мужиками. Вера Андреевна каждый вечер проводила с сыном длинные душеспасительные беседы, требуя прекратить «бессмысленно прожигать свою единственную жизнь». Наконец он объявил, что все ему надоело, он же-

даст остепениться, поэтому решил вступить в законный брак. Услышав имя невесты, Вера Андреевна чуть было во второй раз не уехала из дома на скорой.

Избранницей Николая оказалась известная на всю округу многодетная шалава по прозвищу Галька-стакан. Старший из трех ее отпрысков ходил в класс Веры Андреевны. Кому как не учительнице было знать, что за мать Галька и какая из нее жена получится. Тем не менее, памятуя, как уже раз вмешалась в судьбу сына, Вера Андреевна, стиснув зубы, дала согласие на брак и деньги на свадьбу. Она надеялась, что в ее доме да под ее влиянием молодые выйдут на верную дорогу. Воображение уносило Веру Андреевну в будущее, где она мудро руководила большой семьей, словно школьным классом.

Реальность, как водится, оказалась ничуть не похожей на мечты. Каждый вечер Галина оставляла ребятишек све-крови и вела Николая «проветриться». Возвращались супруги за полночь навеселе. Шумно ругались, после шумно занимались любовью в своей комнате. Утром сонная Вера Андреевна кормила детей завтраком и уходила в школу, прихватив старшего мальчика. Младшие вольно носились по двору, пока их мать и новый папа спали до обеда. Все попытки вразумить молодых приводили к скандалам.

Через год, то ли материнские увещевания помогли, то ли Николаю ссоры надоели, он с Галиной развелся.

— Не пара она ему была, не пара, — объясняла Вера Андреевна любопытным сельчанам скоротечность сыновьяго брака.

Пары Николке-матросу в Морокине все никак не находилось. И подходящей работы тоже. Он то болтался без дела, пропивая материнские деньги, то устраивался куда-нибудь шабашить и приводил в дом новую зазнобу...

— Молитесь, милая, — советовала Елена Степановна, выслушав очередную порцию учительских откровений. —

Просите помощи у Господа. Он один милостив к нам, грешным.

Вера Андреевна не спорила, но и всерьез к словам приятельницы не относилась. Молитвы — психотерапия для людей темных. И все же... Помогли ведь они Елене Степановне совершить нечто, поначалу невообразимое: из церковных стен выехал заводской цех, община худо-бедно отремонтировала храм и начала собирать деньги на колокола. А центральное отопление в Морокине? Котельную отсудили и снова запустили. Что помогло: авторитет учительницы или молитвы старосты?

С такими невнятными мыслями Вера Андреевна начала ходить в церковь. Преодолевая брезгливость, она смотрела на старушек, целующих руку священнику, на причастников, евших из общей ложки размоченный в вине хлеб; подавала нищим, клала деньги в ящик с надписью «Жертва на храм», но заставить себя перекреститься не могла. Но все же не уходила, удивляясь спокойствию, зарождающемуся в душе, хотя никуда не девались ее семейные беды и помощи от вышних сил она по-прежнему не ждала. И была права. Не какой-то там небесный бог, а вполне земная Елена Степановна дала Николаю постоянную работу при храме.

— Где ваш сын, Вера Андреевна? Сейчас только радостное известие получила: батюшка благословил колокол купить.

— Зачем? Вроде и так службы нормально идут.

— Милая, да церковь без колокола все равно что певец без голоса! Знаете, как называют колокол? Звонкая икона, молитва в бронзе. Он возвышенное настроение создает, а звон у него целебный. Да-да, не смейтесь! Душу лечит. И даже тело...

— Елена Степановна, вы образованная женщина, а подвержены суевериям.

— Суеверия тут ни при чем, милая. Наукой доказано, что у колокольных звонов такие вибрации, которые все в человеческом организме выправляют. Наши-то предки дураками не были, раз приняли положение, что в церкви должен быть набор колоколов. Значит, будут у нас и благовест, и трезвоны, и перезвоны. А пока вот — один нашла. Директор буйского завода продает. Я его спросила, не знает ли он мастера колокол отлить, а он мне сразу готовый предложил. Рассказал, как года два назад им на переплавку старинный колокол вместе с другим железным ломом привезли. Только никто не решился такую красоту в печь бросить. Так и лежал, словно ждал своего часа в церковь вернуться, вот ведь какие, милая, чудеса по Божьей воле случаются!

Вера Андреевна усмехнулась:

— Два года лежал, потому что кто-то красоту пожалел?! Свежо предание... А Коля вам зачем?

— Колокольню еще не закончили ремонтировать, придется временную звонницу строить. Батюшка благословил рабочего нанять, зарплату ему положил из приходской казны. Так возьмется Николай?

IV

В сельской библиотеке Вера Андреевна набрала книг на темы плотницкого мастерства и колокольных звонов. Каждый свободный час она посвящала чтению, а за ужином пересказывала прочитанное сыну:

— Послушай, Коленька, в чем разница между колокольной и звонницей. Колокольня — это башня. А если колокола висят на перекладине, которая на земле стоит, то это — звонница... А еще есть такая наука о колоколах и колокольных звонах, кампанология называется... Подумать только — целая наука!..

Коля слушал терпеливо, но на мать смотрел насмешливо.

Работа при церкви мало изменила его образ жизни. Как и прежде, он часто приходил домой навеселе. Его собственный невеликий доход заканчивался к середине месяца, и он занимал у матери «до получки», однако никогда долги не возвращал. А Вера Андреевна и не спрашивала, была счастлива уже тем, что каждый вечер они вдвоем сидят за столом, пьют крепкий чай с маковыми сушками и сын внимательно ее слушает.

— Не сутулься, сынок, сядь ровно... Во Фландрии пять веков назад изобрели музыкальный инструмент карильон, он составлен из колоколов и клавиш. Представляешь, человек играет, словно на пианино, а звучит колокольная музыка... Правда, интересно?

Мать не замечала, что полуприкрытые глаза и молчаливое сопение Николая означают не внимание, а полудрему, и продолжала звонким учительским голосом пересказывать прочитанное.

За три дня до Пасхи во дворе храма стояла сияющая свежеструганным деревом звонница, рядом лежал колокол, весь в литых орнаментах, с вьющейся понизу затейливой надписью. Вера Андреевна с трудом разобрала церковнославянскую вязь: «Во славу Святой Живоначальной Троицы вылит колокол сей в лето 1735 от Р.Х.».

— Ух ты! Середина восемнадцатого века! Какой старый... И надо же, как к месту пришелся! — удивилась Вера Андреевна. — Как раз и наша церковь тоже Троицкая...

Что случилось во время крепления колокола, она толком не поняла. Вроде какие-то детали от подвеса кто-то украл. Кто именно — неизвестно, но обвинили Николая.

В субботу вечером сын пришел домой пьяный и злой. Сорвался на мать:

— Все, хватит! Сама работай со своими богомолками. В гробу я видел эту твою Елену Степановну!

Вера Андреевна ответила миролюбиво:

— Ну и ладно, успокойся. Все там закончил? Повесил колокол?

— Все сделал. Завтра поутру зазвонят, услышишь.

Пасхальным утром, впервые за полсотни лет, над Мо-рокином разлился благовест, и на сердце у Веры Андреевны стало празднично и счастливо.

После завтрака Николай засобирался в гости к друзьям и потребовал денег:

— Мать, святой праздник как-никак, чего жмешься! У тебя на днях зарплата была, давай делись, тебе все равно некуда тратиться.

Говорил вроде как со смехом, а смотрел чужими злющими глазами. Вера Андреевна уже хотела было «поделиться» — в самом деле, праздник же! — достала купюры, но завела привычную пластинку о взрослости и самостоятельности.

Николай вспылil, выхватил деньги, оттолкнул мать ударом кулака в грудь и, словно сам себя испугался, стремглав выскочил за дверь. Вера Андреевна не удержалась на ногах — упала и долго рыдала, лежа на полу. Отрыдав, совершенно опустошенная, она отправилась в церковь.

В храме, полном народа, учительница встала в уголке и стояла, окутанная запахом ладана и звуками молитвенного пения, как благодатным коконом, спасающим от невыносимой боли в том месте, куда попал кулак сына. Время перестало течь, и лишь по движению толпы она почувствовала, что служба окончилась. Людская масса вытянулась в очередь к аналою, где лежала большая икона Воскресения Господня.

Бесчувственно и безмысленно Вера Андреевна двигалась с толпой.

Перед иконой как будто не она сама, а кто-то сторонний поднял ее правую руку и прикоснулся сложенными в щепоть пальцами ко лбу, правому плечу, левому и, мягко толкнув в затылок, упер лоб в стекло, прикрывающее образ.

— Господь всемогущий, спаси моего сына! — прозвучало в голове у Веры Андреевны.

Она качнулась, но устояла. Помедлила и как в полусне пошла к выходу. Опомилась на паперти, смутно знакомая бабушка взволнованно теребила ее за рукав:

— Вера Андреевна, что с вами? Вам нехорошо?

— А? Нет-нет, нормально.

И правда, в груди, там, где недавно лежал тяжелый, раскаленный добела камень, стало пусто и тепло.

Отмечая окончание службы, округу заливал колокольный звон. Отражаясь от реки, от облаков, он множился эхом и, казалось, звучит не один, а много колоколов. Словно собирая на себя звуки, под колоколом теснились благостно улыбающиеся женщины.

— Чего это они? — удивилась Вера Андреевна.

— А как же! — отозвалась старушка, что спрашивала учительницу о самочувствии. — Если под звоном постоять, все болячки враз пройдут.

Мелкими шажками просеменив к звоннице, бабушка втиснулась между других исцеляющихся. Вера Андреевна машинально пошла следом. Женщины расступились, как будто приглашая ее в свои ряды.

«Бум!» — коснулся язык литого колокольного бока. Мощные звуковые волны пронзили Веру Андреевну от макушки до пят. «Бум!» — словно некто могучий встряхнул каждую клеточку ее тела. «Бум!» — и внезапная яростная боль бросила учительницу на землю, отключила сознание...

Она не слышала ни заполошных воплей «Упал! Убил!», ни воя скорой помощи, ни взволнованных переговоров врачей...

Очнувшись в палате, Вера Андреевна не сразу вспомнила, кто она и как оказалась в больнице.

На другой день пришел молоденький следователь, рассказал, что на учительницу упал неправильно закрепленный колокол. Вскользь задел, но повредил голову, позвоночник и ключицу. Подозреваемыми в причинении вреда здоровью по неосторожности признаны разнорабочий Шляпкин и староста Кушова. С них обоих взяты подписки о невыезде.

V

Елена Степановна пододвинула к кровати стул, села, расправила на коленях широкую длинную юбку.

Сейчас расскажет сельские новости, подумала Вера Андреевна и заволновалась: вдруг сына все-таки арестовали? Вдохнула, набирая решимости, и выдохнула:

— Как там Коля?

— Коля? — переспросила староста. — Он что, не приходил?

— Нет.

— Да слава Богу, все хорошо! — перекрестилась Елена Степановна. — Работает Коля, в магазин устроился, грузчиком. А молодуха его дом ведет.

— Какая молодуха? — взвилась Вера Андреевна, но тут же замерла, задышала глубоко, успокаивая пронзительную боль.

— Я-то сама у вас не была, но люди говорят: Наталья с Колей живет, вдовая невестка Черняковых. Помните такую?

Вера Андреевна помнила и смешливую толстушку Наташу Суханову, и Наташиного мужа Андрея Чернякова. Когда-то они оба были ее учениками. После школы поже-

нились, двоих детей родили. Андрюша на железной дороге работал. Вагон плохо закрепил, под него и попал. Наталья второй год вдовела...

— Кошмар! — ужаснулась Вера Андреевна. — Всего неделя как меня дома нет, а он... уже...

— Да где же кошмар, милая?! — всплеснула руками Елена Степановна. — Это счастье, что сынок ваш не одинок! Наталья молодая, крепкая. И специальность у нее подходящая — медсестра. Плохо, что невенчанными живут. Но со временем присмотрятся, притрутся, глядишь, и поженятся. Не переживайте.

Вера Андреевна лежала, сомкнув скорбной скобкой тонкие сухие губы. Она тут исстрадалась, воображая, как мальчик мучается, а он, оказывается, доволен и счастлив.

— Рад, наверное, что меня нет, — обронила Вера Андреевна.

— Даже и думать так не надо! Он же посменно трудится. Вот как только у него свободное время совпадет с часами посещений, так и придет.

— И сегодня работает?

— Простите, Христа ради, не знаю. Неловко мне к Николаю идти. Он ведь меня во всем винит, дескать, если бы я его не торопила к Пасхе колокол подвесить, он не стал бы веревку вместо украденной детали использовать, новую купил бы. Сейчас даже на улице, если встретимся, делает вид, что меня не знает. Но соседи ваши очень рады, что Наташа с ним. Хорошая, говорят, хозяйственная. Говорят, и Коля с нею другим стал. Молитесь, милая, чтобы так и было...

Вера Андреевна отвернулась, прикрыла глаза. Елена Степановна тихо вышла.

В ожидании сына мать изо всех сил сдерживалась, чтобы не показать соседкам по палате своих переживаний. На жалостливые бабьи причитания только усмехалась: «Раз не идет, значит, работает, и это очень хорошо!» Но всякий

раз, как открывалась дверь, сердце у нее подскакивало: Коля! Однако шли или к другим, или другие.

Школьники потолклись у постели учительницы галочьей стайкой, оставили букетик первоцветов и убежали. Председатель профкома от имени педколлектива принесла коробку шоколадных конфет и материальную помощь в размере месячной зарплаты. Хранить конверт с деньгами в тумбочке Вера Андреевна не решилась — разные люди в палату заходят, — сунула под матрас.

Часто навещала Веру Андреевну сладкоречивая староста. Утешала: Николай не пьет, все так же работает в магазине, живет с Натальей Черняковой.

— Вы уж не ругайте сына, милая, ему тоже несладко пришлось. Все его виноватят, а он, может, и правда ни при чем. Кто украл железный крепеж, мы, похоже, уже никогда не узнаем. Следствие прекратили, сняли с нас обвинения. Коля чуток успокоится и придет.

Но вместо Николая пришла Наталья. Влетела в палату, все такая же шустрая, какой в школе была.

Вера Андреевна ревниво рассматривала очередную «новую жизнь» сына. А Наталья, выкладывая на тумбочку гостинцы, бойко тараторила:

— Вот, Вера Андреевна, это вам Коля сушки с маком передал, сказал, вы их любите. А это мои пирожки с яблоками. Вы уж кушайте больше, выздоравливайте, вас все ждут — и в школе, и дома...

Непонятно отчего Наташа ощущала вину и за несложившуюся личную жизнь Николая, и за травму Веры Андреевны, хотя, по справедливости, заслуживала благодарности: это она оказала пострадавшей на церковном дворе первую помощь и вызвала скорую. Потом побежала искать Николая, нашла дома, спящим.

Они проговорили до полуночи. Вспоминали школу, общих знакомых. О себе рассказывали друг другу так,

словно встретились после долгой разлуки два близких человека.

— Я, Наташка, ни пить, ни есть не могу, — Николай смотрел в ясные синие глаза, и казалось ему: исповедуется он ангелу, который не только простит и утешит, но и подскажет, как дальше жить. — Ведь я маму из-за денег ударил. Потом опомнился, вернулся. Только ее уже дома не было, в церковь ушла. Но вот если бы она не зудила меня своими поучениями, как будто я дите, а не мужик, то... Нет, не могу, стыдно. Понимаешь?

— Да, Коля, понимаю. Ты сходи к маме, извинись. Она простит, точно знаю, я сама мать. Врач сказал: дня через три уже можно навестить. Хочешь, вместе пойдем...

— Не могу, Наташка, не могу! Тошно мне!

— Ты сейчас об этом не думай, спать ложись. Утро вечера мудренее будет.

— Наташка, не уходи! Останься...

И она осталась.

VI

— До свидания, Вера Андреевна. Пойду. Надо успеть Колину зарплату забрать, пока магазин не закрыли. Мы так договорились: заведующая каждую неделю рассчитываться будет, а я получать. — Наталья поднялась со стула, но, увидев тревогу и удивление на бледном лице учительницы, остановилась, объяснила: — Коля сам попросил. Ну, чтобы, значит, не искушаться. Он хороший, очень хороший, просто слабый, ему опора нужна. До свидания.

Опора! Ишь ты, какая опорная нашлась! Вера Андреевна с негодованием смотрела на закрытую дверь, словно видела за ней Наталью, и молча выкрикивала ей в спину: «Разве я не была ему опорой с рождения? Разве не под-

держивала изо всех своих уходящих с годами сил? Ты что думаешь, пришла с улицы, легла с моим сыном в койку и ближе матери стала?..»

Вера Андреевна непроизвольно всхлипнула. Услышали сопалатницы, кинулись утешать. Что такое? Что случилось? Или это от радости? От радости, конечно! Ведь теперь, даже если и останется учительница инвалидкой, будет кому за ней ходить! Ах какую замечательную невестку Бог послал — молодая, красивая, да еще и медсестра к тому же. И детки готовые уже имеются... Радуйтесь!

Но радость не приходила. Грудь сжимали тоска и обида.

Нежную майскую зелень тополей за окном сменила темная июньская. Вера Андреевна все чаще заговаривала о выписке и с врачом, и с Натальей, навещавшей ее. Наталья передавала приветы от Коли и просила прощения: дескать, трудится с утра до вечера, минуточки нет свободной.

— Он дома ждет, — тараторила Наталья. — Мы уже все для вас подготовили: кровать специальную купили, кресло поставили перед телевизором. Коля на входе перильца вдоль ступенек сладил — будет вам на что опереться...

Елена Степановна подтверждала: Николай не пьет, в магазине работает и дом ремонтирует. Наталья, похоже, крепко его к рукам прибрала. Все хорошо.

Если все хорошо, почему так муторно на душе? — спрашивала себя Вера Андреевна. И сама отвечала: да потому что Наташа, хоть и замечательная женщина, но не свое место заняла. Расхозяйничалась! Отнимает у сына заработок и распоряжается как своим, повесила ему на шею чужих детей, решает, кому и как в доме жить... А может, это она специально отваживает Колю от матери, не оставляя ему ни минутки свободной?

Николай пришел в больницу накануне выписки.

Вошел тихо, она не услышала как. Открыла глаза на родной голос:

— Здравствуй, мама.

Охнула, потянулась навстречу.

— Лежи, лежи! Я рядом сяду, — Коля пододвинул к кровати стул.

В ярком свете солнечного дня Вера Андреевна вдруг увидела, как постарел сын. Погладила по седеющим волосам, не сдержалась, порывисто притянула его голову к груди и заплакала.

Коля вывернулся, тихо произнес, глядя в пол:

— Прости меня.

Она засмеялась счастливо:

— Что ты, что ты! Не за что, ты ни в чем не виноват, колокол сам упал, случайно!

— Да я не о том...

— Понимаю, все понимаю! Я же твоя мама, а ты — мой любимый сынок. Никто и никогда не будет любить тебя так, как я. Помнишь притчу про сердце матери?

Николай поморщился.

— Вот, одежду тебе принес, туфли... На завтра отгул взял, у себя в магазине машину нанял, домой поедем.

— Домой? Не помешаю? Там же теперь другая хозяйка есть...

— Мама! Не начинай! Знаешь, как Наташа тебя уважает!

— Молчу, молчу! Лучше бы она тебя уважала, а то все деньги отнимает. У меня тут вот...

Вера Андреевна зашарила под матрасом, ища припрятанную матпомощь.

— Ничего не отнимает. Я сам ей доверенность дал. Мне так удобнее, потому что она лучше умеет...

— Конечно, сынок, конечно, я знаю... Вот, возьми, это тебе.

— Мама, ну зачем, не надо!

— Надо, ты мужчина.

Николай встал, неуверенно посмотрел на конверт. Отвернулся, потянул не глядя за уголок, неловко сунул конверт в карман.

— Спасибо. Так-то у нас все есть. Наташка закупила. Стол готовит к твоему приезду. Ладно. Я пойду.

— Не спеши, побудь еще.

— Некогда. Давай, до завтра.

В тот же вечер Николай Шляпкин страшно напился. Соседи слышали, как он сначала пел песни, потом по двору гонялся за Натальей, кричал: «Пошла вон!»

Ночью растрепанную, заплаканную Наталью видели бегущей по селу к родительскому дому.

...Дождь все сыпался и сыпался с неба мелким искристым бисером.

Бродяга окончательно промок, тяжело дышал, но мысль о хорошей выручке за случайно найденное добро придавала сил, и он продолжал толкать тяжелую тачку по раскисшей дороге, размышляя на ходу: «Вот ведь как бывает! Сидишь в подвале мокрый, голодный и думаешь: за что мне такое наказание? А это, оказывается, и не наказание вовсе, а помощь Господня, чтобы ты, червяк земляной, мог еще немного по свету поползать. Зачем? Ну, это Ему одному известно. Наше человечье дело не вопросы задавать, а принимать Его волю как свою да благодарить...»

В старом сарае на окраине села лом принимал лысый мужик с острым настороженным взглядом. Перед сараем стоял грузовик. У кабины курили и негромко переговаривались шофер и приемщик.

На оклик бомжа лысый повернулся, бросил водителю:

— Во, еще привезли. Сейчас догрузим.

Затоптал папиросу и пошел к тачке, из которой солнечно желтеющим куполом торчал колокол.

— Ишь ты, какой колокольчик затейливый! Где взял? Церкву обнес?

— Как можно! Бог послал. В подвале лежал, ничейный. Чистая медь!

— Допустим, не чистая, но возьму. И железо тоже. Вот, на...

— Че так мало? — вяло спросил бомж, скрывая радость. Просто так спросил, для порядка, на самом деле на большее он и не рассчитывал.

— Иди, пожалуйся на меня.

— Кому?

— Кто тебе этот колокол послал, тому и жалуйся, — захохотал лысый.

Старик взял деньги, отер потный лоб, кивнул в сторону грузовика:

— А этот откудова?

— Этот? С буйского завода, повезет лом на переплавку. А что? Свой колокольчик пожалел? Может, обратно забережь? Тогда бабло отдавай, — глумливо заржал приемщик.

Бомж отступил, пряча деньги в карман:

— Да ладно, че уж ты сразу... Где тут у вас магазин?

Уходя, обернувшись, глянул, как лебедка втаскивает колокол в кузов. Перекрестился украдкой и заспешил прочь.

Мария Сидлер

Окончила Московский университет культуры. Родной город Москва.

Работает в IT-компании, воспитывает двух дочерей.

Более 15 лет пишет в разных жанрах для детей, молодого поколения и взрослых.

В своих текстах стремится к легкости слога и глубине смысла. Ее герои живут на границе действительности и мистики.

Иные измерения помогают читателям постигнуть смыслы земной жизни.

Участник и призер сетевых литературных конкурсов, участник различных печатных проектов, в том числе сборника «Московский Дом».

Увлекается йогой, скандинавской ходьбой и горными лыжами.

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ). Ведущая блога журнала «Московский BAZAR» в социальных сетях.

Дом с привидениями

По дороге на дачу, раз за разом, мое внимание привлекал один дом. Каждый раз хотелось сбавить скорость, когда проезжала мимо. Казалось бы, что в нем притягательного? Обычный заброшенный особняк. Стоит одиноко на краю леса, смотрит слепыми окнами на оживленную трассу.

Хотя, может, именно заброшенность приводила меня в замешательство? Мол, вот сейчас ты успешная, у тебя тоже есть большой дом. Пока есть. Но в один момент ты можешь перестать быть хозяйкой своей жизни, в один момент может все рухнуть — финансовое, личное благополучие — и тогда... Тогда твой дом тоже будет ветшать на глазах вяло сочувствующих и более успешных соседей.

Однажды я не выдержала и притормозила. Неожиданно для себя вывернула руль и почти бесшумно проехала по заросшей травой грунтовке к забору. Вблизи особняк оказался еще более запущенным, чем виделся с трассы. Штукатурка висела лоскутами, окна выбиты, двор превратился в свалку. Жалкое зрелище!

Постояв немного, собралась разворачиваться, когда заметила яркий детский мяч около крыльца. Мяч был новым. Кто мог его забыть у заброшенного дома? Я пожала плечами и ответила сама себе: скорее всего, дети из поселка. Таинственность одиноких домов притягательна.

Я все-таки развернула машину, но поехала не дальше по трассе, а вернулась немного назад, туда, где ранее видела указатель к поселку. Доехав до будки охраны, я несколько раз посигналила. Двое парней в камуфляже вышли из будки, настороженно глядя на незнакомое авто, но, увидев за рулем девушку, расслабились.

Опустив стекло, спросила:

— Ребята! Я хотела узнать, кто хозяин заброшенного дома? Того, который стоит у леса.

Парни недоуменно переглянулись:

— А вам зачем?

— Купить хочу! — я назвала выдуманную, но достоверную причину.

— Так он с привидениями! — в голосе одного из охранников слышался неприкрытый испуг. Второй толкнул его в бок, и паренек смущенно умолк.

— С привидениями? — переспросила я.

— Вы, дамочка, вот что... Я вам щас дам телефончик администратора местного, вы у него все и спросите... — второй охранник порывлся в своих бесчисленных карманах, извлек из недр комбинезона растрепанную записную книжку и медленно продиктовал мне номер.

— Спасибо! А можно я со стороны поселка подъеду, посмотрю на особняк?

— Валяйте! Только там дорога того, плохая...

— Ничего, переживу.

Шлагбаум поднялся, и я медленно покатила по дороге коттеджного поселка.

Местечко оказалось помпезное. Сразу видно, что обитают в нем люди небедные. Ну да мне-то что? Я ж взаправду тут жить не собираюсь.

Ошибившись пару раз с поворотами, я вырулила к воротам. Они были плотно закрыты, зато сбоку зияла дыра вместо калитки. Заглушила мотор и вышла из машины. Тишина оглушала. Именно за тишину я люблю жизнь за городом. Но здешняя тишина была мертва — ни единого порыва ветра, пения, чириканья птиц, других звуков, свидетельствующих о том, что место обитаемо.

Пролезла через дыру на территорию. Пусто и уныло. Аккуратно пройдя по двору, старательно огибая кучи мусора, дошла до крыльца. Дверь, ведущая в заброшенный

дом, до сих пор выглядела солидно. Ее одну не затронула общая обветшалость. Казалось, стоит постучать — и дверь откроется, и меня встретят удивленные незванным вторжением хозяева... Казалось... Из-за двери послышался детский смех. Я резко отдернула руку, уже готовую постучать.

«Там никого нет!» — разум отказывался считаться с органами слуха. Теперь слышались мужской и женский голоса. Слов не разобрать, лишь приглушенное бормотание.

Чувствуя себя героиней какого-то банального ужастика и покрываясь холодным потом, я ринулась обратно через двор к машине. Но, как бы ни была я напугана, сбегая с крыльца, зафиксировала, что яркого мяча больше нет.

Потребовалось несколько минут посидеть в машине, чтобы унять дрожь в руках и отдышаться. Немного успокоившись, проделала обратный путь до КПП и мило помахала охранникам на выезде. В зеркале заднего вида увидела, как «младший» покрутил пальцем возле виска. Что ж, не так уж он и неправ!

Дома мне начало казаться, что все произошедшее всего лишь розыгрыш глупых охранников. Но любопытство мучило, и я решила все-таки позвонить администратору поселка, чтобы разузнать, кто жил в доме и отчего особняк ветшает, вместо того чтобы служить новым хозяевам.

— Алло? День добрый, меня интересует заброшенный особняк в коттеджном поселке... Да, да, именно там! Не продается? Но у меня другие сведения, и я бы хотела осмотреть дом. Встретиться? Хорошо... Завтра в два я смогу подъехать. До свидания!

На следующий день, ровно в два, я уже стояла около офисного здания, где располагалась управляющая контора. Девушка на ресепшен встретила меня приветливой улыбкой:

— Проходите, Виталий Алексеевич уже ждет вас!
Управляющий был лыс, толст и любезен.

— Наталья Владимировна! Очень рад познакомиться!

— Виталий Алексеевич, мне тоже приятно, но давайте к делу...

— Дом. Вас он заинтересовал чем-то? Или это любопытство?

— И то, и другое. Кто были его хозяева? Отчего вы сказали вчера, что дом не продается?

— Этот особняк... У него скверная репутация в поселке.

— Только не надо повторять бредни охранников про привидения! Я в них не верю!

— Наболтали-таки? Вот паршивцы, сколько уж раз предупреждал.

— Не ругайте их, лучше объясните!

— Особенно нечего объяснять. Странные вещи творятся там, вот и все. То голоса слышатся, то свет ночью горит, а когда входим — нет ни одной целой лампочки... Называйте как хотите, но в доме нечисто, это факт.

— Дом пытались продать?

— А как же! Есть наследники... Наследница. Но продать не получается! Накануне сделки все клиенты отказываются! По разным причинам, но кажется, что истинную они просто скрывают. Уж очень лица у них перекошенные были.

— Вы можете дать координаты собственника? Меня интересует покупка дома.

— Записывайте номер телефона Юлии... Она будет рада избавиться от балласта.

Я позвонила сразу же. Трубку долго не снимали, я уже успела дойти до машины, когда наконец раздалось заспанное «Алло!» — и это в середине рабочего дня! Немногие люди могут себе такое позволить!

— Юлия Игоревна? Меня зовут Наталия Владимировна. Ваш телефон мне дали в управляющей компании...

Что? Да, Виталий Алексеевич... Дело в том, что я хотела приобрести особняк... Встретиться? Когда? Хорошо, буду.

Эта неведомая мне Юлия обладает хорошей реакцией — предложила встретиться через полчаса, а сама только с кровати встала!

В назначенное время я вошла в зал маленького кафе. Посетителей не было, лишь за дальним столиком сидела хрупкая девушка и с видимым удовольствием ела.

— Юлия И...

— Можно просто Юля!

— Тогда я просто Наталья, — я улыбнулась ее непосредственности.

— Вы извините, я со вчера ничего не ела... Утром только с ночного дежурства...

Я мысленно себя отругала: вот так, составила о человеке мнение как о лентяе, а она, оказывается, всю ночь работала! Я посмотрела на ее красноватые шелушащиеся руки.

— Вы врач?

— Да, — Юля удивленно посмотрела на меня, — а что, похоже? Обычно меня за студентку принимают, говорят, врач так несолидно выглядеть не может! — девушка улыбнулась, и мне тоже показалось, что она слишком молода для такой серьезной профессии.

— А я, между прочим, — продолжила Юля, — хирург!

Настала моя очередь удивляться: вот эта девочка — хирург?

— Да-да! И неплохой хирург! У меня в больнице самая маленькая смертность!

— Юля...

— Да, конечно, я увлеклась! Всегда так, стоит заговорить о работе, как забываю обо всем остальном. А вы хотели поговорить о доме.

— Конечно. Задам бестактный вопрос... Откуда у врача такой особняк? Даже в таком плачевном виде он требует немалых вложений, вот хотя бы налог на землю.

— Вы правы. Это моя беда, а не дом! Наследство от папы-генерала. Хорошо, что кроме дома он оставил кое-какие средства, а то бы вовсе не на что его содержать было. Так что зарплата врача у меня не единственный источник доходов. Продать дом пятый год не могу. С тех самых пор, как папа умер... И жить там не могу. Пробовала, пока дом в нормальном состоянии был. Хорошо бы вы его купили... — Юля мечтательно закатила глаза. — Я бы тогда путешествовать отправилась!

— Управляющий сказал, что дом несколько раз хотели купить... — я старательно подталкивала разговор к интересующей меня теме.

— Вот-вот, хотели... Но не купили. В последний момент все клиенты отказывались от сделки, — Юля вздохнула, — а в чем причина, никто так и не сказал! У одной пары чуть залог не пропал. Мне так неудобно было, еле вернула. Они эти деньги даже брать не хотели, только бы я их больше не тревожила.

— Так что не так с домом?

— Все вроде так... Но... Может, мне от горя мерещилось? Голоса. Как будто папин и его жены... И ребеночек их плакал... Мне казалось, что я ума схожу. Одни выходные только и выдержала в том доме, потом обратно в городскую квартиру сбежала. С тех пор пытаюсь его продать. Нехорошо, наверное, память об отце все-таки. Но что мне с ним делать?

— Юля, а остались контакты прошлых покупателей?

— Где-то есть. Да зачем вам? Если сомневаетесь, то сразу откажитесь.

— Если возможно, я бы позвонила этим людям. Не думаю, что они меня не отпугнут, но хотелось бы понять причины их отказов.

— Сейчас... — Юля принялась щелкать кнопками мобильного. — Только у меня не все. Но думаю, хватит и тех, что остались.

Я старательно переписала номера. С Юлей договорилась в следующие выходные поехать посмотреть дом. Девушка весело упорхнула, вероятно, окрыленная надеждой избавиться от докуки, а я осталась сидеть за столиком над остывшей чашкой кофе. Неужели я и вправду собираюсь купить этот странный дом? Зачем он мне? Зачем мне вообще надо знать его тайну? В том, что тайна есть, я даже не сомневалась. Как будто интуиция подсказывала, что делать дальше. Я решительно взялась за телефон и начала набирать номера один за другим.

Большинство тех, кому я позвонила, сказали мне в телефонном разговоре примерно одно: «Девушка, не покупайте! Дом проклят!» Меня это не убедило. Но никаких комментариев я не получила, люди просто бросали трубку или просили их больше не беспокоить. Оставался последний номер. Его-то я и набрала.

— Алло?

— Вера Тимофеевна?

— Да...

— Меня зовут Наталья Владимировна. Мне хотелось бы вам задать один вопрос о доме, который вы не купили. Мне сказали, что вы в последний момент отказались. Дело в том, что я тоже собираюсь его приобрести и хотела уточнить причину вашего отказа от сделки... — слова вступления я уже выучила наизусть.

На том конце провода царило молчание.

— Не покупайте этот дом... — наконец раздался тихий голос.

«Ну вот, сейчас тоже повесит трубку», — успела подумать я.

— Не покупайте, потому что в нем живут... — собеседница, казалось, с трудом подбирает слова.

— Люди? Но он же пустой и заброшенный...

— Я не сказала, что в доме живут люди... В доме живут те, кому больше некуда пойти.

— Бомжи, что ли? — моему удивлению не было предела.

— Почему сразу бомжи? — в голосе Веры Тимофеевны послышался беззвучный смех. — Вы еще молоды и не знаете иного мира, кроме этого... Они сами расскажут все, когда придет время.

Из трубки донеслись гудки. Вот так. Вроде бы сказала больше остальных и в то же время ничего, что объясняло бы странности.

Я продолжала ездить каждый день мимо «дома с привидениями», как его окрестил паренек-охранник. Дом провожал меня слепым взглядом, от которого по спине бежали мурашки. Когда наступили выходные, я с трудом заставила себя ехать по знакомой дороге на встречу с Юлей и ее странным особняком. Девушка ждала меня на КПП, греясь в будке охраны. Увидев мою машину, она выбежала из будки и сама подняла шлагбаум. Через пару минут мы стояли напротив уже знакомых мне закрытых ворот с дырой вместо калитки.

— Мне отчего-то не по себе... — призналась Юля. — Мне никогда не бывает страшно, даже когда привозят почти безнадежных больных... А сейчас вот страшно. Несмотря на то что это дом моего отца...

— Юля, а раньше, до того как папа умер, ты здесь жила?

— Нет, только в гости приезжала к нему и его жене Веронике.

— Вероника не твоя мама?

— Нет, что ты, Вероника была второй женой отца. С мамой они развелись очень давно, когда я маленькая была, поэтому я его не ревновала ничуть. А Вероника — папина большая любовь. У них были такие отношения... Вот бы мне так жить с моим будущим мужем!

— Расскажи, пожалуйста.

— Это длинная история. Но ладно, все равно вылезать не хочется из машины. Расскажу.

...Они встретились банально. Пожилой генерал влюбился в молоденькую штабную секретаршу. Все пугали, что ей нужно только его положение и достаток. Но Вероника совсем не обращала внимания на регалии. И не принимала в подарок ничего, кроме цветов и конфет. Она тоже была влюблена в моложавого генерала — в свои пятьдесят шесть Игорь Николаевич выглядел молодцом и был силен как бык. Вероника сдалась после продолжительной осады.

Их счастье расцветало на глазах, несмотря на злые языки с обеих сторон. Дом в коттеджном поселке стал средоточием тепла и уюта. Супругам никто не был нужен, кроме друг друга и... ребенка. Вероника быстро забеременела и легко родила очаровательного мальчика Олежку. Молодой папаша и молодая мать были беспредельно счастливы.

Дочь от первого брака Юля тоже радовалась за отца. Она подружилась с мачехой и с удовольствием нянькалась с единокровным братишкой. Но, видно, кто-то решил, что такое незамутненное счастье не имеет права на долгое существование.

В один осенний день Вероника возвращалась из детской поликлиники домой. И напротив собственного дома, когда она уже готовилась повернуть к знакомому проселку, в ее легковушку врезался вылетевший на встречную полосу МАЗ. Мать и сын погибли на месте.

Генерал умер от сердечного приступа ровно через два часа — сразу после того, как ему сообщили о несчастье. Дом опустел...

— Грустная история, — единственные слова, которые мне удалось вымолвить.

Юля кивнула. Из ее глаз градом катились слезы. Я протянула руку, погладила ее по волосам. Сама с трудом слотнула ком в горле.

— Я понимаю, почему ты не смогла жить в доме...

Девушка отрицательно помотала головой.

— Нет, не в этом дело... Да, тяжело было видеть папины и Вероникины вещи, невыносимо — Олежкины игрушки. Но, с другой стороны, кроме напоминания о горе они несли в себе и позитив воспоминаний о былом счастье, о людях, которых я очень любила. Вот только их голоса сводили меня с ума.

Мы помолчали. Вдруг Юля схватила меня за руку.

— Наталья, ты не обидишься, если я не продам тебе этот дом? Мне вдруг пришло в голову, что он так долго не продается, потому что папа этого не хочет. Ему неприятно, наверное, что я так решила распорядиться местом, где он был счастлив. Но, если хочешь, я покажу тебе дом внутри.

Я кивнула с облегчением: значит, не придется потом расстраивать девочку своим отказом. Мы вышли из машины и вместе прошли к крыльцу. Яркий детский мячик снова лежал около ступенек. Рядом валялся на боку трехколесный велосипед. Я вздрогнула. Как можно такого маленького ребенка отпускать гулять одного по поселку, пусть даже охраняемому? Девушка тем временем открывала дверь. Ключ нехотя провернулся в замке, Юля дернула ручку, и мы вошли.

Обычное обшарпанное помещение. Мебели почти нет, а та, что осталась, стояла зачехленная, обернутая черным

целлофаном и производила пугающее впечатление в осенних сумерках. Паркет местами вздулся, что неудивительно, так как отсутствие окон делало дом пристанищем непогоды. Штукатурка на стенах и потолке тоже выглядела плачевно. Но ничего таинственного и загадочного не было. Не метались призрачные тени по стенам, не раздавались потусторонние стоны. Ничего. Просто полуразрушенный дом.

Мы прошли по всем комнатам. Я озиралась, ища того ребенка, который оставил игрушки у крыльца. Хотя как он мог попасть в закрытый дом? Окно первого этажа было слишком высоко. И все же присутствие детей ощущалось. На втором этаже, сохранившемся чуть лучше первого, на шатком столе лежала упаковка памперсов. На ней не было ни пылинки. В другой комнате валялись разбросанные погремушки — новые, бросающиеся в глаза своей глянцестью на фоне общего серого пыльного запустения. Я показала на них Юле. Она отрицательно помотала головой — нет, это не Олешкины. В немом удивлении мы обошли весь дом и вновь спустились вниз. Вышли наружу, торопясь покинуть странный дом. Велосипеда и мяча возле крыльца уже не было. Я выдохнула с облегчением — наверное, ребенок был где-то в заросшем саду за домом.

Выруливая на шоссе, я увидела аварию ровно на том месте, где надо было поворачивать на поселок. Машины столкнулись не так давно — народ вокруг толпился, но ни скорой, ни дорожной полиции еще не было. И как мы не слышали лязг железа? Ведь дом стоит так близко. Юля, тоже разглядев аварию, закричала:

— Останови! Я врач, возможно, там нужна помощь!

Я послушно притормозила на обочине. Девушка рванула дверцу машины, скомандовав на ходу:

— Аптечку автомобильную, быстро!

В этот момент я поверила, что она хороший врач, не смотря на молодость.

А Юля уже бежала к пострадавшим. Я нашла в багажнике аптечку, к счастью, не просроченную, и побежала за ней.

Зрелище было ужасное. Две груды покореженного металла, под ногами хрустит стеклянная крошка, покрывающая асфальт, точно колкий снег зимой. Знакомые охранники пытались открыть поврежденные двери. Юля, просовывая руки сквозь острые края окон, пыталась нащупать пульс у пассажиров. Вдруг она что есть силы задержала заднюю дверцу одной из машин. Охранники начали помогать. Наконец дверь поддалась и Юля нырнула в салон. Осторожно вытащила обмякшее тельце маленького ребенка. Это была рыжая девочка. Даже в сумерках ее волосы отливали огнем. Я изо всех сил старалась не упасть в обморок. Юля, напряженно закусив губу, осматривала ребенка. Но вот я увидела, как она с изменившимся лицом положила девочку на землю и отошла. Я поняла, что здесь ничего уже было нельзя сделать. Девушка что-то сказала охранникам и пошла смотреть другого пассажира — вероятно, мать погибшей девчушки. Та слабо шевелилась на земле.

Точно в тумане, я наблюдала, как один из парней накрывает ребенка своей курткой. Будто девочку можно еще согреть!

И в этот момент случилось невероятное. Наверное, если бы тогда мои чувства не были обострены до предела, я бы этого никогда не увидела. От заброшенного дома летели две призрачные тени — мужская и женская. Они зависли над тем местом, где лежало тело девочки, протянули руки, и к ним выплыла маленькая тень. Она доверчиво вложила свою прозрачную ладошку в руку женщины, и три призрака удалились обратно к особняку. Повинуясь

какому-то неясному чувству, я побежала следом и остановилась как вкопанная на обочине рядом со своей машиной. Окна дома светились теплым мягким светом.

— Я же говорил вам, что это дом с привидениями. — От неожиданно прозвучавшего голоса я едва не подпрыгнула. Медленно обернулась. Рядом стоял молодой охраннык. Я машинально кивнула. Но он, словно не замечая меня, продолжал: — На этом участке дороги часто бьются. Окна всегда горят, если в аварии погибают дети.

Парень развернулся и пошел обратно. Тишина нарушилась тоскливым воем сирены. К месту трагедии подъехала скорая.

В город Юля не поехала. Сказала, что не может сейчас оставаться одна. Мне тоже было тоскливо, поэтому предложила ей поехать со мной. Я показала Юле гостевую комнату, выдала туалетные принадлежности и ушла к себе. Ночью приснился странный сон.

«Теперь ты понимаешь, почему нельзя никому покупать дом?» — спрашивал меня призрак молодой женщины. «Понимаю...» — отвечала я. «А другие не понимали... Нам приходилось их отпугивать...» — «Понимаю...» — «Только одна женщина поняла, кто мы, и сама отказалась от вмешательства». — «Понимаю...» — «Вот и хорошо, спи...» Призрак исчез. До утра я проспала без сновидений. Встала же я с твердым намерением помочь Юле привести дом в порядок. Но сначала как-то все ей объяснить...

...В доме мягко горели настольные лампы. Десяток детишек разных возрастов сидели в круг на пушистом мягком ковре. Они внимательно смотрели на новенькую девочку с огненно-рыжими волосами.

— Дети, знакомьтесь, это Кристина. Она теперь будет с нами жить, — представила девочку красивая молодая женщина.

Кристина выглядела немного смущенной, но все-таки с любопытством оглядывала незнакомое помещение. Скучный свет ламп не скрывал большие размеры комнаты и красивые обои в паровозиках. На потолке загадочно мерцали нарисованные облака. Закрытые окна отражали их в чистом темном стекле, как будто там, за окном, по вечернему небу тоже плыли облака.

В комнату уверенным шагом вошел спортивный мужчина.

— Вероника, дорогая. Ты уже познакомила Кристину с остальными детьми?

— Конечно, Игорь, — ответила Вероника мужу и обратилась к девочке: — Не стесняйся, Кристина, сейчас вы поиграете немного, и будем укладываться спать. Поздно уже, да и устали мы все, особенно ты.

Она мягко подтолкнула Кристину к детям, а те уже повскакали с ковра, окружили новенькую, что-то загалдели, перебивая друг друга.

Вероника обернулась к мужу.

— Игорь, как ты думаешь, это правильно? Ну, то, что мы с тобой делаем?

Мужчина нежно привлек к себе жену.

— Конечно, ведь мы даем этим детям возможность жить. Пусть и такой жизнью. В этом доме они живы, они играют, учатся. Они живут. Мы живем. Нам даровано такое право в обмен на отнятое счастье. Жаль, что так часто в авариях гибнут дети. Все они достойны жить. Дети ведь не замечают того, что стали призраками.

К ним подбежал мальчик лет трех.

— Мама, папа, Кристина такая холосая, сто я зенюсь на ней, кода выласту!

— Обязательно, Олежек! — засмеялась Вероника...

Старый дом

*Посвящается одному дому
в г. Людиново Калужской губернии*

Ася ехала домой. Гнала машину на максимально допустимой на зимнем шоссе скорости.

«Домой, домой, домой...» — стучало в висках.

«Домой, домой, домой...» — отсчитывали километры колеса.

Ася знала, что как только она окажется в родных стенах, ей станет гораздо легче. Дом примет ее в теплые объятия, утешит, успокоит, придаст сил.

Да, дом всегда был ее местом силы. Не городская квартира, хоть и уютная, но больше подходящая для кратких передышек между рабочими буднями. Не родительская двушка в спальном районе, где давно стало тесно выросшей Асе и ее младшему брату. Старый дом бабушки, где семья проводила каждое лето, вот то место, куда ей хотелось вернуться, когда жизнь преподносила приятные и не очень сюрпризы.

В детстве дом казался им с братом живым существом. Лежа на кроватях в комнатке за печкой, они подолгу слушали, как он кряхтит, расправляя затекшие бревна, скрипит разошшимися половицами и покашливает, пуская дым из печной трубы. В точности как делал их дедушка, пока был жив. Поэтому и дом ассоциировался у детей с дедом. Брат Толик так и говорил всем:

— Наш дедушка не умер, он превратился в домового.

Бабушка только усмехалась, но никогда не спорила. Ася подозревала, что она и сама думает так же. Иначе почему бабушка разговаривает с домом, когда золу из печки убирает или полы моет? А еще Ася сама видела, как ба-

бушка наливает из банки молоко и ставит за печку. Значит, дедушкин дух там и живет!

Поскольку в домовых у них был любимый дед, то дети не боялись ни одни оставаться, если бабушке за пенсией или в магазин нужно было сходить, ни ночью встать водички попить. Чего бояться, если родной дед рядом?

Однажды брата хотели побить соседские мальчишки. Чего уж они не поделили, никто не помнил, но хулиганы подкараулили Толика на улице аккурат перед палисадником. И пока все толкались и хватали друг друга за грудки перед началом драки, старая трухлявая яблоня с шумом упала, проломив забор, прямо на дорогу, чудом не придавив никого из мальчишек, но отстегав их как следует ветками. После этого Толик и начал говорить, что их бабушка домовой. А как еще объяснить, что яблоня так удачно упала?

Ася же рассказывала дому все свои девичьи тайны. Больше всего на свете она любила сидеть на старом, еще прадедушкином верстаке, который стоял в сенях и который бабушка грозилась выкинуть, в очередной раз споткнувшись об него. Но Ася не разрешала. Она забиралась с ногами на верстак и, сидя в темноте, шепотом рассказывала нехитрые горести и радости, что сопровождают девчонку на пути взросления.

Долгой зимой обычно не получалось приехать, но с первыми летними деньками родители все же выбирались из городской суеты, чтобы отвезти детей к бабушке на каникулы. Первым делом Ася бежала в свое тайное место, обнимала верстак, здоровалась и во всех подробностях рассказывала о том, как прошел учебный год, какие оценки она получила, и спрашивала, почему Леха подарил открытку на восьмое марта Ленке Соколовой, а ей не подарил. Ее казалось, что все это она рассказывает очень близкому существу.

В год, когда Ася и Толик стали студентами, бабушка тихо и незаметно ушла. Родители стали поговаривать о продаже дома, но Ася просила их не торопиться и оставить все как есть. Она по-прежнему с удовольствием приезжала сюда на пленэр и просто отдохнуть от всех.

Брату же милее был бешенный ритм города, в деревне ему давно стало скучно. Пару раз, правда, он привозил свои заливчатские студенческие компании на шашлыки, но дом их не принял — каждый раз что-то случалось нехорошее. Один раз особо шумный приятель, все норвивший устроить большой «пионерский» костер из дров, хранившихся в сарае, сильно поранился топором — чуть без пальца не остался. Это, впрочем, никого не удивило, потому что кто с пьяных глаз дрова рубит?

В другой раз дом устроил хоррор для стайки наглых девчонок, которые высмеяли ретронаряды бабушки, хранившиеся много лет в сундуке. Девушки нарядились в длинные юбки и шали, увешались бусами, взяли без спроса фамильную реликвию — черепаховый гребень. Самая бойкая воткнула его себе в прическу. И так они ходили весь вечер, сравнивая себя с изображениями на семейных фото и заливаясь при этом смехом.

Ночью, когда все легли спать, дом «включил режим местности». Хлопал ставнями, раздувал занавески, скрипел половицами. Хотя ни грозы, ни ветра не было. А когда перепуганные студентки разбудили Толика и других парней, то дом как ни в чем не бывало стал снова тихим и уютным. Но стоило успокоенным девицам лечь по кроватям, как дух дома выпустил свое главное оружие — мышей. Визг девиц слышала вся деревня. И напрасно Толик их успокаивал, везти девушек на станцию ему пришлось к первой электричке.

Черепаховый гребень, к слову, девушка вернула позже через Толика. Он так прочно застрял в волосах, что колтун пришлось выстригать в парикмахерской.

Именно в старый дом Ася привезла детей, как только родила двойняшек. И часами сидела на качелях в густой тени яблонь, мерно качая коляску. Дом дарил ощущение покоя, стабильности и уверенности в будущем.

И вот сейчас ее настоящее рушится, а о будущем невозможно даже подумать без боли.

Показался знакомый съезд с шоссе. Еще каких-то двадцать минут проселочной дороги — и Ася сможет выплеснуть всю боль разом. Дома ей обязательно станет легче, она поймет, как жить дальше. Несколько дней передышки ей необходимы. Детей она оставила со своими родителями, за них можно не переживать. Сейчас ей нужно переживать за себя. Утром она узнала, что муж подал на развод.

Раньше Асе казалось, что у них хорошая семья. Дети, квартира, стабильная работа, отпуск пару раз в год. Они много путешествовали, проводили выходные вместе, дети были желанными. Что же пошло не так?

Машина затормозила перед воротами из штaketника. Ася заглушила мотор. Загонять машину во двор не было сил. Их хватило только на то, чтобы доехать. Молодая женщина устало потерла лицо ладонями, откинула с глаз непослушную кудряшку и вылезла из машины. Со стороны казалось, что это согбенная старуха шаркает по расчищенной тропинке от калитки до дома.

Спасибо дяде Мише, который присматривал за домом. Деревня находилась не близко, часа четыре от города, на выходных не наездишься. Дядя Миша когда-то рос вместе с Асиной мамой, даже сидел с ней за одной партией, но та навсегда уехала в город после окончания школы. А дядя Миша остался на родной земле. Помогал понемногу и раньше деду с бабушкой, а сейчас вот ухаживает за домом. Зато к приезду Аси в доме всегда тепло и чисто. Зимой дорожки расчищены, не нужно пробираться по сугробам и дрожать потом от холода, растапливая печь.

Дядя Миша ждал Асю на крыльце.

— Случилось чего, стрекоза? — это был голос ее счастливого детства.

— Все нормально, дядь Миш. Просто захотелось приехать.

— Ну лады. Может, мне показалось, когда ты утром звонила. Пойду я тогда. Воды я тебе натаскал питьевой с родника, вон бутылки стоят. Самовар скоро закипит. Отдыхай.

— Спасибо! Да, устала я чего-то... От мамы привет!

— Эх, она бы лучше сама чаще приезжала, а не приветы слала. — Давняя грусть послышалась Асе в этих словах.

Она подумала, что нужно ободрить старика.

— Летом. Она обязательно приедет летом. Вы же знаете.

Дядя Миша только махнул рукой, спускаясь с крыльца.

— Приедет, конечно, куда она денется? Завтра приду, навещу тебя. Снегопад ночью обещали, нужно будет двор чистить. Спокойной ночи!

— И вам спокойной ночи!

Ася устало поднялась на крыльцо и открыла дверь в сени. Обернувшись, она смотрела, как дядя Миша выходит за калитку и отточенным движением закрывает ее особым образом — так, что внутренний крючок сам ловко попадает в цель. Невольно Ася улыбнулась, глядя на этот нехитрый фокус. И уже окончательно зашла в сени, задвинув за собой засов.

Дом встретил ее привычными звуками: потрескиванием поленьев, тиканьем старинных часов, шуршанием мышей где-то в глубине подпола. Милые, родные звуки. Ася тотчас почувствовала себя маленькой девочкой. Как будто на машине времени перенеслась в счастливое детство. Да оно здесь и было всегда. Ждало ее редких приездов.

Машинально погладила рукой верстак — от отполированного работой дерева исходило тепло, как от руки живого человека.

«Здравствуй, дом!» — мысленно поздоровалась она.

Ася сняла новомодные ботинки и пуховик, положила их на верстак и вошла в кухню.

Сразу отметила, что дядя Миша побелил заново печь. Кухня сразу стала нарядной, а печь, точно пышная невеста, стояла, зардевшись, в ожидании жениха.

«Ну вот, зачем это сравнение со свадьбой!» Ася решительно вымыла руки в старом рукомойнике, сердито гремя железным штоком, вытерла полотенцем и пошла на звук начинавшего шуметь самовара.

«Эх, жалко дедов самовар прохудился!» Прошлым летом Асины родители взамен привезли из Тулы электрический самовар, стилизованный под старинный, но все же вполне современный аналог чайника. Обращаться с ним было, конечно, удобнее, но ничто не заменит Асе воспоминаний о том, как дедушка раздувал самовар своим старым сапогом. А по кухне плыл запах можжевельника.

Ася налила себе чаю в бабушкин сервиз. Снова нахлынули воспоминания. Когда-то эти простые белые чашки с синим узором были парадными. Бабушка доставала их только по большим праздникам, на Пасху или Рождество, не преминув каждый раз отметить, что сервиз — кузнецовский.

Теперь Ася пила из этих чашек каждый раз, гостя в доме, но обращалась всегда очень бережно. А выпив чай, всегда перемывала чашечку, вытирала мягким кухонным полотенцем и убирала в пузатый буфет.

Звонок мобильного раздался неожиданно, и резкая трель казалась неуместной в этом царстве прошлого. Ася вздрогнула и посмотрела на экран. «Муж» — моргала надпись в такт мелодии.

— Алло! — молодая женщина старалась говорить спокойно, хотя ком сжал горло так, что было сложно дышать.

— Привет. Я тут подумал... — Ася напряглась, быть может, он сейчас скажет, что пошутил, не хочет разводиться и все останется как прежде. — Я подумал, что оставлю тебе и детям квартиру, но ты перепишешь на меня дом. Так будет справедливо.

— Но дом не является совместным имуществом, — выдавила из себя Ася. Чуда не случилось.

— Послушай, я не хочу скандалов и не хочу казаться монстром, выгоняя тебя и детей из квартиры. Либо мы делим квартиру пополам, либо ты переписываешь на меня дом. Решай.

В трубке стало тихо. Ася снова взглянула на экран, а там уже вновь светилась заставка. Она, дети и муж. Обнимаются и счастливы. Этому фото всего несколько месяцев.

— Почему? Как так получается, что жизнь меняется в одночасье? — Ася произнесла эти слова вслух, даже не заметив, как поток мыслей начал трансформироваться в речь.

Она говорила очень долго, рассказывая дому всю историю отношений с мужем, что он и раньше в шутку говорил о том, что если Ася станет успешней его, то им не по пути, потому как муж глава семьи, а успешная жена в его теорию семейной жизни не вписывается. Но Ася сама не заметила, как сделала карьеру в фирме, куда устроилась после декрета. И да, она чувствовала себя реализовавшейся женщиной. Ей было приятно, что ее уважают, с ней советуются, она получает достойную зарплату. И даже начала подумывать о том, чтобы создать собственное дело. А муж... Так и остался на том уровне, на котором он пребывал в начале жизни с Асей. Но она его никогда не попрекала этим, потому что, следует отдать должное, в семейный бюджет он вкладывал всю зарплату. Да и сама Ася не делила деньги на «свои» и «его».

А утром он буднично произнес, что подал на развод. Потому что она, Ася, слишком заигралась в бизнес-вумен, он ее предупреждал. На робкий вопрос, изменит ли он решение, если она уволится, он ответил нет. Потому что уже встретил менее амбициозную женщину. И теперь он хочет отнять дом. Ася скорее отдаст квартиру! А сама переедет сюда.

Выговорившись, Ася заплакала. Навзрыд, как маленькая. Но все слезы когда-нибудь заканчиваются. И Ася заснула, свернувшись клубком на кухонной лавке и подоткнув маленькую, вышитую еще бабушкой подушку под голову.

Она видела себя снова девочкой. Бабушка и дед были живы. Они утешали ее за разбитую коленку. Бабушка промывала рану чистой водой и приговаривала, что вода все смоет, раны затянутся и до свадьбы все заживет. А дедушка по обыкновению хмурил брови и сказал, что в их роду есть донские казаки, а они не плачут по ерунде. Подумаешь, коленка! А потом резко спросил, как она упала. И, услышав, что внучка спасалась бегством от мальчишек, которые хотели ее отлупить просто так, и споткнулась о грабли, нахмурился еще сильнее и вышел во двор, сильно хлопнув дверью. Бабушка посмотрела деду вслед, сказала, что сейчас кому-то ох как не поздоровится, и ласково обняла внучку, погладила по голове. Ася под защитой.

Внезапно стало тяжело дышать. Маленькая Ася хотела сказать бабушке, чтобы та так сильно ее не обнимала, но бабушки рядом не было. Никого не было. Ася резко открыла глаза и закашлялась. Все вокруг было в дыму. А со стороны печки, откуда дым валил, густой и черный, видны были всполохи огня. Ася испугалась не на шутку, хотела скорее кинуться к окну, но голова закружилась, она снова закашлялась, хватив новую порцию дыма. Легкие защищало. Ася сползла на пол, здесь было чуть легче дышать,

и, закрыв рот и нос шалью, которой укрывалась, девушка поползла в сторону окна. Хорошо, что стол и лавка стояли недалеко от него. Нужно было только найти в себе силы встать и открыть старую фрамугу. В крайнем случае — разбить стекло. Хорошо, что она еще не поставила новомодные стеклопакеты! В голове мутилось, ноги и руки отказывались слушаться. Ася почувствовала, что теряет сознание. Страшная мысль, что дети останутся сиротами, если она сейчас здесь задохнется и сторит, придала немного сил. Девушка начала на ощупь по стенке подниматься. Дыма прибавилось, но самое ужасное, что Ася слышала треск горящего дерева. И понимала, что кухня и сени уже горят, значит скоро огонь доберется и сюда.

«Там же верстак!» — обожгла мысль. Его было особенно жаль, этого друга детства. Раздался звон бьющегося стекла, и на Асю посыпались осколки. А потом сильные руки выволокли ее через подоконник наружу. Девушка чувствовала, что режется острыми краями оставшегося в раме стекла, но боли не было. Прежде чем потерять сознание, она увидела испуганное лицо дяди Миши.

...Запах нашатыря резко привел Асю в чувство. Замотав головой, она села. Голова предательски закружилась, все поплыло перед глазами.

— Лежите! — чужой голос раздался откуда-то сбоку, и уверенные руки попытались ее уложить.

— Мне нужно выйти! — Ася не узнала и свой голос. Как будто сильно заезженная пластинка проскрипела. — Что с домом? — Язык тоже плохо слушался.

Девушка не могла ничего разглядеть, глаза как будто все еще были заволочены дымом. Голова болела, тело ломало.

— Асенька, доченька, дом сторел... — этот дрожащий голос был ей знаком. Но почему он так дрожит? Что с дядей Мишей?

Ася нашла в себе силы протереть глаза. Неудобно, ладони в бинтах.

— Дядя Миша, ты где?

— Тут я, стрекоза, тучочки, — чужие руки, все еще пытавшиеся уложить девушку, сменились на теплые, знакомые, дяди-Мишины. — Жива, слава богу, живехонька! — судя по голосу, старик плакал.

— Мне нужно в дом! Там... Там верстак! И фотографии! И бабушкин фарфор! — Ася начала вырываться. Постепенно возвращалось зрение.

Девушка огляделась. Она в машине скорой помощи. С одной стороны — фельдшер, смотрит на нее, как на умиленную. С другой — дядя Миша.

— Дядя Миша, вы же понимаете! Мне нужно туда!

Фельдшер открыл дверь скорой. Вместе со стариком они помогли Асе спуститься из машины. Дядя Миша накинул на нее свой тулуп.

Асю шатало. Хорошо, что скорая стояла тут же, у ворот, где она оставила и свою машину. Но самих ворот не было, и в тусклом предзакатном сумраке Ася сразу увидела то, что осталось от дома. На участке рядом с домом стояла машина пожарных, вокруг расхаживали люди в спецодежде — они сматывали пожарные рукава, что-то записывали и буднично переговаривались.

Размазывая слезы, отчего бинты на руках быстро стали мокрыми, с грязными разводами, Ася смотрела на дымившееся еще пепелище. Рядом шморгал носом дядя Миша.

— Нет больше твоего дома, стрекоза. И верстака нет. Ты в обмороке-то пролежала час, считай. Скорая да пожарники долго ехали в наше захолустье. Не спасли дом. Крыша провалилась, и все — считай, спасать уже нечего было. Ты поплачь, поплачь — легче станет.

— Спасибо, дядь Миш, что меня спас. Ты как оказался-то тут? Ночь же была.

— Не знаю, стрекоза. Сердце с вечера беспокойно было. Все вспоминал, какая ты утром пришибленная звонила. Вот и подумал — пойду проведу. Если спишь, то тревожить не буду. Мне-то старику плохо по ночам спится. За несколько домов увидел уже всполохи. Кинулся бежать, молился только, чтобы ты не угорела. Слава богу, услышали мои молитвы, — старик размашисто перекрестился.

Ася молчала. Она поняла, почему сгорел дом. Ведь в глубине души она понимала, что перепишет дом на мужа, чтобы не тревожить детей, не лишать их привычного и уютного мира. Дом живой, он почувствовал Асино настроение и предпочел уйти сам. Так он защитил себя и ее.

Жестом отчаяния девушка провела руками по волосам. В кудрях нащупала свободными от бинтов пальцами что-то твердое. Выдирая волосы, вытащила черепаховый гребень бабушки.

— Как он у меня оказался? — удивилась Ася вслух. Она не помнила, чтобы вынимала гребень из сундука, где он обычно хранился.

— Видно, дом на память тебе оставил. Чудеса случаются.

Ася повертела гребень в руках, принимая решение. Дом она отстроит заново. Чтобы у ее детей тоже было место силы. А муж... С ним будет разбираться по закону.

— Пойдем, дядь Миш. Мне еще жизнь восстанавливать надо. Пока не сгорела дотла.

Всеволод Круж

Окончил МИИТ. Работал по специальности, а также в редакции отраслевого железнодорожного журнала. Автор книг «Как это по-русски» и «Случилось так», печатался в различных сборниках.

Член МСП «Новый Современник». Многолетний руководитель редколлегии литературного портала «Что хочет автор». Директор издательства «Новый современник».

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Слесарь

Главы из фантастической повести

Глава 1

Нет, Леха Петров не был алкоголиком или запойным пьяницей. Случалось, конечно, когда и выпивал крепко, но только «по случаю», никак не по велению измученной души. Сегодня был как раз такой случай, и Леха вышел из супермаркета с соответствующим образом подобранным продуктовым набором. Поллитровочка средней ценовой категории. Слишком дешевой продукции он побаивался, а в исключительные вкусовые качества дорогой не верил. Закусь в нарезке: варено-копченая колбаса, сыр, хлеб. Коробка с квашеной капустой, пакет апельсинового сока, набор одноразовой посуды, пачка салфеток.

Время было не позднее. Выбор для подходящего места отдыха огромен — вот она, вся Москва суетливая перед тобой. Однако Леха категорически не хотел идти домой, а напиваться в кафе или в баре посчитал непозволительной роскошью. И в хорошие-то времена он избегал заведений, а уж сейчас, когда потерял работу...

Нет, вспоминать сегодняшние события не хотелось, мозг отказывался отмагивать время назад. Хотелось успокоиться, снять стресс. Даже просто продышаться свежим воздухом, свернуть со смрадных московских магистралей на обочину. Леха усмехнулся, вспоминая название фантастической повести Стругацких. Да, «пикник на обочине», почему бы и нет?

Ближайшей «обочиной» оказался Филевский парк, не самый благоустроенный, не самый людный из московских. В нем легко затеряться и найти. Затеряться от людей и найти укромный уголок.

Леха спустился с горки к реке, прошелся по берегу в поисках подходящего местечка. Окружившая тишина поглощала секунды, минуты неприятных воспоминаний. Вот с тихим всплеском канул в медленно текущие воды густой горячий кусок разговора с директором. Что за разговор, о чем? Прочь! К черту! Почему же Леха сорвался? Сейчас неважно. Бульк! — камушком в легкую рябь у берега уходит пласт обид. И сразу становится легче. Вот так — разом, будто камушек пнуть ногой, и — целый пласт! И что же такое так просто утопил Леха? Вроде с женщиной связано. Как связалось, так и развязалось. А, ерунда, пустая порода, не жалко.

Леха присел на траву, прикрыл глаза. Но в этой темноте подкатил к горлу ком откуда-то изнутри, стало тяжело дышать. Нет, нельзя вглядываться в себя, вот же, смотри вокруг, какая красота! Лето перевалило за середину. Нормальное лето, не жаркое и не дождливое. И если не смотреть назад, на то, что осталось за спиной, то ведь нормально все: живой, здоровый, вся жизнь впереди... Пока не удалась? Ну и что! Потом удастся. Обязательно удастся. Если не смотреть назад...

Но Леха посмотрел назад. Посмотрел, потому что слышалось какое-то шепуршание, сопение. Сзади, чуть выше по склону горки, возле неприметной будки, вроде трансформаторной, возился мужик в спецовке такого же темно-синего цвета, как у Лехи. Что-то у него не получалось, но что, было скрыто не очень могучей спиной работы. Вот он резко, с криканьем, попытался сдернуть застопорившуюся деталь, но тщетно.

Помочь, что ли, лениво подумал Леха и отвернулся к реке. Не входило это в его планы. Не расслабон выйдет, а, судя по всему, напряг по самое не могу. А этого не хотелось. Ох как не хотелось! Нет, не получится здесь отдохнуть и набраться, никак не получится. Надо менять дислокацию. И Леха, вздохнув, встал с насиженного места,

прихватил пока не распакованный пакет... И направился к тяжело дышащему мужику, присевшему на корточки перед будкой.

Леха был обыкновенным парнем, таким же работягой, как и этот бедолага. Возраст приближался к тридцати, не критический, с какой стороны ни посмотри. Роста среднего, да и внешности тоже весьма средней. Цвет волос? Нет, не черный, скорее шатенистый. Хотя при ярком освещении вообще можно было назвать темно-русый. Усы того же цвета. Подбородок выбрит. Ну, почти всегда. Шея? Нормальная шея, не длинная, не короткая. Да и вообще, таких ребят в каждом дворе — половина.

В личном плане? Можно было бы сказать — отлично, если бы вчера Лехина гражданская жена не собрала манатки и без объяснения причин не свалила из его квартиры. Долго с ней прожили бок о бок, года три. Ни с кем раньше он так надолго не сходил. Причина столь поспешного ухода валялась на дне Москва-реки, будучи успешно исторгнутой из Лехиной памяти минут десять назад. И вспоминать о ней не было ни желания, ни смысла.

Еще один Лехин груз, упокоившийся в водах забвения, это его сегодняшней уход с работы. То ли он сам ушел, то ли его ушли, видимо, останется навсегда тайной, упрятанной в склепе за семью печатями и... в общем, где-то столь далеко, что и сам Леха захочет — не найдет. Однако причину всех бед скрыть никак не удастся: в воду, в огонь, под кузнечный пресс не бросишь. Она кроется... Да не кроется она! Вся снаружи. Это неисправимый Лехин характер. Маниакальная жажда справедливости, помноженная на готовность вывернуть себя наизнанку, чтобы помочь другу. Ну зачем ему, скажите на милость, быть каждой бочке затычкой! Многие его так увещевали. Увещевали, увещевали, да не выувещевали.

Вот зачем он сейчас поднимается по горке навстречу новым приключениям на свою жизнь?

— Привет! Помочь?

Леха вглядывался в механизм, пытаюсь понять, что же там не так. Странная штукавина. Вроде бы детали знакомые: шестеренки, валы, винтики, пружинки и все такое. Ага, вот шаговый двигатель. Вот пневматика. Много всего понатыкано, непонятно только, для чего. Что этот механизм, собственно, делает?

Леха был классным слесарем-наладчиком. Просто так шестой разряд не дают, его заслужить надо. Разные станки он обслуживал: от простых до ЧПУ. И не было ему равных ни в одной из компаний, в которых работал. Понять, как работает механизм, куда что и зачем движется — это Лехе было что два пальца облизывать. И чем сложнее задача, тем больший кайф он получал.

Чуть прищулив глаза, он выстраивал логическую цепочку. В землю уходят металлические валы не меньше чем столетней давности. Водопроводные трубы, которые, видно было, недавно меняли — уж больно сильно металлопластик контрастировал с проржавевшим металлом. Резиновые шланги для подачи сжатого воздуха. А где компрессор? Наверное, вот за этим кожухом. Вот система управления. Вполне современная...

Потихоньку в голове Лехи складывался довольно запутанный пазл. А вот что с ним не так, понятно было сразу и без долгих заумствований. Грязь, залепившая всю конструкцию плотным слоем. В основном она уже была оттерта, рядом с будкой валялась грязная ветошь. Но следы преступной неряшливости полностью скрыть было невозможно.

— Что же ты так запустил свой агрегат? — укоризненно произнес Леха.

Нерадивым его собеседника назвать было нельзя. Аккуратный, чисто выбритый, все инструменты разложены по порядку. По всему было видно, что горит мужик на ра-

боте. Да только лицо его выражало полное недоумение, а поза, в которой он сидел, — усталость и бессилие.

— У нас в журнале записано, что неделю назад профилактику делали. Ума не приложу, откуда столько грязи. И вот, видишь, каретка по валу не ходит, застопорилась напрочь. А из-за нее защита срабатывает.

Леха присел рядом на корточки.

— Вижу. Только ты зря маслом вал смазываешь. Еще больше грязь налипнет. Спирт есть?

Леха тщательно оттирал вал смоченной спиртом тряпкой. Вот только под самой кареткой грязь было не отмыть.

— Ну-ка, дай фомку. Отверткой да ключом ты эту хрень не сдвинешь.

Его неожиданный напарник не на шутку переполошился.

— Да ты что, сдурел?! Загубим механизм.

— Не дрейфы! Все можно починить, — успокаивал его Леха. — Поищи чурбачок небольшой, проложим вот здесь, чтобы не повредить.

Он уже нашел место, куда можно упереть фомку, чтобы создать рычаг. Уперся ногой, примерился. Сначала осторожными движениями, потом с усилием попытался сдвинуть застрявшую деталь.

— Ты там поосторожнее, — услышал совет.

Да уж, подумал Леха, сейчас бы сюда лом дворницкий, да с какой-то матерью... Но нет, это только эмоции, мешающие работе, а Леха умел их подавлять. Еще чуть посильнее. Так, чуть поправить фомку, надо, чтобы усилие было строго под прямым углом. На лбу выступила испарина, азарт сродни рыбацкому захватил Леху. Еще чуть посильнее.

— Подбей молоточком вот сюда.

— Молотком?!

— Через деревяшку. Давай, давай. А потом я еще раз дерну. Должно пойти.

Минут десять они копошились, делая паузы на короткое время, чтобы восстановить дыхание. И вот наконец каретка сдвинулась с мертвой точки.

— Все, дальше должно пойти. Подбивай туда-сюда и протирай спиртом освободившиеся части. Лом тебе в руки! — пошутил Леха напоследок и обессиленно отвалился на пригорок.

Закурил, облокотился на локоть, наблюдая, как в опытных руках медленно, но верно оживает сложный и непонятный механизм. Что же он все-таки делает? Не самая важная мысль, скорее вызванная любопытством, а не производственной необходимостью. Разумной и стройной теории на этот счет у Лехи не было.

Каретка задвигалась свободно. Но двигатель все равно не запустился. Леха откинул окурочек и решительно отправился на помощь.

— Предохранитель проверил?.. А на что еще защита может срабатывать?.. Движок-то не курочь, начни с простого...

Еще примерно с полчаса они возились с наладкой и настройкой. И в какой-то, определенно счастливый, момент после включения кнопки запуска заурчал двигатель, засопел компрессор. Лехин новый знакомый понаблюдал еще какое-то время за работой агрегата. Одобрительно крикнул.

— Нормально!

Потом нашел в инструментах проволоку, согнутую крючком, вставил в замочную скважину дверцы будки. Замок щелкнул, закрываясь.

— О, отмычка! — заметил Леха.

— Не отмычка, а универсальный ключ, — поправил мужик преподавательским тоном, аккуратно сложил инструмент, улыбнулся, протер ветошью руку, протянул ее для знакомства. — Меня Лешей зовут. А тебя?

— Тезками будем. Давай тогда по отчеству друг друга звать. Я Михальч, — Леха пожал протянутую руку.

— По отчеству не получится. Я тоже Михалыч. Ох, хоть и не люблю по фамилии обращаться, но деваться некуда. Петров.

Леха рухнул на траву, не сдерживая смех.

— Во попали! Я ведь тоже Петров! Первый раз встречаю такого абсолютного тезку. Ну, давай, обмоем знакомство и удачный ремонт.

Леха вытащил из пакета бутылку и провиант.

— Давай-ка сюда свой чемодан, — указал рукой на кейс с инструментами. — Сейчас мы его скатертью накроем, — положил сверху фирменный пакет из супермаркета, разложил закуску, приговаривая: — Нет, я все понимаю, не уникальные у нас с тобой имя и фамилия, но чтобы вот так совпало! И делом одним занимаемся.

Его тезка посерьезнел, напрягся.

— Ты ведь не наш, да?

— Наш, не наш. Ты что имеешь в виду? — Леха тоже немного напрягся, но виду не подал.

Когда люди начинают разделяться по принципу свой-чужой, хорошего ждать не приходится. Но так уж устроен мир, что такое встречается сплошь и рядом.

— Я думал, ты из нашей компании. И спецовка у тебя похожая. Странно только было, я ведь помощь не вызывал.

— Не, я сейчас вообще без компании. Уволился и пока без работы. Да ты налегай. И как называется твоя фирма?

Леша не торопился с ответом, взвешивая, можно ли довериться. Сидевший перед ним парень казался добродушным, веселым, с таким хорошо дружить. Но строгие сотрудники из первого отдела настоятельно рекомендовали быть осторожным, предупреждали о бдительности.

— Управляющая компания «Мироздание» называется, — Леша подбирал слова, чтобы не сказать чего лишнего.

— О, серьезное название, обязывает, — Леха покусился на бутерброд с колбасой, знатный такой бутерброд,

и крепко так покусился. — Так прямо следите, чтобы не обрушилось здание всего мира? — Леха ерничал, шутил, но что-то ему подсказывало, что надо быть настороже. — Давай уж начнем по чуть-чуть, — разлил из бутылки по трети стаканчика.

— Нет, мне нельзя, — Леша отодвинул стакан, бутерброд взял.

— Защитый, что ли?

— Типа того, — неопределенно ответил, но внутренне немного расслабился, уж больно располагающей была улыбка у его нового приятеля.

Приятель. Да, наверное, самое подходящее слово, когда с человеком приятно общаться. Поговорить о том о сем не напрягаясь, не ожидая подвохов. Леха рассказывал о своей работе, и о последней, и о тех, где трудился раньше. О своей нелюбви к ворунам и несунам, о том, что надоело, когда начальство вину за свои ошибки сваливает на подчиненных. Вроде и о плохом говорил Леха, а злости в нем не было. Была уверенность, что да, так хреново устроен у нас мир, но все обязательно изменится, и каждому воздастся свое, то, чего он заслуживает. Все-таки он наш человек, решился наконец Леша.

— А ты переходи к нам. У нас, правда, организация строгая, режимная. Но платят хорошо, соцпакета такого нигде не найдешь, правда. А я рекомендацию дам, без нее в отделе кадров и слушать тебя никто не станет.

Леша не сильно рисковал, предлагая дать рекомендацию. Хорошие специалисты были нужны, об этом была рассылка всем сотрудникам после совещания у директора. Пусть придет на собеседование, а уж в отделе кадров специально обученные люди решат, стоит ли его брать на работу.

— Знаешь, где у нас контора? Торговый центр «Юпитер». Если обойти его, есть зона, где товары разгружают. И вот там неприметная дверь с синей вывеской. Первый раз

не сразу найдешь. Давай свой номер телефона, я его забью в контакты, рекомендацию напишу, а ты потом сообщение получишь.

Леша достал смартфон, приготовился записывать, но вдруг мотнул головой и стал заваливаться на бок.

— Ты чего? — с удивлением произнес Леха.

Запоздалый возглас. Он уже все понял до того, как спросил.

Этот случай произошел, когда он служил в армии. Как-то раз в учебке он стоял в оцеплении, гонял с другими срочниками жен офицеров из леса за стрельбищем. Те не слушались, собирали чернику, попробуй им что скажи. Считалось, что это место повышенной опасности, мало ли какая пуля срикошетит. Хотя за таким земляным валом это виделось маловероятным. И все же где-то высоко над головой иногда посвистывало.

Леха тогда, время от времени покрикивая на нарушительниц порядка, тоже нет-нет да и наклонялся к кустику, набирал горстку и отправлял в рот. Горсткой было вкуснее, чем по одной. А тут и куст попался с такими большими ягодами, что оторваться было невозможно.

Однако Леха неожиданно для самого себя без видимых причин встал и сделал шаг в сторону. И не зря. Он услышал противный свист не где-то высоко, а совсем рядом. И тут же на том месте, где он сидел, вздыбился фонтанчик песка. Леха выковырял из песка пулю, она была обжигающей, не взять в руки. Подождал, пока остынет. Потом долго носил в кармане как талисман. Или как память о том, что жизнь — хрупкая, в сущности, штука.

Он узнал этот свист, и инстинкт самосохранения отбросил его в сторону, за куст с густой зеленью, откуда, по прикидкам, стреляющему его не разглядеть. И еще один

Лехин инстинкт, тот, что друга всегда надо выручать, заставил его сделать кульбит за куст не налегке, а с дополнительным грузом в виде тела друга и его чемоданчика в качестве прицепа. Так уж получилось. Свистнуло еще раз, еще. Надо было уходить, и как можно быстрее. Стрелок мог спуститься, чтобы проверить результат своей работы и, если надо, завершить ее.

Быстрого осмотра Лешиного тела было достаточно. Пуля угодила в висок, немного под углом, шансов выжить не было. Еще одно отверстие в спине, но получил он его, видимо, уже когда Леха откатывался за куст. Выходит, спас он Леху, прикрыл собой.

Чуть ниже по склону был виден колодец без чугунной крышки. Кому взбрело в голову в таком месте прокладывать городские коммуникации? Но такой расклад был как нельзя кстати. И спасибо расхитителям металлолома за их самоотверженный труд! Леха быстро прикинул, что под прикрытием зелени можно пробраться туда незамеченным, как говорится, на автомате сунул в карман Лешин смартфон, подхватил кейс с инструментами и ползком добрался до колодца, спустился по сваренной из арматуры лестнице вниз. Включил фонарик на смартфоне, побежал было в одну сторону, во что-то вляпался, чертыхнулся, развернулся, зашлепал обратно по грязному ручейку и, пройдя несколько десятков метров, обнаружил нишу в тоннеле и там спрятался. Сердце бешено колотилось, но разум работал без паники. Надо переждать, посмотреть, что будет дальше.

Смартфон в руке оказался Лешиным. И он так и не отключился. Леха залез в настройки, поменял код доступа — гаджет еще мог понадобиться. Открыл кейс, достал фомку — пригодится, если надо будет отбиваться.

Раздались голоса, усиленные эхом колодца.

— Как думаешь, он мог сюда спуститься?

— Мог, отчего ж нет.

— Лезем!

— Да на хрен он нам сдался! Кого надо замочили, а этот надерется со страху и все забудет.

— Свидетеля надо тоже убрать...

Сколько их, было непонятно, вступать в схватку с наемными убийцами было глупо, и Леха крепче вжался в стенку и затих.

Послышался звук шагов по железной лестнице. Еще. Двое. По стенкам пробежали лучи фонарей.

— Вот его следы, он туда пошел.

Было слышно, что они перешли на бег. Но на Лехино счастье побежали не в ту сторону. Дождавшись, пока шаги стихнут, Леха выбрался из укрытия. Двинулся к лестнице, но замер, услышав, как сверху свалился камушек. Значит, наверху еще кто-то есть, туда нельзя. Не включая фонарика, держась за стенку, осторожно двинулся по единственному свободному пути, стараясь не создавать шума. Вот поворот, еще один. Под руку попала дверьная ручка. Леха дернул ее, но дверь не открылась. Вспомнил, что в чемоданчике с инструментами бала отмычка, достал ее. Подсветив фонариком, просунул закорючку в замочную скважину. Долго пыхтеть не пришлось, замок щелкнул, и Леха проскользнул внутрь.

Управляться с отмычками его научил бывший медвежатник, слесарь управляющей компании, чьи криминальные навыки оказывались полезными, когда жильцы по неосторожности захлопывали дверь и не могли попасть домой.

Леха закрыл дверь на замок изнутри, прошелся фонариком по краям двери, нет ли щелей, через которые свет мог проникнуть наружу, и только после этого осветил комнату, чтобы понять, куда же он попал.

Из соображений безопасности какое-то время Лехе придется провести здесь, поэтому основное его внимание

было обращено на устройство быта: что из имеющегося можно приспособить под предметы мебели. Ну да, мусора на полу было, конечно, много. Но в углу обнаружилась щетка на длинной палке и погнувшийся совок. Уже хорошо. Куча коробок и ящиков. А вот это вообще замечательно! Из них можно соорудить стол, табуретку, кровать. Куски арматуры, электроды для сварки, ржавый крепеж, железяки непонятного назначения. Мусора было много, Леха сгреб его в сторону к большому неподъемному ящичку у стены, доверху наполненному разными железками.

Ходить и что-то делать с фонариком в руке было неудобно, да и не хотелось, чтобы смартфон разрядился. Леха порылся в чемоданчике с инструментами и нашел налобный фонарь. Стало намного удобнее. Дальше пошло веселее. Изобразив из коробок оригами, Леха сотворил более-менее крепкую мебель. Ящички тоже пошли в дело. Неизвестно, сколько он здесь пробудет и когда еще понадобится это убежище.

Плохо, что не было продуктов и воды. Не до них было, когда от пуля уворачивался. Так ведь увернулся, усмехнулся Леха, не берет меня пули. Однако дело было плохо — война какая-то. Стоит ли в нее ввязываться? Пока данных для скрупулезного анализа не было. И было время подумать. Уж до утра точно не стоило выбираться из убежища.

Леха еще раз осмотрел набор инструментов, поцокал языком. Хорошие инструменты, много на что сгодятся. Занялся изучением нового гаджета. Удивительно, что он оказался той же марки, что и его собственный. Ничего необычного, нормальный смартфон одной из не так давно ставшей известной китайской фирмы. Не в Лехиных привычках было прикарманивать чужие вещи. Всегда старался найти растеряху. Но тут случай был экстраординарный — владелец буквально на глазах убит, и надо обязательно разобраться в причинах и последствиях. Ну никак не мог он

отмахнуться, не было бы потом спокойной жизни... Хм, а сейчас — будет спокойная?

В общем, выбор был из двух вариантов: или очень плохой, или еще хуже. Впрочем, Леха об этом даже не задумывался — просто поступил так, как он всегда делал, по велению сердца, души, нутра — называйте как хотите. Шагнул, беспечно улыбаясь, вперед: в пропасть, в бой, в разгул неведомых стихий. Ничего, прорвемся!

В смартфоне было установлено банковское приложение, но зайти в него не получилось — кода Леха не знал. Да и приложение управляющей компании не открывалось. Он повертел в руках бесполезный гаджет, из которого не удалось выудить никакой информации. Вот и чехол такой же, только немного другого цвета. Подумал с иронией — вот ведь люди, никакой фантазии, мало того, что имена дают своим детям одинаковые, так еще и покупают одни и те же вещи.

Леха начал собирать в кучку имеющиеся факты, что оказалось не трудно. Что имелось? Некая управляющая компания обслуживает какие-то механизмы, которые кто-то намеренно портит, а за сотрудниками устраивает нешуточную охоту с применением огнестрельного оружия. Это если сказать одним предложением. А что с подробностями?

Что за компания? Что делают механизмы? Непарламентски выражаясь, хрен его знает. Пока Лехе было совершенно непонятно. И все же, если делать выбор «свои-чужие», он склонялся на сторону этой компании, уж больно не нравились средства у противников: то ли криминальные, то ли... Тут Леха призадумался. Звук выстрела он не слышал, значит оружие было с глушителем. Уж точно, просто вандалы так поступать не будут. Террористы? В любом случае, люди подготовленные, надо быть предельно осторожным.

Этот странный агрегат непонятого назначения испорчен намеренно, просто так столько грязи через кожух

залететь не могло. Чем-то специально ковырялись, чтобы нанести как можно больше вреда.

Дальше мысль застопорилась, и Леха предпочел отложить ее до завтра, а сам, более-менее удобно устроившись на импровизированной кровати, заснул чутким сном.

Лехе приснилось, что он пришел домой. Это была незнакомая квартира, однако он знал, что его. Просто знал. Все в пыли. Обстановка запущена: выдавшие виды стол, стул, кровать, и больше ничего. Совсем ничего. Ни шкафа, ни постельного белья, вообще больше никаких вещей. Только пыль — слезавшаяся под ногами и висящая в воздухе полупрозрачным туманом.

Надо запомнить, что у меня есть такой запасной аэродром, подумал Леха. Как же я мог про него забыть! Он вышел на лестничную площадку и захлопнул дверь. Полутемный подъезд с потрескавшейся штукатуркой на стенах, битая плитка под ногами. Он спустился по лестнице на улицу. Осмотрел дом снаружи — старая кирпичная пятиэтажка, в которой давно не делался капремонт. Прикинул, куда выходит окно его квартиры. Мимо прошла пьяная компания незнакомых мужиков, и он благоразумно решил свалить.

Леха проснулся от того, что свалился. Ящики и коробки, служившие ему кроватью, разъехались, когда он переворачивался на другой бок. Он не грохнулся, а довольно мягко сполз на пол. Вокруг темень непроглядная, и Леха не сразу сообразил, где находится. Нашарил фонарик, включил его. Сколько он спал? Уже наступило утро или еще ночь? Летом светает рано. Хорошо бы до рассвета выбраться наружу, не век же здесь сидеть.

Посмотрел на часы, прикинул, что, если быстро собраться... А чего собираться-то? Спал он одетым, только

ботинки скинул. Из вещей — чемоданчик с инструментами. Обулся, подошел к двери, приложил ухо, стараясь уловить звуки снаружи. Вроде тихо. Открыл замок отмычкой, сунул ее в карман — хороший инструмент, пусть на всякий случай под рукой будет. Держа в одной руке чемоданчик, в другой — кусок арматуры, занесенный для удара, резко толкнул бедром дверь, отскочил в сторону, быстро огляделся. Никого.

Вздыхнул облегченно. Но не стал выходить через тот колодец, в который залезал. Увидел, что начало светать. Тут уж — береженого бог бережет. В конце концов, какая разница, где выходить наружу? Бродил по подземным тоннелям долго, без всякой системы, полагаясь на интуицию. Наконец выбрал колодец, поднялся по железной лестнице наверх, сдвинул немного крышку люка, осматриваясь. Обстановка показалась подходящей: пустой двор среди панельных пятиэтажек, окна ближайшего дома скрыты густым кустарником.

Леха полностью сдвинул крышку люка, присел на край колодца, еще раз огляделся, уже внимательнее, но при этом стараясь сделать это как можно более естественно: вот работяга сделал свое дело, сидит, отдыхает, покуривает. Его грязная спецовка не должна привлекать внимания. На фоне открытого колодца он смотрелся очень даже органично. Да, пожалуй, кепку надо пониже на глаза надвинуть.

Опасностей не предвиделось, и Леха, все же не теряя бдительности, деловито направился по улочкам в сторону дома. И если вчера он тоскливо думал, что дом без женщины неуютен и скучен, то сегодня, напротив, ему хотелось полного и безоговорочного одиночества: никаких женщин, никаких друзей и тем более недругов.

Глава 2

О, здравствуй, дом! Мог ли Леха когда-нибудь подумать, с каким чувством радости и теплоты он будет переступать порог убогой в общем-то однушки в рабочем районе мегаполиса. Но эта однушка сейчас была для него самой настоящей крепостью. Так, закрываем нижний замок, верхний, обязательно щеколду. Теперь можно спокойно вздохнуть, помыться, заварить кофейку.

Леха разделся, прошел в ванную. Механические, годами запрограммированные действия оставляли простор для размышлений. Что же делать дальше? Вычеркнуть события последнего дня из памяти, устроиться на новую работу? Хорошие слесари везде нужны. Но что же это, черт возьми, за «Мироздание» такое, за которое убивают и в котором платят хорошую зарплату? Интересно, какую? Мысли крутились интенсивно, но без всякой пользы. Как белка в колесе.

Леха чуть не поперхнулся глотком кофе, когда услышал незнакомый рингтон. Дернулся к вибрирующему Лешину смартфону, лежащему на столике в прихожке.

«Срочный вызов. Горбунова, 12. Отказ оборудования» — гласило появившееся на экране сообщение.

Знаю, это здесь недалеко, около кольцевой, подумал Леха, надо идти.

А другая мысль его остановила: это тому Леше Петрову надо, а мне-то зачем?

И снова первый внутренний голос пафосно произнес: а может, родина в опасности, надо ее спасти!

На что критически настроенный другой внутренний голос насмешливо возразил: ну, конечно, «крепкий орешек» нашелся, сиди дома да помалкивай о том, что видел.

А первый не уступал: и я так и не узнаю, что это за «Мироздание» и как оно работает?

Пререкания еще на закончились, когда Леха в распахнутой спецовке с заветным чемоданчиком в руке рысцой направлялся к автобусной остановке.

Благоразумие и любопытство качались на чашах весов, пока разум пытался определиться, что же из них перевешивает. Но когда это Леха Петров прислушивался к голосу разума?!

Горбунова, 12. Да там этих корпусов и строений десятка два-три, не меньше, чертыхался Леха. Где мне искать этот объект? С другой стороны, он никому ничем не обязан, он же самозванец, лже-Петров... И все же он явился сюда, явился на срочный вызов...

Опять эти вечные сомнения! Неуслышанный голос разума снова и снова раскачивал чаши весов, на которых, свесив ножки, развалились два внутренних Лехиных голоса и вели оживленный светский спор. И это было больше похоже на игру, чем на титанические умственные усилия в поисках выхода из очень непростой и опасной заварушки.

Леха шел неторопливой походкой, оглядывая окрестности, и анализировал, что же может быть тем сломанным объектом. Небольшой сквер с редкими деревьями и кустами. Нет, не видно там ничего примечательного. Спортивная площадка. Маловероятно, что секретный механизм располагается в столь открытом месте. Заборы промзоны. Да, уже ближе к цели. В промзоне любой механизм замаскировать несложно.

Леха не забывал посматривать по сторонам, непринужденно оглядываться. А вдруг и здесь засада? Та же схема — диверсия и устранение ремонтника — может повториться.

Перекресток. Куда идти? Налево? Направо? Прямо? Леха пошел налево. Дорога упиралась в шлагбаум, у которого стояли двое охранников. Нет, вряд ли объект будет находиться внутри охраняемой территории. Охранники прекратили разговор и уставились на него. Леха не стал

сближаться, сделал вид, что говорит по телефону, развернулся и пошел обратно.

На перекрестке выбрал другую дорогу, которая через пару сотен метров сделала дугу, завернула за угол бетонного забора и уперлась в ржавые закрытые ворота. С правой стороны у забора был врыт неприметный ящик, достаточно крупный, чтобы быть вместительным секретного объекта. И место скрыто от досужих глаз. От досужих — да, а вот от заинтересованных...

Леха оглянулся. Никого. Пока никого. Быстро вытащил из кармана отмычку, открыл ящик. Да, так и есть, это то, что он искал — непонятный механизм, уходящий коммуникациями в землю. И так же изрядно поломан. В этот раз вандалы не церемонились, используя тяжелый инструмент: то ли лом, то ли кувалду, то ли и то и другое вместе. Леха сфоткал повреждения на смартфон с разных ракурсов, понимая, что времени мало и нужно потом в спокойной обстановке разобраться и подобрать подходящие запчасти. Быстро закрыл замок, сунул отмычку в карман, подхватил чемоданчик и двинулся неспешной дорогой обратно.

Он не успел завернуть за угол к перекрестку. Навстречу шли двое в форме охранников, которых он видел у шлагбаума.

— Заблудился, что ли? — недобро спросил один из них, тот, что повыше. А второй скрестил руки на животе, причем правая рука скользнула за борт кителя.

Леха напрягся, но старался не подать виду.

— Да вот мне дали адрес: Горбунова, 12. А корпус не сказали какой. Пойду обратно в диспетчерскую, уточню.

Охранники внимательно смотрели на него, будто проверяя, не врёт ли. Леха улыбнулся в ответ. Он и в самом деле не врал. Так и было: пришла заявка с адресом. Видимо, тот, кому она предназначалась, знал куда идти без всяких уточнений.

— Ну-ну. А мы тут думаем, уж не диверсант ли какой. А ну-ка, покажи, что в кейсе?

Отпираться было бессмысленно, да и ничего особенного там вроде бы не было. Леха положил чемоданчик на бордюр, открыл, отошел на шаг в сторону. Высокий охранник порылся в инструментах, заглянул во все отделения.

— Покажи смартфон!

Леха протянул, набрал пин-код. Что там искали, Леха уже догадался. Только нужные фотки были на Лешином смартфоне, а его собственный гаджет был чист от каких бы то ни было секретных материалов.

— Ладно, проходи, — отпустили его охранники.

Не охранники, конечно. Леха это давно понял. Явно они охотились за сотрудниками, как бишь она называется, управляющей компании «Мироздание». Ему бы отступить, но куда там! Леха, что называется, завелся. Теперь он уже просто обязан разобраться, что же такое происходит прямо у него на глазах. И обязательно починить поломанное.

Дома Леха наскоро перекусил, попутно отметив, что провизия в холодильнике заканчивается. Что-то около тысячи у него оставалось на карточке. Маловато, надо бы снять деньги с вклада, который он завел на черный день, но сейчас было не до этого.

Леха рассматривал фотки поломанного механизма, делая пометки на листе бумаги. Что-то из запчастей можно найти дома, что-то попросить у знакомых ребят, коих было немало.

— Здорово, Колян! — позвонил одному из своих друзей, кладовщику. — Я сейчас работаю на одну фирму, аварию нужно срочно устранить, а у них нужных деталей нет. Я тебе список пришлю, на складе должны быть, я помню... Я понимаю, но ты уж проведи как-нибудь. Когда к ним придет, я тебе верну... Когда, точно не скажу... Ты меня

знаешь, не подведу... О, спасибо, братан! С меня пузырь!.. Да, перезвони, я жду.

Леха сделал еще несколько звонков. А вот удастся ли ему выполнить обещание и вернуть то, что просит? Это был вопрос второстепенный, над которым и задумываться не стоило. Была у Лехи уверенность, уж неизвестно, на чем основанная, что возместит ему все затраты компания, на которую он сейчас работал. Работал без контракта, без зарплаты, даже без гарантии остаться живым.

За ремонт он решил взяться ночью, посчитав, что в темноте прокрасться на место незамеченным было больше шансов.

Не теряя времени даром, Леха отправился в ближайший супермаркет. Набрал тележку продуктов, попутно прокручивая в голове сценарий ночной вылазки. На кассе приложил смартфон к платежному терминалу, дождался сообщения «Успешно», и только потом сообразил, что что-то не так.

— Девушка, а на какую сумму не нужно вводить пин-код? — обратился к кассирше. — Вроде до тысячи рублей было, а у меня явно больше.

— Да, у нас теперь до пяти тысяч.

Подошел новый покупатель, и дальше расспрашивать было неудобно, да и ни к чему. Леха посмотрел чек. Четыре шестьсот с копейками. Таких денег на карточке не было, он знал точно. Смартфон! Чей смартфон он прикладывал? Полез в карман. Так и есть — Лешин. Снял чехол и обнаружил под ним банковскую карту. Точно так же, как и делал он сам. Ну никакой фантазии у людей, опять подумал Леха, но не с сожалением, а с благодарной улыбкой.

Жить полегчало. Зарплату Леша расхваливал, так что с голоду помереть не удастся. Конечно, не зная пин-кода, телевизор по карте не приобретешь, но то, что в установленных магазином пределах, вполне доступно.

Отзвонился один знакомый, другой. Быстро закинув домой продукты, Леха отправился собирать по сусекам

нужные запчасти. После этого прилег вздремнуть перед, скажем так, ночной сменой.

Леха оделся во все черное: джинсы, ветровку, кепку. Проверил, чтобы нигде не было светоотражающих полосок. Через плечо закинул спортивную сумку с необходимыми инструментами и запчастями. Не нужно, чтобы он был похож на ремонтника. На одном из последних автобусов доехал до места. Посидел на лавочке на остановке, покурил. Удостоверился, что ничего и никого представляющего опасность в обозримом пространстве нет, и только после этого направился к объекту.

На перекрестке притормозил, осторожно выглянул из-за забора — нет ли у шлагбаума охранников. Дорога, исправно освещаемая фонарями, с их места просматривалась идеально. Никаких кустов, за которыми можно спрятаться, близко не было. Единственное спасение — тень около забора, но до этой тени нужно еще сделать марш-бросок через перекресток.

Леха не торопился, выжидал. Вот появился силуэт у шлагбаума. Видимо, охранник осматривал дорогу, потом он опять скрылся в будке. Леха быстро и по возможности бесшумно перебежал к забору в спасительную тень. Затих, присев на корточки. Мелкими перебежками добрался до поворота. Остался еще один рывок. И тут он с ужасом увидел спину склонившегося над ящиком второго охранника.

Чахлый кустик у сходящихся под прямым углом двух заборов был единственным пристанищем, и Леха рванул туда, сел на колени, склонил голову, прикрылся распахнутой черной ветровкой, вжался в забор, тень от которого самым краешком своим все же прикрывала его.

Страх был, а как же иначе. Страх, но не паника. Он не проронил ни единого звука, сам превратившись в слух. Легкое шуршание шагов по асфальту. Остановка. Леха поборол в себе желание подсмотреть, делать этого было

нельзя. Он представил себя большим валуном на берегу моря. Плещет прибой. Вот кто-то прошел мимо, шурша галькой. Какое валуну до него дело? Шаги удаляются. Какое дело человеку до валуна? Ушел? Вот и хорошо. Хорошо, что не присел на меня, вяло подумал Леха-валун.

Стараясь не шуметь, Леха делал свою работу. Работу, которую знал и любил. И все эти винтики-шпунтики, аппараты-агрегаты отвечали ему взаимностью. Заменить детальку-другую, что-то подправить-подрихтовать, напоить маслицем, потереть бочок тряпочкой. И загудит-зурчит благодарный механизм... Нет-нет, гудеть, урчать, а тем более скрипеть ни в коем случае нельзя. Этот малыш в неприметном сером ящике должен работать абсолютно бесшумно. Вот так. Да, теперь хорошо.

Леха вытер ветошью руки, запер отмычкой дверцу. Снаружи ящик выглядел весьма непрезентабельно, с явными следами вандализма на стенках и крышке. Но внутри... Внутри он был как новенький, уж Леха постарался.

На обратном пути, непростом, но уже изведенном, трудностей не возникло. В мусорный контейнер, не самый ближайший, отправились улики: поломанные детали, грязная ветошь.

Дома Леха принял ванну, добрел до кровати и провалялся в долгий блаженный сон.

На следующий день вместо обычной заявки в смартфон всплыло сообщение: «Вам следует явиться в офис для получения новых инструкций».

Леха догадывался, что работа для слесарей стала опасной только в последнее время, иначе к каждому приставили бы наряд с автоматами или что-то в этом роде. Понятно, что в изменившихся условиях надо менять и порядок работы. Может, выдать средства защиты типа бронежилетов.

Однако, если отправиться в офис, тут же обнаружится, что он не тот, за кого себя выдает...

Ну да, зато выполнял же работу «за того парня», и неплохо выполнял...

Ага, а тело товарища не вынес с поля боя, не предал земле, как полагается. Да еще инструменты и смартфон прикарманил...

Но ведь Леша хотел дать рекомендацию и, сто пудов, Леха был бы принят в компанию...

Голос разума без особой надежды постучался в Лехину черепную коробку. Алё, шеф, притормози, дай взвесить все «за» и «против»! Да как его притормозишь!

Торговый центр «Юпитер», с задней стороны терминалы для приема товаров, где же та синяя табличка? Отыскать ее было нелегко, если не знать, что ищешь.

— Мне пришло сообщение, что надо прийти сюда за новыми инструкциями, — Леха, сбривший усы, чтобы больше походить на своего тезку, на этот раз налегке, без чемоданчика, протянул сурово вставшему с места вахтеру смартфон с сообщением.

Глава 3

— Роман Яковлевич, неизвестный, — обратил внимание шефа подтянутый сотрудник режимно-секретного, или, как его неофициально называли, первого отдела.

Ивану Андреевичу Голеву было немного за тридцать, чуть выше среднего роста, гладко выбрит. Военная выправка, идеально сидящий, без единой складки черный костюм, строгий галстук — не копировали стереотип из голливудских фильмов, а именно так он себя ощущал: ценный сотрудник серьезной компании, выполняющий дела даже не государственной — всемирной важности. За плечами у Ивана была работа в спецслужбах, опыт боевых действий в горячих точках. Его исполнительность, дисципли-

плинированность и находчивость в сочетании с высоким профессионализмом ценились начальством, и он был незаменим в чрезвычайных ситуациях, одна из которых обрушилась на компанию «Мироздание» в последние дни.

Иван показывал пальцем на один из мониторов — к входным дверям подходил среднего роста парень в спецовке синего цвета. Вместо фамилии в титрах значилось «Неизвестный».

На центральном месте за пультом сидел Роман Яковлевич Сосновский, начальник первого отдела. Он был постарше. Седеющие коротко стриженные волосы, тоже черный костюм, но, в отличие от Ивана, незастегнутый, галстук ослаблен. Несколько замедленные движения, припухшие веки и круги под глазами выдавали усталость и хронический недосып.

— Вижу, — Роман Яковлевич вглядывался в неприметные черты лица вошедшего.

Переключил внимание на другой монитор, где было видно, как визитер вошел в фойе, остановился у охранника. Тот вскочил с места. Ну конечно, у него на пульте загорелась красная кнопка «Неизвестный». Но при этом у этого неизвестного был служебный смартфон с рассылаемым сотрудниками сообщениями.

Сосновский мгновенно принял решение. Этот странно тип не должен заподозрить ничего необычного, а уж его отдел быстренько разберется, что к чему.

— Попросите у него паспорт, — скомандовал он в микрофон. — Так. Поднесите его к веб-камере, запишите данные в журнал. Направьте в третью переговорную.

Вахтер последовательно и невозмутимо выполнил команды, прозвучавшие в наушнике. Попросил пройти через рамку металлодетектора, предварительно вынув из кармана ключи и смартфон. Детектор подозрительно пискнул.

— Ах да, еще вот это, — Петров с извиняющейся улыбкой выложил на столик забытую в кармане отмычку.

Сосновский хмыкнул.

— У него еще и универсальный ключ, за которым так гоняются дестроеры. Вроде как наш сотрудник, но почему не чипированный?

Голев вывел на экран скан паспорта.

— Петров Алексей Михайлович, — быстро проверил по корпоративной базе. — Есть у нас такой слесарь, но у него другие паспортные данные. Редкое совпадение. За нашим Петровым числятся два успешных ремонта за последние два дня, в то время как мы уже потеряли трех человек.

Сосновский ненадолго задумался.

— Иван, пробей этого нового Петрова, что он за птица такая. И узнай, все ли в порядке со старым.

— О старом Петрове ничего неизвестно, — через некоторое время доложил Голев. — На звонки не отвечает, дома с позавчерашнего дня не появлялся. Новый Петров тоже по профессии слесарь, высококвалифицированный, но часто меняет место работы, последний раз уволился как раз позавчера, отслужил в армии, не женат. Подробнее о нем пока сказать не могу.

Сосновский потер виски.

— Что это: случайность, счастливый случай или он засланный казачок? — произнес он задумчиво. — Поведение дестроеров изменилось: вместо обычных пакостей они перешли к активным вмешательствам и убийствам. По-видимому, нашего старого Петрова тоже убили. Иван, тело не находили?

— Делаю запрос, быстро узнать не получится, — Голев застучал по клавишам.

— Ладно, разберемся, — и Сосновский вернулся к своим размышлениям вслух: — И тут появляется некто, выдающий себя за него, причем успешно выполнивший его работу и при этом оставшийся в живых. Нам пригодился бы такой сотрудник, но есть сомнения. Иван, пройди в пе-

реговорную, прощупай его аккуратненько. И пока сделаем вид, что не распознали подмены.

— Понял, Роман Яковлевич, разрешите идти? — И Голев после короткого кивка шефа отправился на randevу то ли с врагом, то ли со спасителем.

Трудная задача стояла перед Сосновским. Рушилась система мироздания. Земля изрыгала лаву из, казалось бы, давно потухших вулканов, цунами и торнадо невиданной силы проносились по городам, оставляя после себя катастрофические разрушения. Снег в пустынях и таяние многовековых льдов. Наводнения, засухи, лесные пожары. Катаклизмы такой силы и частоты со времен Великого потопа на Земле не фиксировались. Да что природа! Человечество стремительно приближалось к третьей мировой войне со всеми вытекающими апокалиптическими последствиями.

Корпорация «Мироздание», международная корпорация, развернувшая филиалы во всех странах, призванная соблюдать порядок в мировом масштабе, столкнулась с небывалыми трудностями. Дестроеры, ставящие целью разрушение мира, перешли к активным действиям.

Так было всегда: кто-то создает, кто-то разрушает. И порой действительно невозможно построить новое, не снеся старого, ветхого. Диалектика, однако. Но чтобы вот так — крушить все подряд. Это уже перебор, грозящий вселенской катастрофой.

Мироздание — невероятно сложная штука. Как и любое здание, оно имеет фундамент, несущие конструкции, систему коммуникаций. Управляющая компания «Мироздание» занималась ремонтом и наладкой коммуникационных систем.

И вот сейчас как будто плотину прорвало. Повсеместно и лавинообразно стали выходить из строя мелкие и крупные объекты, отвечающие за устои мироздания. В Москве слесари и техники сбились с ног, устраняя неполадки

порой ценой собственной жизни. И вот это — открытые военные действия — для руководства корпорации стало полной неожиданностью.

На фоне чрезвычайной нервозности и неопределенности новость откуда появившийся внештатный сотрудник казался посланцем стабильности и спокойствия. Сидит себе в переговорной как ни в чем не бывало, ногу на ногу закинул.

На экране монитора Сосновский увидел, как открылась дверь.

— Здравствуйте! Меня зовут Иван Голев, я сотрудник первого отдела, — Иван протянул руку сидящему напротив молодому человеку.

— Алексей. Петров. Слесарь, — ответил на приветствие и рукопожатие Леха.

Иван включил компьютер, зашел в профайл Петрова, сделал вид, что изучает его, хотя уже успел ознакомиться с ним.

— В связи с участвовавшими случаями вандализма, — Голев умолчал о смертельных исходах, — мы внесли изменения в нашу политику безопасности. Но сначала я хотел спросить: вы замечали что-нибудь необычное в последнее время?

Леха хмыкнул, покачал головой.

— Ну, во-первых, это не вандализм, у вандалов не водится оружие с глушителем.

И он подробно рассказал о событиях последних двух дней, умолчав о том, что случилось с штатным слесарем Петровым. Почему Леха не раскрылся полностью? Казалось бы, зачем скрывать его убийство и свое самозванство? Что-то его останавливало. Что? Уж точно не голос разума. Нежелание связывать себя узами трудового договора со столь опасной для жизни компанией? Ох, не стоит об этом спрашивать у самого Лехи. Он не ответит.

Сосновский, глядя в экран монитора, внимательно следил за мимикой Петрова. Не признался. Что скрывает?

— У вас нет отчета о последних двух заявках, почему?

Леха рассказал, что всю ночь прятался в тоннеле, связи не было. А потом просто не успел, доставал запчасти.

— А почему не у нас на складе взяли?

— Так ведь охотились за мной, а следы заметать на складе компании не лучший вариант. Кстати, я составил список. Там контакты тех, у кого брал. Я сегодня без сумки, вы не могли бы... ну, там... дать указание...

— Да, хорошо, — Голев пододвинул к себе листок, — я передам, на складе разберутся.

Сосновский внутренне согласился с доводами Петрова, отметив, что он правильно придумал — не развозить самому запчасти по знакомым, чтобы не увеличился риск слежки. Но был эпизод из рассказа про то, как Петров уходил от преследования в тоннеле городских коммуникаций, который не давал покоя.

— Иван, спроси, что он знает про камеру? — прозвучал в наушнике Голева голос Романа Яковлевича.

— Алексей, чуть подробнее о том, как вы попали в камеру в тоннеле.

Леха немного задумался. А что можно сказать?

— Ну, деваться некуда было, открыл дверь...

— Чем? — переспросил Голев, подумав, догадался ли Петров, что универсальным ключом он действительно может легко открывать любые замки.

— Да нашелся подходящий инструмент... Грязное помещение, заваленное всякой хренью... Не знаю, темно было. Ничего такого особенного не заметил.

Когда Леха в своем рассказе упомянул про камеру, Сосновский заметно занервничал. Через такие камеры, и только через них был доступ к подземным коммуникациям мироздания. Если дестроеры доберутся до них, то до

полного разрушения мироздания — один снаряд пульнуть. Ну, не один, конечно, но путь в святая святых им будет открыт. Для надежной маскировки в камерах компьютерным способом моделировался полный хаос, а вход к коммуникациям прятался за тяжелым предметом, который было невозможно сдвинуть. Обычными средствами, конечно. Специально обученные люди со специальным оборудованием вход, естественно, могли открыть. Неосведомленный человек ничего не заподозрил, это хорошо.

— Иван, не говори пока о том, что мы знаем, кто он на самом деле, — дал еще одну рекомендацию Сосновский.

Иван слушал Леху внимательно, тоже пытаясь догадаться, что же у того на уме. Была очевидная неувязка — внешне открытый и искренний парень упорно не желал идти на прямое сотрудничество с компанией. Иван задавал наводящие и уточняющие вопросы, но там, где касалось собственно работы, взаимопонимание было полное и рабочий энтузиазм присутствовал. Но не признавался парень в том, что было очевидно сотрудникам первого отдела.

— Хватит, Иван, не дави, — посоветовал Сосновский, — пусть будет считаться внештатником, может, это и к лучшему. Последи за ним несколько дней. А сейчас выдай ему новую карту, замени смартфон и перепрограммируй чип на универсальном ключе. А потом отправь в медкабинет, нам нужна его биометрия.

Закруглившись с вопросами, Голев перешел к инструкциям.

— Алексей, мы, собственно, вот по какой причине вызываем сотрудников. Понимая, что возрастают угрозы со стороны пока неизвестных нам лиц, мы вводим новые уровни безопасности. Вот вам новый служебный смартфон со всем необходимым программным обеспечением. Сторонние программы на него не устанавливайте, только если будут от нас инструкции.

Голев открыл сейф, достал гаджет, подготовленный для передачи новым сотрудникам.

— Сдавайте старые устройства.

— Карта там сзади, в чехле, — подсказал Леха.

— Вот новая банковская карта, — немного повозившись с настройками, Иван выдал Лехе карту и смартфон, — вводите пин-код и пароль. Не забудьте внимательно прочитать руководство к программам — там много изменений. Теперь давайте универсальный ключ, его тоже надо перепрограммировать.

Голев застыл с протянутой рукой, пока Леха делал вид, что роется по карманам, а при этом старался быстро сообразить, что же это такое. Рука наткнулась на отмычку, и он вспомнил Лешино назидание: «Это не отмычка, это универсальный ключ».

— Вот, пожалуйста.

Леха с тщательно скрываемым удивлением наблюдал за тем, как невзрачная проволока с заглушкой на конце отправляется на специальную подставку, соединенную проводом с компьютером.

— Учтите, Алексей, теперь смартфон связан с ключом. Если они окажутся на расстоянии больше ста метров друг от друга, к нам поступит сигнал об опасности, а чип на ключе самоуничтожится. Это еще одна степень защиты сотрудников. Берегите ключ!

— Уж лучше бы опера приставили, — хмыкнул Леха.

— У нас сейчас нет столько оперативных сотрудников, чтобы к каждому приставлять, но могу уверить, что объекты отслеживаются и мобильные бригады в случае чего подъедут быстро.

Леху такой ответ не очень удовлетворил.

— А что же в Филевском парке и на Горбунова никто не подъехал?

— Вандалы в первую очередь вывели из строя камеры. Что там происходило, мы не видели. Но по вашей геопо-

зиции и по тому, что объекты заработали, стало понятно, что неисправности устранены. А камерами сейчас занимаются другие службы.

Сосновский задумался. Тела слесаря Петрова обнаружено не было, когда туда приехали телеметристы и видеоинженеры. Зачем дестроерам понадобилось тело? Искали универсальный ключ или что-то еще? Пока ответа Роман Яковлевич не находил. И именно из-за отсутствия изображения Лехина подмена не была обнаружена, и личности вандалов тоже остались неизвестными. Над тем, чтобы установить надежную охрану объектов, нужно было еще серьезно поработать.

— Алексей, а теперь пройдите в медкабинет, слева по коридору первая дверь, — продолжал инструктаж Голев, — пройдите диспансеризацию. И после этого вы свободны. Все дополнительные инструкции по мере необходимости будут вам высланы на смартфон. Будьте осторожны! Успехов!

Сосновский переключил внимание на камеру в медкабинете и обратился уже к доктору:

— Диана, сейчас к тебе придет наш новый сотрудник, нечипированный, без временного пропуска. Сними биометрию, сделай экспресс-анализы, занеси в базу.

Строгая молодая женщина с аккуратной прической и скромным макияжем, одетая в светло-синий медицинский костюм слегка вздрогнула от неожиданности — не часто оживал обязательный атрибут, наушник.

Петров постучался в дверь, приоткрыл ее.

— Можно?

— Заходите, — доктор указала на стул перед столом, за которым сидела. — Фамилия, имя, отчество.

Леха назвал. Диана на секунду замешкалась.

— Да, у нас теперь два таких одинаковых сотрудника. Бери нижнего в списке, — раздался в наушнике голос Сосновского.

Проверка зрения — и фото радужки заносится в базу данных, несколько вопросов о самочувствии — и образец голоса записан. И так незаметно, вроде как проходя диспансеризацию, Леха сдал себя со всеми потрохами в секретные архивы влиятельной мировой корпорации.

Когда Диана потянулась за чипом, чтобы ввести его под кожу Лехе, в наушнике раздался голос Сосновского.

— Не сейчас. Некоторое время он будет работать без чипа.

Удивляться приказам начальника первого отдела и спорить с ним никто из сотрудников даже не пытался. Надо — значит, надо.

Леха тоже не пытался противиться диспансеризации. Обычное явление при приеме на работу. Пару раз пытался разговорить сидящую перед ним женщину, но та настойчиво просила не мешать, и Леха потерял к ней интерес.

Не меньше чем пару часов он провел в офисе и, выйдя, наконец, на улицу, нагруженный новыми знаниями, присел на скамеечку в специально отведенном месте для курения и не спеша перекурил. Задуматься было над чем. Во-первых, его не вычислили. Немного странно, но, с другой стороны, паспортные данные вахтер ни с чем не сверял, просто проверил имя с фамилией и сравнил со списком. То, что не выходил на связь последние два дня, — ну так чрезвычайные обстоятельства, тоже объяснимо.

Еще и еще раз Леха прокручивал в голове беседу в переговорной. Вроде поводов для беспокойства не было, но осадочек оставался. Достал смартфон, зашел в банковское приложение, цокнул языком. Да, с зарплатой здесь не скупились, живем!

Леху устраивал нынешний порядок вещей: работа, достаток, но при этом формально невовлеченность в довольно стремные дела секретной компании. Ну да, работа опасная, но зато и деньжищи какие! Где наше не пропадало! Да нигде Лехино не пропадало, всегда умудрялся избежать беды, в какие бы ни попадал передраги.

На стоянке напротив разгрузочной зоны в кабине фуры, разрисованный картинками популярной сети супермаркетов, двое мужчин внимательно наблюдали за вышедшим из дверей конторы Лехой.

— Это он? — спросил тот, что с бородой, сидящий на месте водителя, у другого, в форме охранника.

— Похож... Но не уверен. Роба уж больно незаметная. Я его хоть и видел тогда близко, но запомнил плохо, кепка была низко надвинута. Да тот и с усами был.

— Ну, усы можно сбрить, — заметил бородатый.

— Можно, конечно, — вздохнул охранник, но в голосе звучала неуверенность.

— Ты, когда его досматривал, ничего такого не нашел?

— Да нет, смартфон обычный, набор инструментов перерыл, ключа не нашел.

— Обыскал? Карманы проверил?

— Нет, это бы выглядело совсем подозрительно. Причин-то не было. Ну да, заблудился, в том районе немудрено.

— Тот, кого мы ищем, непрост, мы всех слесарей знаем, а этот... «неуловимый Джо» какой-то. Смотри, курить пошел, им же строго запрещены вредные привычки! Значит, не в штате.

— Может, пришел устраиваться, да не взяли. Мало ли, какие грехи за душой.

— Похоже на то, — вздохнул бородатый. — Ладно, продолжаем наблюдение. И они снова переключили внимание на вход, забыв про Леху.

А Леха, затушив окурок, поднялся со скамеечки и не спеша направился домой. Простой парень с рабочей московской окраины, каких в каждом дворе — половина. Внештатный сотрудник секретной организации, который — кто знает? — призван спасти мир от надвигающегося безумия и хаоса.

Литературно-художественное издание

ПОВОДЫРЬ

Серия
«КВАНТУМ САТИС — АПТЕКАРЬ»

Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Составитель и предисловие
Ольга Грушевская

Художник (обложка)
Игорь Бурдонов
Картина «Я увидел новое...» 2 апреля 2015 г.

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Подписано в печать 20.04.2022 г.
Заказ № 010422

Издательство «Новый Современник»
115404, г. Москва, ул. 6-я Радиальная, д.3, корп.6, кв.70
E-mail: izdat-ns@mail.ru